

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ
по следующим научным специальностям,
по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАН, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусалаян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородинкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Когай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несеяра (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткин (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПМ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2025

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyeva (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Историко-философские предпосылки неогегельянства А. Койре <i>Чурин Г.А.</i>	151	Historical and philosophical foundations of A. Koyré's Neo-Hegelianism <i>Georgy A. Churin</i>
Хайдеггер, французская постфеноменология, онтология сияния и спекулятивный реализм: на пути к невидимому <i>Артюшенко П.О.</i>	168	Heidegger, French postphenomenology, ontology of shining, and speculative realism: on the way to the unseen <i>Polina O. Artyushenko</i>
Критическое мышление как междисциплинарная научная проблема <i>Голубинская А.В.</i>	182	Critical thinking as an interdisciplinary scientific problem <i>Anastasia V. Golubinskaya</i>
Проблема бесконечности в эволюции философских, научных и религиозных взглядов <i>Филатова М.И.</i>	196	The problem of infinity in the evolution of philosophical, scientific and religious views <i>Maria I. Philatova</i>
Онтологические основания изменений ценностных ориентиров в свете подходов синергетики и общей теории систем <i>Оконская Н.К., Ермаков М.А.</i>	208	Ontological foundations of changes in value orientations in the light of synergetics and systems theory approaches <i>Natalia K. Okonskaya, Mikhail A. Ermakov</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Ценности и когнитивная рефлексия: проверка гипотезы о социальной эвристике <i>Вухман А.А.</i>	216	Values and cognitive reflection: verifying the social heuristics hypothesis <i>Aleksander A. Vikhman</i>
Проблема классификации проявлений психологического насилия <i>Чулошников А.И.</i>	229	The problem of classifying the manifestations of psychological violence <i>Alexey I. Chuloshnikov</i>
Применение нейрографики для преодоления психологического отчуждения <i>Китаева М.П.</i>	245	The use of neurographica to overcome psychological alienation <i>Maria P. Kitaeva</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Всемирный обзор ценностей: возможности и ограничения при анализе консолидационного потенциала территории <i>Волегов В.С., Сомхивили К.О.</i>	262	World Values Survey: the possibilities and limitations in analyzing the consolidation potential of a territory <i>Vladimir S. Volegov, Kristina O. Somkhishvili</i>
--	-----	--

<p>Специфика жизненных шансов молодежи в условиях российского мегаполиса</p> <p><i>Дияжев А.В.</i></p>	274	<p>Life chances of youth in a russian megapolis</p> <p><i>Andrey V. Diyazhev</i></p>
<p>Молодежные организации: типы и этапы формирования взаимодействия с государством (по материалам российских социологических исследований)</p> <p><i>Яковенко А.К., Бесчасная А.А.</i></p>	286	<p>Youth organizations: the types and stages of formation of their interaction with the state (based on Russian sociological studies)</p> <p><i>Anton K. Yakovenko, Albina A. Beschasnaya</i></p>
<p>Информация для авторов</p>	297	<p>Guidelines for English-speaking authors</p>

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.32

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-151-167>

EDN: BXZKAW

Поступила: 29.12.2024

Принята: 21.05.2025

Опубликована: 03.07.2025

**ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВА А. КОЙРЕ*****Чурин Георгий Андреевич****Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Александр Койре был одним из первых, кто возмутился отсутствию наследия Гегеля во Франции. В своем «Докладе о состоянии гегелеведения во Франции» (1930) Койре прямо заявлял о необходимости сформировать философскую почву для (пере)открытия наследия классика немецкого идеализма. Во многом именно его выступление стало тем самым спусковым крючком, после приведения в действие которого полномасштабно запустился проект под названием «французское неогегельянство». На основании этого в статье предпринимается попытка рассмотреть историко-философские предпосылки интеллектуальной атмосферы Франции конца 20-х и начала 30-х гг. XX в., к которой, безусловно, мы можем причислить и А. Койре. Выяснить, что именно побудило русского эмигранта выступить с обвинениями в адрес интеллектуальной элиты Франции того времени, позволит анализ смены парадигмы старого способа философствования, на смену которому пришло поколение «трех Н», как лапидарно назвал этот феномен В. Декомб. Благодаря анализу философского контекста во Франции первой трети XX в. мы сможем достичь сразу несколько позитивных выводов для истории философии. В первую очередь, мы сможем указать на «французское неогегельянство» как парадигмальный феномен для своего времени, представители которого в той или иной мере вдохновлялись Гегелем, Гуссерлем и Хайдеггером. На примере интеллектуальной биографии А. Койре мы выделим основные интерпретационные точки опоры для экспликации того, какое представление о феноменологии и экзистенциальной аналитике выступало в качестве формообразующего. Основной опорой для подобного рода восприятия мысли А. Койре служит тот факт, что именно он задал тренд на антропологизацию Гегеля, что достигнет своего апогея во «Введении в чтение Гегеля» А. Кожева.

Ключевые слова: А. Койре, Гегель, А. Райнах, феноменология, история науки, французское неогегельянство.

Для цитирования:

Чурин Г.А. Историко-философские предпосылки неогегельянства А. Койре // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 151–167. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-151-167>.
EDN: BXZKAW

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF A. KOYRÉ'S NEO-HEGELIANISM

Georgy A. Churin

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Alexander Koyré was one of the first to be outraged by the lack of Hegel's legacy in France. In his Report on the State of Hegelian Studies in France (1930), Koyré explicitly stated the need to form a philosophical basis for (rediscovering) the legacy of classical German idealism. In many ways, it was his speech that became the trigger after which the project called «French Neo-Hegelianism» was launched in full force. Based on this, the article attempts to examine the historical and philosophical prerequisites of the intellectual atmosphere in France in the late 1920s – early 1930s, with A. Koyré undoubtedly being its part. To find out what exactly prompted the Russian emigrant to make accusations against the intellectual elite of France of the time, one should analyze the paradigm shift during which the old way of philosophizing was replaced by the generation of the «three N», as the French philosopher Vincent Descombes aptly called this phenomenon. An analysis of the philosophical context in France in the first third of the 20th century brings us several positive conclusions for the history of philosophy. First of all, we can point to «French Neo-Hegelianism» as a paradigmatic phenomenon for its time, whose representatives were, to varying degrees, inspired by Hegel, Husserl, and Heidegger. Using the example of the intellectual biography of A. Koyré, we will highlight the main interpretative points for the explication of which idea of phenomenology and existential analytics acted as a formative one. The main basis for such perception of A. Koyré's thought is the fact that it was he who set the trend toward the anthropologization of Hegel, which will reach its climax in the Introduction to the Reading of Hegel by A. Kojève.

Keywords: A. Koyré, Hegel, A. Reinach, phenomenology, history of science, French Neo-Hegelianism.

To cite:

Churin G.A. [Historical and philosophical foundations of A. Koyré's Neo-Hegelianism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 151–167 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-151-167>, EDN: BXZKAW

Введение

Цель нашего исследования состоит в выявлении особенностей той интеллектуальной атмосферы, в которой формировалось столь значимое для мировой философии направление, как французское неогегельянство. Во-первых, мы обратимся к такому влиятельному в XIX в. во Франции философскому течению как спиритуализм. Во-вторых, проанализируем вклад бергсонизма и феноменологии в формирование этой атмосферы. В-третьих, будут исследованы непосредственные историко-философские предпосылки творчества А. Койре: рецепции феноменологии Гуссерля–Райнаха, экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера, концепция философии науки Э. Мейерсона.

Наша гипотеза состоит в том, что именно развитие указанных философских течений позволило А. Койре в 1930-х гг., с одной стороны, заявить об отсутствии гегельянской традиции во Франции как о серьезном изъяне, а с другой стороны — первым провозгласить курс на антропологическое прочтение Гегеля.

Спиритуализм XIX века, бергсонизм и феноменология как ранние предпосылки французского неогегельянства

Исследование предпосылок философского творчества основных представителей французского неогегельянства непроизвольно принуждает нас к тому, чтобы обратиться к наследию XIX столетия, где гремели имена мыслителей из школы идеологов (Кабаниса, де Траси,

например), Мен де Бирана, В. Кузена, Ф. Равесона, Ш. Ренувье и, наконец, А. Бергсона.

Одновременно с критикой наследия века Просвещения и его последним издыханием в виде школы идеологов на авансцену философии во Франции вышло новое течение — спиритуализм, основоположником которого по праву можно считать Мен де Бирана. Следуя разделению, предложенному в диссертации А.А. Кротова «Философия Мен де Бирана» [Кротов А.А., 2000, с. 19], мы сконцентрируемся на втором этапе творчества Мен де Бирана, на протяжении которого он выступает с критикой школы идеологов и их философского проекта — преимущественно, конечно, концентрируя всю мощь удара вокруг таких титанов своего времени, как Д. де Траси и П.Ж.Ж. Кабанис.

Второй этап философских штудий Бирана особенно важен для нашего исследования, т.к. его рецепцию мы можем отыскать у французских философов конца XIX столетия. В сочинении 1806 г., «Об анализе мышления», Биран окончательно порывает с идеологами по ряду пунктов. Он не согласен с интерпретацией активного ощущения. Его, по мнению Бирана, следует интерпретировать через подвижность волевого усилия человека, не редуцируемого до физиологического истолкования, как это было у де Траси, что влечет за собой и новый статус волевого начала в доктрине Бирана. Отныне воля объявляется «сверхорганическим» элементом.

Ко всему прочему, классификация ощущений на активные и пассивные привели Бирана к отказу от идеологической догмы о качественном единстве опыте, что отстаивалась в «Элементах идеологии» де Траси.

В ходе полемики с идеологами Биран оттачивает и свой метод, аккумулирующий в себе сразу несколько функций:

- 1) интроспекцию, благодаря которой мы открываем для себя присутствие идей;
- 2) дедукцию, которая сопоставляет наши идеи с полученными данными и на их основании выносит умозаключения;
- 3) повторную интроспекцию, необходимую для того, чтобы удостовериться в корректности дедукции второго шага.

Рефлексивный метод позволяет нам вскрыть два основных модуса мысли (пассивное и активное восприятие), на плечах которых стоит все здание человеческого знания и интеллектуальные способности человека в целом.

Пожалуй, самым важным для историко-философской традиции сочинением Мен де Бирана можно назвать его незаконченный «Опыт о психологии», т.к. именно в нем будет заложено то концептуальное ядро, что будет одновременно и способствовать теоретическому развитию спиритуализма, и приведет его к кризису или невозможности адаптироваться к актуальному философскому полю, как это произошло с бергсонизмом, на смену которому очень кстати придет феноменология.

Главной задачей своего труда Биран ставил построение научной психологии, поиска ее незыблемого основания. Примечательным аспектом такой задачи является тот факт, что Биран не проводил различия между метафизикой и психологией, т.е. построения научной психологии может расцениваться и как проект построения метафизики как науки.

В качестве базиса новой дисциплины Биран выделяет факт сознания. Факт в доктрине Бирана есть все, что существует для нас, все, что мы можем воспринимать извне, ощущать в нас самих, постигать в наших идеях, условный гуссерлевский *geel*, если искать исторические аналогии. Для факта сознания нужен его носитель, т.е. психологический субъект. Открыть доступ к этому факту мы можем лишь посредством интроспекции, в противном случае, замечает Биран, никакое знание для нас не будет доступным и явленным.

В ходе дескрипции факта сознания Бираном мы можем столкнуться со следующими выражениями: он выступает «основой науки о принципах», «исток науки вообще», «первое знание», «сущностное начальное условие» внешних восприятий, «общее и необходимое условие всех других фактов», «фундамент всех доказательств».

Таким образом, самосознание выступает условием любого факта сознания и любого факта в принципе, потому что в каждом нашем познавательном акте присутствует конкретная постоянная — наше «Я», чувство индивидуального существования. Именно внутреннее ощущение «Я», которое сохраняет свое единство в ходе познания, является фундаментом научной теории психологии. Значимым дополнением к характеристике этого внутреннего чувства является утверждение о том, что чувство «Я» не принадлежит ни сфере чувственного опыта, ни

сфере рассудочной деятельности, оно постигается непосредственно и очевидно через волевое усилие. Для обращения к самому себе, т.е. для осуществления интроспекции, человек должен задействовать свою волю, которая выступает причиной действия нашего «Я». Таким образом, воля и есть тот самый первоначальный акт сознания, тождественный «Я».

Сверхорганический характер воли, которым ее наделил Мен де Биран, повлиял на его систему «антропологического спиритуализма». Антропология Бирана рождается из критики материализма и физиологии, аргументы против которых мы можем найти в «О непосредственной апперцепции», «Опыте об основаниях психологии», «Философских речах». Критика материализма проводится им по 2 основным линиям: первая связана с отказом редуцировать человеческую волю к ее материальным детерминантам, что обусловлено тем, что воля человека опирается на внутреннее, а не на внешнее чувство; вторая связана с установлением зависимости мышления человека от его тела. В данном случае наиболее удобным нам представляется свести критику Бирана к критике натурализма: зависимость тела и мышления рождаются вследствие натурализации сознания, которое пытаются исследовать средствами естественнонаучных дисциплин, что наделяет содержание сознания пространственными характеристиками.

Метафизические заблуждения же, как полагал французский философ, можно преодолеть в том случае, если мы сможем осуществить проект «примирения» философских истин. Основанием для такого сближения всех идей будет выступать «научная психология» Бирана с ее первичным фактом сознания в качестве базиса для построения науки о внутреннем опыте человека.

Одним из самых влиятельных и известных популяризаторов идей Мен де Бирана был В. Кузен, называвший Бирана своим учителем. Кузен сохранил ряд теоретических допущений Бирана, но одновременно с этим он хотел избавиться от онтологического дефицита бирановской системы, которая подразумевала невозможностью познания субстанций внешней действительности. Главный посыл Кузена можно представить так: в философии должны остаться только те истины, которые основываются на соответствии научной психологии и ее принци-

пов. В исследованиях актов сознания Кузен выделял два метода: индукцию, обеспечивающую построение научных систем, и наблюдение, за счет которого мы могли бы обосновать положения школы Здравого смысла (одними из идейных вдохновителей философии В. Кузена стали Т. Рид и Д. Стюарт).

Метод наблюдения с необходимостью призывает нас обратиться к данным собственного сознания, обладающих непосредственным и очевидным характером. Таким образом, первым разделом философии эклектизма становится психология, которую Кузен вслед за Бираном отождествлял с гносеологией. Все факты сознания мы можем поделить на три несводимых друг к другу группы: факты ощущения, факты воления и факты понятия.

Виктор Кузен не желал отождествлять разум и волю, т.к., по его мнению, в таком случае мы не смогли бы объяснить соответствие понятий нашего разума опытным данным. Так свое название получила доктрина «безличности разума», признающая за разумом высшую познавательную способность, с чем боролся поздний Мен де Биран.

Еще одним и, пожалуй, главным нововведением в спиритуалистической философии В. Кузена стало введение онтологии. Кузен настаивал на возможности перехода от психологии к онтологии, аргументируя эту позицию тем, что разум, чтобы иметь представления о чем-либо, должен включать в себя некий материал в виде феноменов, т.к. породить собственное содержание благодаря себе самому разум не способен. Из этого В. Кузен делает следующий вывод: если разуму нужны феномены в качестве посылок для собственного рассуждения и познания внешнего мира, а эти феномены находятся за пределами нас, то мы можем утверждать с достоверностью, что внешний мир есть и его необходимо изучать. В устройстве мира Кузен выделял три рода сущностей: тварные индивидуальные души людей; нематериальные силы природы — «безличные духовные монады»; Бог, которого исповедуют христиане.

В 1830-е гг. В. Кузен начал читать курс лекций в Сорбонне, на одной из которых объектом его внимания стал Аристотель. В учении Стагирита Кузен находил черты эклектизма, в чем сам Кузен, используя *argumentum ad hominem*, находил корректное обоснование своей линии

философии: «Аристотель обосновывает и организует, и, стало быть, ничего не исключает. Он все классифицирует (*classe*) — как системы, так и идеи и предметы. Вместо того чтобы презирать системы своих предшественников, он их исследует, изучает и, путем углубленного анализа, сводит к их элементарным принципам» (цит. по [Блауберг И.И., 2014, с. 52]). Примерно в тот же период на философскую арену Франции выходит Ф. Равессон, первое сочинение которого, представленное в качестве эссе для конкурса Академии моральных и политических наук, было посвящено «Метафизике» Аристотеля. Мемуар Равессона, посвященный трудам Аристотеля, был высоко отмечен председателями Академии, в том числе и В. Кузеном. Первое сочинение Равессона, заточенное на изучение исторического и философского контекста «Метафизики» Аристотеля, а также ее последующему влиянию на историю философии вплоть до Канта, заканчивается риторическим вопрошанием о будущем философии, о ее облике и характерных чертах. Среди таковых Равессон выделяет три: 1) «Подлинный метод состоит в обращении духа к самому себе, где он схватывает себя одновременно в своей потенции и в своем развитии, как активную причину и абсолютную силу»; 2) «Высший принцип всякой реальности, как в существовании, так и в мышлении, — это сила, где бесконечное и конечное непрестанно различаются и отождествляются в движении жизни. — Система мышления и мира строится, путем гармоничного развития, на основе принципа силы как универсальный динамизм»; 3) «Закон философского метода отражает закон мышления и существования; это развертывание и свертывание (анализ и синтез), сведение различий ко все более высокому единству, где они обретают свое значение и абсолютную истину. ...Именно эти, отныне бессмертные, принципы направляли нас в работе и будут направлять впредь в наших философских занятиях» [Блауберг И.И., 2014, с. 56].

В трех упомянутых характеристиках «философии будущего» будут сконцентрированы основные векторы творчества Равессона.

Положительную рецензию на работу Равессона мы находим в одном из писем В. Кузена, отправленных Шеллингу, после чего между Шеллингом и Равессоном устанавливается интеллектуальное сотрудничество, которое в

большей мере, нежели диалог самого Кузена с Шеллингом, обогатит французское сообщество идеями немецкого мыслителя. Диалог между Шеллингом и Равессоном связан с публикацией «Фрагментов» В. Кузена, который послал их для ответной реакции Гегелю и Шеллингу. Во «Фрагментах» Кузен давал общую оценку развитию философии во Франции и других странах, включая Германию. Если рецензия Гегеля в ответном письме Кузену выдержана в дружеском тоне, то рецензия Шеллинга выдержана в критическом и негативном ключе. В. Кузен, стремящийся к диалогу между двумя странами, пожелал включить замечания Шеллинга при публикации своего сочинения в качестве предисловия к основному тексту. Перевести с немецкого шеллинговскую критику «Фрагментов» было поручено Равессону. В своем переводе Равессон несколько не стремился к тому, чтобы выступить в защиту Кузена, который считал Равессона своим лучшим учеником (с таким статусом Равессон, конечно, не хотел мириться). Во многом из-за рецензии Шеллинга в отношениях между Равессоном и Кузеном наметился разрыв, благоприятно отразившийся на последующей судьбе самого Равессона: во-первых, Равессон впервые установил отношения с Шеллингом, которые сохранит на долгие годы, вплоть до смерти немецкого философа; во-вторых, именно в этот период Равессон действительно осознал, кто он есть, и, скажем так, открыл самого себя в период с 1835 по 1837 гг., в эти два года, разделяющих написание мемуара и первого тома «Опыта», а главным образом — в 1837–1846..., по удачному замечанию А. Бергсона [Бергсон А., 2010, с. 202]. После разрыва с Кузеном и критическим исследованием творчества Аристотеля в свет выходит первый том фундаментального труда Равессона, принесшего ему известность, — «Опыт о Метафизике Аристотеля». В этом сочинении Равессон будет развивать основные интуиции своего первого мемуара об Аристотеле, а также, разбирая различия между платоновской и перипатетической доктринами, сформулирует основной вектор своей философии: исследуя основания метафизики, Равессон утверждает, что в этой дисциплине «всеобщность понятий должна соединяться с реальностью индивида, сущность — с существованием, мышление — с бытием, абсолютная универ-

сальность — с абсолютной индивидуальностью» (цит. по [[Блауберг И.И., 2014, с. 68]]).

В 1837 г. Равессон сдал экзамены на степень агреже и приступил к написанию своей докторской диссертации, посвященной проблеме привычки. Непосредственным предшественником в исследовании природы привычки является Мен де Биран и его ранее сочинение, еще идеологического периода. Примечательно, что сам Равессон несколько раз ссылается на Мен де Бирана в своей работе, с пиететом перечисляя его заслуги, но в своей основе — в методологии, в логических ударениях собственных рассуждений, в границах постановки проблемы привычки, которая выйдет в труде Равессона на уровень универсума, в чем сказывается уход Равессона в сторону от избранного Бираном курса. В диссертации Равессона мы можем отыскать будущие причины популярности анимизма и витализма Бергсона: Равессон ссылается на таких ярких фигур интеллектуальной культуры Нового времени, как Ян Баптист, Ван Гельмонт, Шталь, Рихтер, Биш, Бонне, Бюиссон и мн. др. виталистов XVI–XVIII вв. Ключевым мыслителем для Равессона из всей этой плеяды был немецкий ятрохимик Георг Эрнст Шталь. В его воззрениях Равессона привлекало учение, согласно которому нематериальная душа является началом всего живого на Земле «не в рефлексивной форме, но в форме инстинктивной мудрости и интуиции» (цит. по [[Блауберг И.И., 2014, с. 74]]). Равессон полагал, что привычка есть константный модус существования живого существа. Обнаружить привычку становится возможным при определенной онтологической модификации: существо в своем модусе существования переходит от небытия к бытию, продолжительность которого зависит от причины, актуализирующей это существо. Отсюда следует первичное определение Равессоном «привычки» — это «предрасположенность к изменению, порожденная в существе непрерывностью или повторением одного и того же изменения» [Блауберг И.И., 2014, с. 75]. Определив причину появления привычки, Равессон стремится выяснить ее онтологические основания, ввиду чего обращается к иерархии бытия, в котором выделяет мир органической и неорганической природы. По его мнению, все существующее в мире стремится продолжить свое существование, это

фундаментальный закон бытия. Условием существования любого живого существа Равессон называет единство постоянства и изменчивости, т.к. всякое существо живет в пространстве, которое имеет относительно устойчивую и постоянную форму, а время — форма изменчивая. На первом уровне иерархии бытия, в неорганическом мире, посредством взаимозависимости пространства и времени, постоянства и изменчивости, формируются условия для возникновения привычки, но не она сама, т.к. в неорганическом мире отсутствует подлинное единство бытия, Равессон называет его «гетерогенным». Подлинная привычка возникает только на органической стадии, на уровне «жизни», а не «организации», хотя последняя выступает материей для первой, но именно жизнь наделяет косную материю формой и единством. Одновременно с этим на органическом уровне возникает носитель жизни — субстанция, развивающая свою внутреннюю и имманентную ей потенцию. Только такое существо — субстанция — обладает жизненным началом, реализуемым им в качестве бытия природы. «Привычка может начаться только там, где начинается сама природа» (цит. по [[Блауберг И.И., 2014, с. 77]]). Одновременно с этим переопределяются и условия возникновения привычки — постоянство и изменения. Отныне их реализация способствует развитию спонтанности и восприимчивости, основным центром которых является душа. Душа — это не поддающаяся естественной детерминации сущность, которая выводит нас на уровень свободы: «Существо, изначально вышедшее из фатальности механического мира, предстает в нем в осуществленной форме наиболее свободной активности. А это существо — мы сами» (цит. по [[Блауберг И.И., 2014, с. 79]]). Отсюда мы выводим существование сознания, подразделяющегося на интеллект и волю. Открытие сознания позволяет нам заново посмотреть на дискурс о природе: «В сознании, напротив, одно и то же существо действует и видит действие, или скорее действие и видение действия совпадают. Автор, драма, актер, зритель составляют единое целое» (цит. по [[Блауберг И.И., 2014, с. 79]]). Благодаря сознанию мы можем исследовать причину привычки, ее «первопринцип». В качестве метода такого исследования Равессон избирает метод аналогии, полагая, что, если все

существа имеют в себе духовное зерно, то, обращаясь к собственному сознанию, мы сможем делать выводы о внешних феноменах.

Развивая свои рассуждения, Равессон обращается к анализу привычки и инстинкта, следуя в данном пункте Мен де Бирану. Привычка схожа с инстинктом, который представляет собой изначальные стремления живого существа, но менее рефлексивного плана, нежели привычка. Равессон поясняет это таким образом, что изначально инстинкт сопровождает привычку, а привычка, вырабатываемая посредством обучения, повторяемости и иных способов закрепления одного и того же действия, выводит саму себя снова на инстинктивный уровень, когда человеку нужно не рефлексировать о чем-либо, а исполнять уже привычный набор действий. Таким образом, мы сталкиваемся с кругом: инстинкт порождает привычку и привычка порождает инстинкт. Выйти из него Равессон пытается посредством бирановского разделения всех человеческих сил на активные и пассивные. Связь между ними, полагает Равессон, состоит в том, что каждый из этих видов силы сопровождается неким неотчетливым источником активности, который присутствует и на уровне чувственности, т.е. пассивности, и на уровне активности, волевого усилия. В качестве примера такой смутной активности Равессон приводит праздное качание на качелях: когда мы медленно раскачиваемся на них, то в нас произвольным образом просыпается желание спать, которое можно прервать так скоро, как скоро мы перестанем качаться. Так Равессон обнаруживает в структуре живого существа прослойку, находящуюся ниже воли и интеллекта, но сопутствующую им.

Из этого Равессон, следуя учению о причинах Аристотеля, делает различие между волей, интеллектом и привычкой: воля и привычка движутся в соответствии с неким идеалом действия, т.е. ими руководит целевая причина, в то время как привычка стремится к акту реализации, т.е. выступает как действующая причина. Иначе говоря, потенция превращается в стремление, а оно, в свою очередь, — в действие. В таком случае дистанция, устанавливаемая рассудком, сужается вплоть до «непосредственного интеллекта», где объект действия и само действие ничего не разделяет: «Идея становится бытием... Привычка все больше становится субстанциаль-

ной идеей. Смутный интеллект, благодаря привычке заменяющий собой рефлекссию, тот непосредственный интеллект, где сливаются объект и субъект, — это реальная интуиция, в которой смешиваются реальное и идеальное, бытие и мышление» (цит. по [Блауберг И.И., 2014, с. 85]). Привычка как субстанциональная идея элиминирует разрыв реального и идеального порядка, который изначально устанавливал калькулирующий рассудок, чуждый многообразию жизни и ее динамизму.

Развитие привычки, постепенное поглощение целевой причины действующей, обусловлен «влечением» и «желанием», в чем, по мнению Равессона, проявляется «закон благодати». Этот закон говорит о том онтологическом преимуществе, которое привносит привычка в порядок природы, смешивая цель и ее совершение, закон и свободу. По мнению Клода Брюэра, закон благодати должен быть понят в аристотелевском ключе — как «бытие в потенции, т.е. дух в природе» (цит. по [Блауберг И.И., 2014, с. 88]).

Диссертация Равессона считается одним из самых главных его сочинений наравне с «Опытом». Она оказала значительное влияние на Бергсона, в частности на его понимание индетерминации и времени в «Опыте о непосредственных данных сознания».

Метод спиритуализма, предложенный Равессоном, позволит нам осознать, что все наше отрефлексированное знание проистекает из внутреннего действия, которое не подчиняется ни пространству, ни времени, ни «условиям протяженности и даже длительности» [Блауберг И.И., 2014, с. 122]. В этом заявлении мы можем обнаружить как связь с Бираном, так и влияние на последующую традицию, что позволяет нам говорить о спиритуализме как едином течении: отказ от анализа внутреннего опыта посредством физических категорий был рассмотрен нами при изложении бирановской критики материализма. Бергсон уже в своем «Введении в метафизику» [Бергсон А., 1999] и в сборнике «Мысль и движущееся» [Бергсон А., 2010] предложит не ограничиваться рамками внутреннего опыта, указывая на то, что вся наша жизнь и есть длительность сменяющихся друг друга психических состояний.

Чтобы перейти к разговору о Бергсоне, необходимо обратиться к контексту эпохи, в которую философия Бергсона появляется. Следуя

понятию «имплицитной психологии», предложенного П. Гийомом, суть которого состоит в том, что вместе с философией у нас существует практическая дисциплина, обращенная к познанию Другого и самого себя, к имплицитной психологии мы можем отнести и спиритуализм с его поиском метода для исследования фактов сознания и внутреннего опыта человека вообще. Вместе с «имплицитной психологией» нам надлежит выделить понятие психологии «экспериментальной», появившейся во Франции вместе с переводческой и пропагандистской деятельностью Т. Рибо. В 1870 г. Рибо выпускает сочинение «Современная английская психология», в котором знакомит французское сообщество с английской психологией, последовательно разбирая теории таких мыслителей, как Д. Гартли, Дж.С. Милля, Г. Спенсера, А. Бэна и мн. др., закладывая тем самым фундамент для совершенно нового, не-философского понимания психологии. Примечательным для нас является введение к «Современной английской психологии», где Рибо, критикуя философию за праздные вопросы, которые не позволили стать ей точной и строгой дисциплиной, предлагает отмежеваться психологии от своего истока, чтобы развиваться в новую научную и строгую дисциплину. По мнению Рибо, если предметом метафизики являются Бог и душа человека, то психология как наука должна отказаться от различного рода рассуждений о метафизических предметах, т.к. они не поддаются проверке [Рибо Т., 1895, с. 3–23]. В 1879 г. Рибо публикует работу «Современная германская психология», в которой можно встретить описание теорий Фехнера, Вундта, Лотце и Гербарта. Влияние, оказанное Рибо на своих современников, было колоссальным, следствием чего стало освобождение психологии от своего подчиненного перед философией положения и введения в 1885 г. нового курса в kurikulum Сорбонны — курса по экспериментальной психологии. Привнесение ассоцианизма с его эмпиризмом и немецкого атомизма с его стремлением к натурализации сознания и желанием найти общие законы мышления и зависимости впечатлений от ощущений (прежде всего, здесь имеется в виду закон Фехнера–Вебера) привели к резкой критике сразу в двух европейских центрах философии: Гуссерль будет критиковать натурализм и психологизм, а Бергсон — позицию, согласно которой мы мо-

жем представить ментальный ряд в качестве дискретного и казуального, что позволит вычлениить определенные закономерности нашего мышления, подобные физическим законам.

Господство бергсонизма с приходом феноменологии во Францию не смогло удержать свои позиции в силу излишней психологизации действительности и ригористического антисциентизма Бергсона, предавшего забвению позитивное научное ядро спиритуализма Менде Бирана.

С другой стороны, родство бергсонизма и феноменологии в их предметном аспекте — состояниях сознания — позволило французской публике приступить к изучению феноменологии в снятом виде, если использовать гегелевскую терминологию. Ко всему прочему следует выделить и ряд других причин, позволяющих нам говорить о зарождении феноменологии во Франции [Шпигельберг Г., 2002, с. 427–439].

1) Немаловажную немаловажную роль во Франции в 1920–1930-е гг. играла фигура Леона Брюнсвика, философа, который истолковывал понятие сознания в картезианском ключе и, что особенно роднит его с Гуссерлем, пытался поставить философию на научные рельсы. Картезианство Леона Брюнсвика стало решающим фактором для принятия гуссерлевской философии после 1929 г., когда в своих «Парижских докладах» Гуссерль пересматривал взгляд на вклад Декарта в философию и признал за феноменологией определенные неокартезианские тенденции.

2) Неотомистская философия во Франции чувствовала определенную близость к Гуссерлю в его проекте критики психологизма, который был удачно согласован с реабилитацией таких категорий, как сущность и идея, приближенных к платонизму.

Критика Гуссерля не воспринималась как необходимая предпосылка принятия его доктрины, ввиду чего он не вошел в обязательный тезаурус Жильсона и других неотомистов. Немаловажным будет заметить, что такое значимое для феноменологии понятие, как «интенциональность» воспринималась представителями католической философии в исконно схоластическом ключе, что позволяло им использовать феноменологический метод, оставаясь в русле томистской и средневековой мысли.

3) Протестантская философия во Франции, теснимая, с одной стороны, психологизмом, истоком которого следует считать редукцию религии к человеческой чувственности в трудах Шлейермахера, а с другой, ортодоксальным ригоризмом Карла Барта, обращенного против философии, нашла в феноменологии то средство, что позволило избавиться от нападков с обеих сторон, т. к. феноменология выводила религиозное сознание за пределы чувственности в область их интенциональных референтов.

4) Не последнюю роль в пришествии феноменологии на французскую почву сыграли трагические события начала XX в. — Первая Мировая война, тяжелое экономическое положение послевоенной Франции, связанное с военными займами, а затем и последующая за этими событиями Великая депрессия сделали свое дело. Наиболее удачно новые философские требования 1920–30-х гг. отразил Ж.-П. Сартр в «Критике диалектического разума», описывая потребность в ответе на вопрос, кто такой человек в его конкретности, а не в универсальном виде, о чем вещали университетские философы с кафедр. Заданный бергсонизмом тон на изучение всеобщих онтологических и гносеологических проблем привел не только к тому, что бергсонизм потерял свой авторитет в лице общественности, требующей ответы на вызовы времени, но и сформировал некий философский вакуум во французской философии, т.к. популярные на тот момент философы вроде Гастона Башляра, Андре Лалланда, Эмиля Мейерсона и мн. др. так же, как и Бергсон, главным образом сосредоточились на изучении гносеологических, а не экзистенциальных проблем, возникших вследствие ряда социальных катаклизмов.

На первый план в 1930-е гг. в феноменологии во Франции выходит категория «существования», заслугу введения которой стоит признать за Э. Левинасом.

Ее анализ и приложение в рамках феноменологического метода сблизило французских феноменологов с экзистенциальной аналитикой М. Хайдеггера, привнесению которой в идейное поле 1930-х гг. тоже поспособствовал Левинас, выпустив в 1932 г. в журнале «Revue Philosophique» статью «Мартин Хайдеггер и онтология».

Пожалуй, лучше всего специфику феноменологии во Франции отразил Мерло-Понти в

своем творчестве. Он никогда не признавал себя строгим адептом Хайдеггера или Гуссерля, он выбирал нечто между феноменологией и экзистенциализмом, как впоследствии говорил об этом П. Рикер [Вдовина И.С., 2009, с. 25].

Мерло-Понти не призывал философов сконцентрироваться на открытии новых истин в философии, он, желая отталкиваться от наличной данности, был убежден, что феноменология Гуссерля неотделима от проекта Хайдеггера, т.к. является раскрытием темы *Lebenswelt* позднего Гуссерля. Человек должен осознать свою сопряженность с миром, связь с налично данным, понять, что «мир уже тут, до моего анализа» [Мерло-Понти М., 1999, с. 8], ввиду чего мир нужно не конституировать, а описывать. Описывать себя и мир, свое присутствие в нем и отношение в мире возможно, по мнению Мерло-Понти, посредством феноменологической редукции, подлинный смысл которой открывает для нас максима экзистенциальной философии Хайдеггера: мы зависимы от мира, наше бытие всегда есть бытие-в-мире.

Наконец, еще одной философской фигурой, экспортированной во Францию, стал Гегель. В XX в. интерес к швабскому мыслителю проявился вновь в связи с открытием его «ранних» сочинений, посвященных религиозной тематике, — «Жизнь Иисуса», например. Одним из первых людей во Франции, кого привлекли ранние труды Гегеля, был Ж. Валь, опубликовавший в 1929 г. свое знаменитое сочинение «Несчастное сознание в философии Гегеля» [Валь Ж., 2006].

Подход Валя, ученика Бергсона, можно назвать подходом старого поколения, предшествовавшего поколению «трех Н» (Hegel, Husserl, Heidegger), как об этом пишет В. Декомб [Декомб В., 2000, с. 10]. Особый интерес к философии Гегеля смог «пробудить» А. Кожев, который на своих семинарах осуществил концептуальный перевод современных ему философских течений — феноменологии Гуссерля и экзистенциализма Хайдеггера — на язык Гегеля, тем самым сделав его современником французских интеллектуалов 1930-х гг. [Курилович И.С., 2018].

Специфику сближения такого перевода стоит искать в творчестве А. Койре, впервые заявившего как об отсутствии гегельянской традиции во Франции, так и первым провозгла-

сившего курс на антропологическое прочтение Гегеля. Обратимся к исследованию непосредственных историко-философских предпосылок творчества Койре, коррелирующих с основными веяниями эпохи, а именно — к рецепциям феноменологии Гуссерля–Райнаха, экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера и концепции философии науки Э. Мейерсона, чтобы очертить контур восприятия феноменологии и фундаментальной онтологии в рамках французского неогегельянства как переломного для своего времени течения мысли.

Историко-феноменологическая линия философии А. Койре

В настоящей статье нам хотелось бы условно выделить две линии творчества Александра Койре, позволяющих говорить о влиянии философской эпохи, в период которой жил и творил А. Койре, на его мысль: первую линию можно условно назвать «историко-феноменологической», где речь в первую очередь идет о влиянии А. Райнаха, Э. Гуссерля и Э. Мейерсона, в то время как вторую линию мы назовем «темпоральной», концентрирующей вокруг статей Койре «Гегель в Йене» и «Философская эволюция М. Хайдеггера», что открывают перед нами поле некоторой единой хайдеггеровской и гуссерлиански-райнаховской феноменологии.

Философский путь А. Койре был избран им самим еще в подростковом возрасте, когда он, сочувствующий политике партии социалистов-революционеров, оказался в тюрьме из-за неудачного покушения на губернатора Ростова. В непродолжительный период своего тюремного заточения Койре ознакомился с содержанием двух томов «Логических исследований» Э. Гуссерля, после чего, проведя еще некоторый промежуток времени в России, отправился сначала в Париж, а затем в Германию, в Геттинген, где в то время свой курс лекций читал Гуссерль. В Геттингене Койре удалось познакомиться и обрести тесными дружескими контактами как с самим Гуссерлем (они будут поддерживать контакт друг с другом до смерти мэтра феноменологии), так и с его учениками: математиками А. Райнахом, Д. Гильбертом, Г. Минковским, основателями феноменологического сообщества в Геттингене. Основным интересом Койре в ту пору было изучение математических парадоксов, что во многом стало

решающим фактором в сближении с Райнахом и Гуссерлем. В 1911 г. А. Койре хотел избрать Э. Гуссерля своим научным руководителем для исследовательской работы, посвященной схоластическим инсольбиям (логическим парадоксам) и парадоксам теории множеств. Гуссерль же, в свою очередь, отказал А. Койре, ссылаясь на невозможность отклониться от избранного курса (построения феноменологии как строгой науки), что в противном случае побуждало бы его задаться вопросом о том, насколько далеко простираются границы феноменологического метода.

Райнах предполагал, что реакция Гуссерля спровоцирована его личной неприязнью к Койре, что, по мнению большинства исследователей [Курилович И.С., 2019, с. 97; Schuhmann K., 1987], является несколько неоправданным упреком в сторону человека, который поддерживал коммуникацию с Койре до конца своих дней. Ко всему прочему, о своем отношении к Гуссерлю и о его позитивном влиянии на собственные взгляды Койре сообщал в письме от 10 декабря 1953 г.: «Я испытал глубокое влияние Гуссерля. Вероятно, это он, человек, не очень хорошо знающий историю, научил меня позитивному подходу к истории, интересу к греческому объективизму и средневековой мысли, к интуитивному содержанию кажущейся чисто концептуальной диалектики, к историческому — и идеальному — конституированию систем онтологии. Я унаследовал от него платонистский реализм, от которого он отказался, антипсихологизм и антирелятивизм» [Шпигельберг Г., 2002, с. 242].

Как справедливо замечает Курилович, ссылаясь на Шумана [Курилович И.С., 2019, с. 98], вместо Гуссерля в приведенном письме куда более оправданно будет поставить имя Райнаха, сформировавшего у Койре как взгляд на историю философии, так и на платонический реализм в области математики.

Действительно, предположение о первоочередной значимости влияния Райнаха на ум Койре по сравнению с влиянием Гуссерля может быть оправдано посредством анализа райнаховского представления о феноменологии. В докладе 1914 г. «О феноменологии» с первых же строк мы встречаемся с позицией, в которой отводится первое место не столько феноменологии как своеобразному продолжению

воспетого еще немецким идеализмом идеала наукоучения (*Wissenschaftslehre*), сколько феноменологии как специальной методологии, применение инструментария которой функционально оправдано в контексте различных дисциплин (сам Райнах, математик по образованию, будет говорить о соответствующей области интересов): «В случае феноменологии речь идет не о системе философских положений и истин — не о системе в которую должны были бы верить все, кто называет себя феноменологами, и которую я мог бы Вам здесь доказать, — но речь идет о методе философствования, который был востребован самими философскими проблемами и который сильно отличается от того, как мы осматриваемся и ориентируемся в жизни, и который еще в большей степени отличается от того, как мы работаем и должны работать в большинстве наук» [Райнах А., 2006, с. 355].

Основной акцент в своем докладе Райнах делает на том, чтобы отказаться от утилитарного алгоритмического взаимодействия с объектами (прежде всего среди математиков), при котором все кажется несколько самоочевидным, т. к. структура взаимоотношений с объектами объясняется средствами и предметной областью той дисциплины, к которым эти объекты прилегают. Иначе говоря, Райнах вслед за Гуссерлем выступает в своем докладе против усредненного и индифферентного понимания мира естественной установки. Мы взаимодействуем с объектами посредством уже имеющегося у нас методологического аппарата, но «...от их сущности мы отстоим бесконечно далеко — и если мы достаточно честны, чтобы не успокаиваться на дефинициях, которые ни на йоту не приближают нас к самой вещи, — то мы должны сказать то же, что и бл. Августин говорил о времени: “Пока ты меня не спрашиваешь, что это, я думаю, что знаю. Но если ты спросишь меня, то я больше не знаю”» [Райнах А., 2006, с. 357].

Объектами критики для Райнаха, как и для Гуссерля в его статье «Феноменология как строгая наука», выступают психологизм, историзм и натурализм, но существенным отличием позиции Райнаха от гуссерлевской в докладе 1914 г. является тот факт, что Райнах хочет обозначить преимущества феноменологического метода и, уже как следствие, экстраполиро-

вать его на остальные сферы человеческого знания, в том числе и на историю [Мотрошилова Н.В., 2003, с. 63–66]: «Сущностное усмотрение требуется и в других дисциплинах. Не только сущность того, что может реализовываться сколь угодно часто, но и сущность того, что по своей природе является единственным и неповторимым, требует прояснения и анализа. Мы видим, какие усилия прикладывает историк не только для того, чтобы пролить свет на неизвестное, но и для того, чтобы сделать нам ближе известное, привести его, в соответствии с его природой, к адекватному созерцанию. Здесь идет речь о других целях и других методах. Но и здесь мы видим значительные трудности и опасности уклонения и конструирования. Мы видим, как все время говорят о развитии, но при этом оставляют без внимания вопрос о том, что же здесь собственно развивается» [Райнах А., 2006, с. 359–360].

Мысль о необходимости смотреть на вещи в модусе их кажимости-самих-по-себе станет руководящим принципом для понимания истории науки и истории идей в творчестве Койре, который во многих своих трудах откажется от того, чтобы слепо принимать уже известную совокупность фактов и сведений в качестве законченной системы (так, например, Койре отмежевывается от представления о том, что нововременная революция — банальное следствие отказа от созерцательной жизни, что проповедуют многие историки и ученые, напрочь исключая из контекста алхимическое наследие [Койре А., 1985, с. 128–129]). Подтверждение этому мы можем найти в том же самом докладе Райнаха и его критическом взгляде на компаративистский подход: «Насколько характерны здесь частые сопоставления Гете и Шиллера, Келлера и Мейера и т.д., — характерны для безнадежной попытки определить нечто через то, чем оно не является» [Райнах А., 2006, с. 360]. Таким образом, Райнах определяет феномен (в гуссерлевском смысле) не через явление (в кантовском смысле), а через способ его данности в нашем горизонте опыта, т.е. оставляет так, как он был впервые нами открыт.

Разговор о понимании истории А. Койре нельзя себе представить без Э. Мейерсона, которого он почитал в качестве собственного учителя, выражая ему признательность за академические наставления и близкое общение

[Koyré A., 1961, p. 115]. Во многом именно через связь Райнаха и Мейерсона стоит интерпретировать концепты «философских рамок», «ментальных установок» и «смежных понятий» в историко-философском взгляде Койре на науку. Сотрудничество между Койре и Мейерсоном началось в 1922 г., когда Койре был представлен своему будущему учителю Э. Жильсоном. В одной из своих статей, опубликованных в эмигрантском журнале «Звено» под заголовком «Трагедия разума. Философия Эмиля Мейерсона», Койре тезисно описывает ядро системы Мейерсона: «Наука есть не что иное, как объяснение реальности, т.е. поиск причин, а не законов; разум в процессе научного “объяснения” стремится свести многообразие к единому, изменение к постоянству, “иное” к тождественному» [Койре А., 1926, с. 3]. Трагедия разума, как полагает Мейерсон, заключается в том, что он «не понимая различия и бытия, стремится свести их к тождеству и небытию. Но тождества и небытия он мыслить не может. Его удача была бы для него самоубийством» [Перекрестие культур..., 2021, с. 179]. Помимо этого, Койре согласен в том, что изучение науки невозможно осуществлять интроспективно или психологически, как это представлял себе Дильтей [Дильтей В., 2018]. Исторические предпосылки анализа позволяют философу и историку науки понять, как формы рационального мышления воплощаются в различные исторические периоды: «Понять науку в ее истории, увидеть основные приемы разума, творящего науку в борьбе с иррациональным “непонятным” материалом опыта — вот трудная, но благородная задача эпистемолога» [Койре А., 1926, с. 3].

В отличие от Мейерсона, Койре допускал одновременно и изменчивость, и постоянство ментальных структур ученого и философа, что наиболее отчетливо выражается в его подходе к пониманию ошибок в рамках историко-научных парадигм. Для Мейерсона ошибка в истории науки как таковая не имеет особого веса, т.к. значим лишь тот факт, что теория, будь она ложной или истинной, носит рациональный характер, что во многом может быть обосновано самой установкой Мейерсона в отношении деятельности ученых.

В случае с Койре ошибка выражает не только функционал человеческого мышления, но и

контекстуально очерчивает те культурно-социальные противоречия, с которыми мог столкнуться деятель науки в ходе построения собственной системы, пытаясь отыскать наиболее удачные средства выражения собственных мыслей.

Анализ ментальных структур Мейерсона оставил свой след в концепции «философских рамок», репрезентирующих собою априорные законы мышления какого-либо философа или ученого. Философские рамки А. Койре сочетали в себе аспект анализа сущностей в том виде, в каком его представил Райнах в уже упомянутом нами докладе: «Никакого случайного Так-бытия, но лишь необходимое Так-быть-должно (So-Sein-Müssen) и, в соответствии с сущностью, Иначе-быть-не-может (Nicht-Anders-Sein-Können)» [Райнах А., 2006, с. 368]. Это положение феноменологического анализа Райнаха позволило Койре развить свой подход в истории науки, в котором можно говорить о некоторых универсальных принципах мышления человека, помещая социально-культурные детерминанты на второй план. Социально-культурные детерминанты, как убедительно показывает в своей диссертации Д.Н. Дроздова [Дроздова Д.Н., 2012, с. 60], находят свое отражение в понятии «ментальной установки» и «смежных понятий», которые являются синонимичными терминами для тезауруса Койре. Оба понятия устремлены к тому, чтобы показать материальность господствующих в отдельно взятую историческую эпоху положений, с которыми были вынуждены считаться люди духовной сферы: «Ментальная установка (attitude mentale) людей Средневековья целиком и полностью отлична от нашей, и мы рискуем впасть в заблуждение относительно их идей, их намерений, их теорий, если подменяем их» [Дроздова Д.Н., 2012, с. 68].

Эту доктрину Койре применяет и относительно Гегеля, утверждая, что и он, несмотря на свой спекулятивно-мистический гений, был как никогда подвержен духу эпохи, *Zeitgeist*: «Несомненно, влияние среды, *Zeitgeist*, играет свою роль. Но все же, влияния, которым подвергается человек, — следовательно, и мышление Гегеля, — лишь заставляет раскрыть то, что уже есть <...> что было в самой основе — “в себе” — личности и мышлении Гегеля» [Koyré A., 1971, p. 211–212] (цит. по [Курилович И.С., с. 107]).

Реализация своих мыслей, т.е. содержание рамки, которая предопределена ментальной установкой, осуществляется каждым мыслителем самостоятельно, а не парадигмально, как полагал Кун. Этот тезис Койре можно развернуть на его принципе «гегельянизации Беме» или наоборот, «бемизации Гегеля». По мнению А. Койре, Гегель — наследник мистической традиции, простирающейся вглубь Средних веков, до М. Экхарта и И. Таулера. Это концептуальное ядро гегелевской доктрины отображено и в его «Феноменологии», и в «Науке логики», а средством его экспликации оказался уже давно существующий в немецкоязычной философской среде диалектический метод.

Таким образом, можно сказать, что историзм Койре — это эклектизм Мейерсона, выявившего априорные принципы мышления каждого мыслителя, и Райнаха, открывшего для Койре возможность адаптации феноменологического метода к поприщу истории. Важно понимать, что синтетическим элементом между обоими подходами была сама мысль Койре, с его концептом «ментальных установок» и своеобразным пониманием традиции религиозной мысли, особенно немецкой, которая у Койре приобретает однонаправленное развитие спекулятивной теологии от Беме, Парацельса, Швенкфельда и Кузанского к Фихте, Шеллингу и Гегелю, что, конечно, лишний раз подчеркивает оригинальность Койре как мыслителя.

Рецепция трактовки времени Хайдеггера и Бергсона в гегельянских тезисах Койре

После выхода в свет книги Ж. Валя «Несчастье сознания» в 1930 г. Койре выпустил на только что опубликованный труд рецензию, где подверг критике ряд основных положений Ж. Валя. Во-первых, Койре был принципиально не согласен с тем, что основу философии Гегеля стоит выводить из его ранних сочинений, потому что, утверждал Койре, к тому времени Гегель еще не смог придать своему учению систематический характер (этого он сможет добиться только в Йенский период), и, что более важно, Койре не признает за Гегелем избыточной религиозности, аргументируя свою позицию тем, что юношеские сочинения Гегеля есть не что иное, как его исторические рассуждения, в лучшем случае способные позволить интерпретатору понять генеалогию гегелевской мыс-

ли (схожую позицию в интерпретации биографии Гегеля впоследствии будет занимать Ж. Д'Онт [Д'Онт Ж., 2012]). Во-вторых, Ж. Валь называет диалектику Гегеля неудачной, «бесплодной», попыткой заточить конкретное в абстрактном, в мысли, на что Койре сатирически возражает: «Разве такая неудача не характерна для каждого философа?» [Wahl J., 2017, p. 90].

Положения, обращенные против Ж. Валя, Койре развил в своем докладе «Гегель в Йене». Предшествующие периоды творчества Гегеля (бернский (1793–1796) и франкфуртский (1797–1800)) А. Койре рассматривает в качестве полезных биографических сведений о формировании Гегеля как мыслителя, но идеи, изложенные в сочинениях того времени, нельзя назвать первоочередными для доктрины Гегеля. По большей мере, полагает Койре, отсчет того Гегеля, который известен философской обществу, стоит вести с 1801 г., с момента, когда Гегель начал осознавать необходимость систематизировать собственную философскую концепцию. Стоит заметить, что, как и Ж. Валь, Койре прегрешает герменевтической строгостью в своей интерпретации, исключая из перечня работ, заслуживающих внимания, например, «Философию природы», что окажет серьезное влияние на интерпретацию Гегеля А. Кожева, который, рефлексировав над тезисами Койре, вслед за своим коллегой исключил философию природы Гегеля из основного корпуса сочинений мыслителей, аргументируя это исключительно антропологическими изысканиями гегелевских штудий: «Природа абстрактна, поскольку она абстрагирована от Духа. Только синтез, т.е. Человек, в котором полностью осуществилась и раскрылась в качестве таковой сущность Абсолюта, конкретен» [Кожев А., 2003, с. 41–42].

Представление о «Науке Логике» как фундаментальном труде Гегеля, возвышающемся над всеми остальными рукописями, в том числе и над «Феноменологией духа», оказало серьезное влияние на интерпретации времени, истории и антропологии немецкого философа со стороны А. Койре.

Койре, анализируя язык гегелевской философии, пытается совместить с ним собственное представление о философских рамках человека и ментальной установки эпохи. Язык творче-

ства Гегеля имеет свои исторические предпосылки в жизни отдельно взятого народа и принадлежит духу немецкой нации. Понятие является универсальной формой мышления бытия-для-себя — это философская рамка в доктрине Койре. Несмотря на влияние ментальной установки эпохи, т.е. средств реализации бытия-в-себе в его становлении бытием-для-себя, Койре выделяет два вида того, что можно было бы назвать «духом в истории»: история как реализация бытия-в-себе человечества, т.е. как некоторый единый процесс, и история как реализация бытия-в-себе отдельно взятым индивидом, т.е. самореализация.

Индивидуальное становление разворачивается в человеке как родовом существе, что выражается в реализации собственной интуиции мыслителя имеющимися социальными средствами. Реализация духа в истории, врученного самому себе в понятии, осуществляется в национальном языке, из чего делается вывод, что и сам дух разворачивается в истории народа.

Таким образом, можно заметить, что Койре ставит язык и время в зависимость друг от друга. По его мнению, язык и время доступны только для человека, и их можно открыть только в антропологии и истории. Кажется, что прямым источником этих мыслей Койре является хайдеггеровское понимание присутствия как того, что бытийствует во времени и обладает логосом. В случае с Гегелем источником определения времени является конечный итог становления — Абсолют, будущее, сквозь призму которого в мире все и разворачивается. У Хайдеггера время *Dasein* определяется через трансцендентальную структуру, синтезирующую в себе момент прошлого–настоящего–будущего, именуемую самим основателем фундаментальной онтологии «четвертым измерением» [Хайдеггер М., 1993, с. 400]. Единый темпоральный пласт хайдеггеровского присутствия задается через то, что присутствие не есть, но оно имеет место как нечто, что экзистировало. Вслед за этим Койре утверждает, что «гегелевское время является прежде всего человеческим временем, временем человека, того странного существа, которое “есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является”», т.е. того, что постоянно находится в становлении, отрицая момент «теперь» в надежде на самоопределение из (своего) будущего

[Руткевич А.М., 2009, с. 472]. В «Философской эволюции М. Хайдеггера», тексте, вышедшем значительно позже доклада о йенском периоде творчества Гегеля, Койре в одном из примечаний дополняет свою ранее артикулированную мысль: «Примат возможного подразумевает примат будущего по отношению к другим “экстазам” (измерениям) времени. Мы живем и действуем, исходя из будущего. В этой характеристике, как и в других, например в характеристике *Dasein* как бытия, которое не есть то, что оно есть, и есть то, что оно не есть, М. Хайдеггер сходится с Гегелем — кажется, незамеченный или, по крайней мере, нераскрытый факт» [Койре А., 1999, с. 119].

Человеческое существо на этапе своего развития прекращает существовать тогда, когда он уже буквально «стало», «свершилось» т.е. тогда, когда человек стал будущим. Именно поэтому Койре утверждает, что человек Гегеля — «фаустовский человек». Если развитие человека остановилось, перестав определяться будущим, и дается как результат, т.е. как свершившееся, то оно помещается в прошлое, уже переставая быть временем как таковым. Оно приобретает пространственные характеристики наличности и окружающих вещей.

Койре настаивает на том, что диалектика времени Гегеля есть поэтапная феноменологическая дескрипция актов постижения мира во времени: «Гегелевский дух есть время, и человеческое время есть дух». (цит. по [Руткевич А.М., 2009, с. 473])

Основная проблема такой интерпретации заключается в следующем: если мы желаем говорить об истории в гегелевском смысле, то должны говорить о ней лишь в контексте ее законченности, потому что только в таком случае мы имеем некий итог становления. Сам Койре опасался делать такой вывод, утверждая, что время есть «наличное бытие самого *Aufheben*» (наличное в данном случае есть хайдеггеровское *Dasein*) [Курилович И.С., 2019, с. 122].

Заключение

Подводя итог всему сказанному, можно заметить, что Койре, разработав свою собственную теорию развития интеллектуального знания и идей в общем, испытал влияние Э. Мейерсона, что нашло отражение в его концепте «философской рамки», а также влияние А. Райнаха с

его проектом «сущностного анализа» исторических событий. Проанализированная нами статья «Гегель в Йене» дает понять, насколько А. Койре был методологически близок веяниям своей эпохи (структура рассмотрения духа у Гегеля как *Dasein* Хайдеггера и объявление метода Гегеля феноменологическим в гуссерлевском смысле слова) в интерпретации философии истории Гегеля и его «Логике». Одновременно с этим анализ генеалогии гегельянских тезисов Койре позволяет иначе взглянуть на достижения исследователей французского неогегельянства в отечественной среде: один из тезисов монографии И. Куриловича «Французское неогегельянство» гласит, что среди сущностных черт, благодаря которым мы можем выделить «французское неогегельянство» в качестве единого историко-философского феномена (особый акцент на субъективности; ставка на иррациональные основания гегелевской мысли и пр.), мы можем найти и единую «феноменологию Гуссерля–Хайдеггера»; однако проведенный нами анализ говорит о специфическом понимании феноменологии А. Койре, отсылающем нас в первую очередь не к Гуссерлю, а к его ученику А. Райнаху, предложившего оригинальный способ адаптации феноменологического метода к исследованию исторических событий, фактов и повседневных ситуаций.

В таком случае необходимость изучения источников творчества А. Койре и тех, кого причисляют к «французским неогегельянкам», может быть оправдана историко-философскими изысканиями определения самобытных черт французского неогегельянства в качестве отдельного философского течения или школы, а также поиска истоков оригинальной интерпретации феноменологии и экзистенциальной аналитики во Франции, инспирированной наравне с Хайдеггером и Гуссерлем творчеством А. Бергсона, от которого в той или иной степени мыслители поколения «трех Н» не смогли отказаться и впоследствии. Адаптация гуссерлевской феноменологии и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера к творчеству Гегеля, предложенная Койре, позволила сформировать новый способ построения онтологических и антропологических систем, примером чему может послужить «Введение в чтение Гегеля» А. Кожева, а также «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра, синтезирующих в себе главенству-

ющую роль негативности в определении онтологических особенностей человеческого существования вместе с хайдеггеровской интерпретацией временности и феноменологией как методом дескриптивного анализа.

Список литературы

- Бергсон А.* Избранное: Сознание и жизнь / пер. с фр. И.И. Блауберга. М.: РОССПЭН, 2010. 399 с.
- Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память / пер. с фр. М. Булгакова и др. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
- Блауберг И.И.* Истоки бергсонизма. Философия Феликса Равессона. М.: Ин-т философии РАН, 2014. 187 с.
- Валь Ж.* Несчастное сознание в философии Гегеля / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2006. 334 с.
- Вдовина И.С.* Феноменология во Франции (историко-философские очерки). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Декомб В.* Современная французская философия: сборник / пер. с фр. М.М. Федоровой. М.: Весь Мир, 2000. 344 с.
- Дильтей В.* Описательная психология / пер. с нем. Е.Д. Зайцевой, под ред. Г.Г. Шпета. М.: РИПОЛ классик, 2018. 290 с.
- Д’Онт Ж.* Гегель: Биография / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Владимир Даль, 2012. 512 с.
- Дроздова Д.Н.* Интерпретация Научной революции в работах Александра Койре: дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 247 с.
- Койре А.* Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / пер. с фр. Я.А. Ляткера. М.: Прогресс, 1985. 288 с.
- Койре А.* Трагедия разума (философия Э. Мейерсона): пер. с фр. // Звено. 1926. № 180. С. 2–4, 11–12.
- Койре А.* Философская эволюция Мартина Хайдеггера / пер. с фр. О.А. Назаровой, А.П. Козырева // Логос. 1999. № 10. С. 113–136.
- Кожев А.* Введение в чтение Гегеля: Лекции по феноменологии духа / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
- Кротов А.А.* Философия Мен де Бирана. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 104 с.
- Курилович И.С.* Рациональные основания концептуального перевода: случай феноменологии Гегеля–Хайдеггера в работах Александра Кожева. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология.

Искусствоведение. 2018. № 3. С. 32–41. DOI:

<https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-4-25-32>

Курилович И.С. Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля—Гуссерля—Хайдеггера. М.: РГГУ, 2019. 224 с.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Наука, 1999. 608 с.

Мотрошилова Н.В. «Идеи Ю» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология—Герменевтика, 2003. 720 с.

Перекрестки культур: Александр Койре, Александр Кожев, Исая Берлин / отв. ред. О.Л. Грановская, Д.Н. Дроздова, А.М. Руткевич. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 558 с.

Райнах А. О феноменологии: Доклад, читанный в Марбурге в январе 1914 года / пер. с нем. В.А. Куренного // Логос, 1991–2005. Избранное: в 2 т. / сост. В.В. Анашвили, А.Л. Погорельский. М.: Территория будущего, 2006. Т. 1. С. 355–376.

Рибо Т. Современная германская психология (опытная школа) / пер. с фр. Л. Ройзмана. СПб.: Паровая скоропечатня А. Пороховщикова, 1895. 274 с.

Руткевич А.М. Койре о Гегеле // Сущность и слово: сб. науч. ст. к юбилею проф. Н.В. Мотрошиловой / сост., науч. ред. М.А. Солоповой, М.Ф. Быковой. М.: Феноменология—Герменевтика, 2009. С. 457–475.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Шпигельберг Г. Феноменологическое движение / пер. с англ. под ред. М. Лебедева. М.: Логос, 2002. 680 с.

Koyré A. Études d'histoire de la pensée philosophique. Paris: Gallimard, 1971. 364 p.

Koyré A. Message à l'occasion de la Commemoration du centenaire de la naissance de deux épistémologues français: Emile Meyerson et Gaston Milhaud // Bulletin de la Société française de philosophie. 1961. Vol. 53. P. 115–116.

Schuhmann K. Koyré et les phénoménologues allemands // History and Technology, 1987. Vol. 4. P. 149–167. DOI: <https://doi.org/10.1080/07341518708581695>

Wahl J. Transcendence and the concrete: selected writings / ed. by A.D. Schrift, I.A. Moore. N.Y.: Fordham University Press, 2017. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.5422/fordham/9780823273010.001.0001>

References

Bergson, A. (1999). *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Creative evolution. Matter and memory]. Minsk: Harvest Publ., 1408 p.

Bergson, A. (2010). *Izbrannoe: Soznanie i zhizn'* [Selected works: Life and consciousness]. Moscow: ROSSPEN Publ., 399 p.

Blauberger, I.I. (2014). *Istoki bergsonizma. Filosofiya Feliksa Ravessona* [The origins of Bergsonism. The philosophy of Felix Ravesson]. Moscow: IPH RAS Publ., 187 p.

Descombes, V. (2000). *Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya* [Modern French philosophy]. Moscow: Ves' Mir Publ., 344 p.

D'Hondt, J. (2012). *Gegel': Biografiya* [Hegel: Biography]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 512 p.

Dilthey, W. (2018). *Opisatel'naya psikhologiya* [Ideas concerning a descriptive and analytic psychology]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 290 p.

Drozдова, D.N. (2012). *Interpretatsiya Nauchnoy revolyutsii v rabotakh Aleksandra Korre: dis. ... kand. filos. nauk* [Interpretation of the Scientific Revolution in the works of Alexander Koyré: dissertation]. Moscow, 247 p.

Granovskaya, O.L., Drozdova, D.N. and Rutkevich, A.M. (eds.) (2021). *Perekrestki kul'tur: Aleksandr Koyré, Aleksandr Kozhev, Isayya Berlin* [Crossroads of cultures: Alexander Koyré, Alexandre Kojève, Isaiah Berlin]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 558 p.

Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 447 p.

Koyré, A. (1926). [The tragedy of reason (philosophy of E. Meyerson)]. *Zveno*. No. 180, pp. 2–4, 11–12.

Koyré, A. (1971). *Études d'histoire de la pensée philosophique* [Studies in the history of philosophical thought]. Paris: Gallimard Publ., 364 p.

Koyré, A. (1961). [Message on the occasion of the Commemoration of the centenary of the birth of two French epistemologists: Emile Meyerson and Gaston Milhaud]. *Bulletin de la Société française de philosophie* [Bulletin of the French Society of Philosophy]. Vol. 53, pp. 115–116.

Koyré, A. (1985). *Ocherki istorii filosofskoy mysli: O vliyaniy filosofskikh kontseptsiy na razvitie nauchnykh teoriy* [Essays on the history of philosophical thought: Influence of philosophical trends on the formulation of scientific theories]. Moscow: Progress Publ., 288 p.

Koyré, A. (1999). [Martin Heidegger's philosophical evolution]. *Logos*. No. 10, pp. 113–136.

Kojève, A. (2003). *Vvedenie v chtenie Gegelya: Lektsii po fenomenologii dukha* [Introduction to the reading of Hegel: Lectures on phenomenology of spirit]. St. Petersburg: Nauka Publ., 792 p.

Krotov, A.A. (2000). *Filosofiya Men de Birana* [The Philosophy of Maine de Biran]. Moscow: MSU Publ., 104 p.

Kurilovich, I.S. (2018). [Rational foundations of conceptual translation. the case of Hegel–Heidegger phenomenology in the works of Alexandre Kojève. Article one]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 3, pp. 32–41. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-4-25-32>

Kurilovich, I.S. (2019). *Frantsuzskoe neogegel'yanstvo: Zh. Val', A. Koiré, A. Kozhev i Zh. Ippolit v poiskakh edinoy fenomenologii Gegelya–Gusserlya–Khaydeggera* [French neo-Hegelianism: J. Wahl, A. Koyré, A. Kojève and J. Hyppolite in search of a unified phenomenology of Hegel–Husserl–Heidegger]. Moscow: RSUH Publ., 224 p.

Merleau-Ponty, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. St. Petersburg: Nauka Publ., 608 p.

Motroshilova, N.V. (2003). «Idei I» *Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu* [Edmund Husserl's «Ideas I» as an introduction to phenomenology]. Moscow: Fenomenologiya–Germenevtika Publ., 720 p.

Reinach, A. (2006). [On phenomenology: Lecture delivered in Marburg in January 1914]. *Logos, 1991–2005. Izbrannoe: v 2 t.* [Logos, 1991–2005. Selected

works: in 2 vols]. Moscow: Territoriya buduschego Publ., vol. 1, pp. 355–376.

Ribot, T. (1985). *Sovremennaya germanskaya psikhologiya (opytnaya shkola)* [German psychology of to-day: the empirical school]. St. Petersburg: Parovaya skoropechatnya A. Porokhovschikova Publ., 274 p.

Rutkevich, A.M. (2009). [Koyré on Hegel]. *Suschnost' i slovo: sbornik nauchnykh statey k yubileyu professora N.V. Motroshilovoy, sost., nauch. red. M.A. Solopovoy, M.F. Bykovoy* [M.A. Solopova, M.F. Bykova (eds.) Essence and word: collection of scientific articles dedicated to the anniversary of professor N.V. Motroshilova]. Moscow: Fenomenologiya–Germenevtika Publ., pp. 457–475.

Schuhmann, K. (1987). [Koyré and the German phenomenologists]. *History and technology*. Vol. 4, pp. 149–167. DOI: <https://doi.org/10.1080/07341518708581695>

Spiegelberg, G. (2002). *Fenomenologicheskoe dvizhenie* [The phenomenological movement]. Moscow: Logos Publ., 680 p.

Vdovina, I.S. (2009). *Fenomenologiya vo Frantsii (istoriko-filosofskie ocherki)* [Phenomenology in France (historical and philosophical essays)]. Moscow: Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 400 p.

Wahl, J. (2006). *Neschastnoe soznanie v filosofii Gegelya* [Unhappy consciousness in Hegel's philosophy]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 334 p.

Wahl, J. (2017). *Transcendence and the concrete: selected writings*. New York: Fordham University Press, 304 p. DOI: <https://doi.org/10.5422/fordham/9780823273010.001.0001>

Об авторе

Чурин Георгий Андреевич

студент направления «Философия»,
кафедра истории зарубежной философии

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: churingeorge1917@gmail.com
ResearcherID: NCV-8442-2025

About the author

Georgy A. Churin

Philosophy Student,
Department of History of Foreign Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: churingeorge1917@gmail.com
ResearcherID: NCV-8442-2025

УДК 165.12

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-168-181>

EDN: FDXUWK

Поступила: 16.10.2024

Принята: 29.04.2025

Опубликована: 03.07.2025

ХАЙДЕГГЕР, ФРАНЦУЗСКАЯ ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ОНТОЛОГИЯ СИЯНИЯ И СПЕКУЛЯТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ: НА ПУТИ К НЕВИДИМОМУ

Артюшенко Полина Олеговна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Статья посвящена рассмотрению невидимого (или лакуны) тремя способами: через подходы французских неинтенциональных феноменологов (М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Марион), через философские рассуждения К. Мейясу и его спекулятивный реализм, а также через понятие *evidens* («ярко сиять, себя из себя самого показывая» — проблема очевидности). Автор останавливается на онтологическом повороте XX в. и трактовках лакуны как Ничто у М. Хайдеггера, лакуны как насыщенного феномена у Ж.-Л. Мариона и анонимности у М. Мерло-Понти, говорит о позиции Э. Левинаса, а также описывает лакуну как открытое и избыточное ошеломительно очевидное бытие, презентует собственную концепцию «моментального снимка» в связи с темой лакуны. Автор идет за К. Мейясу и критикует феноменологию за корреляционизм и проблему бесконечности модификаций (бесконечных ретенций) и предлагает свое решение этих проблем. «Снимок» — это избыточная форма, не относящаяся к лакуне как к предмету и не растворяющая его в модификациях, позволяющая разложить ее на составляющие смысловые части и развернуть абсолютный смысл лакуны. «Снимок» — посредник между сознанием и лакунной: «щелкает» абсолютное сознание, оно же фиксирует, а затем раскладывает на составляющие уровни (чувственный, синтезирующий и осмысляющий слой схематического познания феномена как некой смысловой схемы, а акта его познания — как переживания вообще, уровень течения внутреннего времени). Но «снимок» не является частью или собственностью сознания, он существует самостоятельно. «Снимок» безличен и анонимен, наделен «антисубъектностью». Таким образом, «снимок» теоретически есть универсальный концепт возможности как таковой, а практически — возможности в каждой лакуне увидеть абсолютный смысл. Смысл лакуны шире, чем просто аффект, и расширение в «снимке», разделение на слои смысла, показывает это. В конце концов сам «снимок» существует виртуально, но в нем зашита универсальная реальность смысла лакуны.

Ключевые слова: феноменология, спекулятивный реализм, *evidens*, лакуна, корреляционистский круг, моментальный снимок, горизонт, трансцендентализм.

Для цитирования:

Артюшенко П.О. Хайдеггер, французская постфеноменология, онтология сияния и спекулятивный реализм: на пути к невидимому // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 168–181.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-168-181>. EDN: FDXUWK

HEIDEGGER, FRENCH POSTPHENOMENOLOGY, ONTOLOGY OF SHINING, AND SPECULATIVE REALISM: ON THE WAY TO THE UNSEEN

Polina O. Artyushenko

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The article deals with the consideration of the invisible (or lacuna) in three ways: through the approaches of French non-intentional phenomenologists (M. Merleau-Ponty, J.-L. Marion); through the philosophical reasoning of C. Meillassoux and his speculative realism; through the concept of *evidens* («to shine brightly, showing oneself out of oneself» — the problem of obviousness). The paper dwells on the ontological turn of the 20th century and M. Heidegger's treatment of the lacuna as Nothing, J.-L. Marion's treatment of the lacuna as a saturated phenomenon, and M. Merleau-Ponty's treatment of anonymity; the author also discusses E. Levinas's position and describes the lacuna as open and redundant staggeringly obvious being, as well as presents her own concept of the «snapshot» in connection with the theme of the lacuna. The author follows C. Meillassoux in criticizing phenomenology for correlationism and the problem of the infinity of modifications (infinite retentions) and offers her own solution to these problems. A «snapshot» is a redundant form that does not treat the lacuna as an object and does not dissolve it in modifications, allowing one to decompose it into constituent semantic parts and to unfold its absolute meaning. A «snapshot» is an intermediary between consciousness and the lacuna: it «clicks» absolute consciousness, captures it, and then decomposes it into constituent levels (sensual, synthesizing and comprehending, the layer of schematic cognition of a phenomenon as a certain semantic scheme and of the act of its cognition — as experience in general, the level of the flow of internal time). But a «snapshot» is not a part or property of consciousness; it exists independently. A «snapshot» is impersonal and anonymous, endowed with «anti-subjectivity». Thus, a «snapshot» is theoretically a universal concept of a possibility as such, and practically — of the possibility to see absolute meaning in every lacuna. The meaning of the lacuna is broader than mere affect, and the expansion in a «snapshot», the division into layers of meaning show this. A «snapshot» itself exists virtually, but the universal reality of the lacuna's meaning is incorporated into it.

Keywords: phenomenology, speculative realism, evidens, lacuna, correlation circle, snapshot, horizon, transcendentalism.

To cite:

Artyushenko P.O. [Heidegger, French postphenomenology, ontology of shining, and speculative realism: on the way to the unseen]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 168–181 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-168-181>, EDN: FDXUWK

Введение

Объектом исследования является невидимое (лакуна, тень) как концепт, предметом — невидимое в трактовке спекулятивного реализма, онтологии М. Мерло-Понти, описанное как *evidens* (лат. ярко сиять, себя из себя самого показывая). Цель исследования — раскрыть смысл лакуны (тени) сквозь призму трех теорий: М. Мерло-Понти и Ж.-Л. Мариона, спекуля-

тивного реализма К. Мейясу и эвидентного подхода, частью которого является понятие моментального снимка. Задачи работы: а) описать смену парадигмы в начале XX в., которая возникла благодаря появлению Хайдеггеровской философии; б) описать то, как М. Мерло-Понти и Ж.-Л. Марион понимали теневое бытие; в) раскрыть сущность концепта «моментальный снимок»; г) раскрыть сущность эвидентного; д) подвести общий итог и отве-

тить на вопрос, что же такое лакуна или Невидимое и как оно располагается в регионе эвидентного. Метод исследования: феноменологический. Актуальность исследования: на данный момент существует немало статей о теневом бытии, но подход к нему через «моментальный снимок», который мы хотим показать, мы считаем его уникальным. Эта тема актуальна в настоящее время, неисчерпаема, некоторые из философов, к которым мы обращаемся, являются нашими современниками, а значит, их исследования на данный момент еще не завершены, и у нас есть шанс дополнить их.

Фундамент в виде классической онтоотеологии с прочным основанием для сущего, постулирующей субъект-объектное противопоставление, теряет свою актуальность в XX в. благодаря философским поискам М. Хайдеггера. Новая парадигма «ломает» субъект-объектное противопоставление и лишает сущее основания, а также возвращается к «забытому» в прошлой парадигме бытию, становясь «философией процесса». Наследники этой философии — спекулятивные реалисты. Спекулятивный реализм в лице К. Мейясу обнажает проблему корреляционистского круга, где бытием обладает не мир и не сознание, а отношение между ними, а мы не можем выйти за пределы самих себя, чтобы познать «Великое внешнее», по выражению Д. Тригга, а иначе — «вещь-саму-по-себе». «Великое внешнее» — это нечто невидимое, лакуна, тень. Лакуны изучает неинтенциональная феноменология, влияние которой претерпели и философия Мейясу, и философия Тригга (представители — М. Мерло-Понти, М. Анри, Ж.-Л. Марион, Э. Левинас и др.). Свет выражает чистую возможность, о которой говорил К. Мейясу в своей концепции контингентности: возможно все, кроме невозможности чего-либо, возможно даже Ничто. В неинтенциональной феноменологии Ж.-Л. Мариона теньевые феномены ослепляют, словно невыносимо яркий свет. Изучать их можно только исподволь, даются они совершенно не так, как обычные феномены. Они перегружены сами собой настолько, что все, кто их воспринимает, претерпевают аффект, шокированность поэтому — единственный известный способ схватить гиперфеномен. Примеры контр(гипер)феноменов: тотальность, лик Э. Левинаса, плоть, жизнь. В статье рассматривается онтология лакун, онто-

логия сияющего бытия. Это особый вид трансцентенталистской теории, которая говорит об анонимном бытии чистой возможности через призму ужаса и распада субъекта и объекта, а значит, и их отношений, которые изучала феноменология Э. Гуссерля. Это онтология странного бытия (Т. Лиготти, Д. Тригг).

Регион невидимого у М. Хайдеггера и французских постфеноменологов

До начала XX в., со времен Платона и Аристотеля, единственным объяснением существования сущего в классической метафизике был его детерминизм неким предельным основанием, что было названо М. Хайдеггером онтоотеологией. Хайдеггер пишет во «Введении в метафизику»: «Почему вообще есть сущее? Почему, т.е. какова основа (Grund) этого? Из какой основы проистекает сущее? На какой основе зиждется сущее? К какой основе восходит сущее?» [Хайдеггер М., 1998, с. 88], и «Вопрошание непосредственно направлено на основу» [Хайдеггер М., 1998, с. 110]. В античный период подобным основанием сущего было Единое, в Средние века — бог, в Новое время — субъект, и т.д., и каждая из этих основ была замкнута сама на себе, завершая круг философского вопрошания. Но, с опорой на сменившуюся в начале XX в. благодаря онтологическому повороту феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера парадигму, мы понимаем, что уже не имеем в качестве обоснования существования сущего четко детерминированного высшего основания, а имеем, скорее, некую калейдоскопичную совокупность случайных феноменов, а также разделение сущего и бытия — т.н. «онтико-онтологическое различие»: «Бытие — это всегда бытие сущего и не “есть” само сущее» [Молчанов В.И., 2007, с. 132]. Или, как писал С.В. Комаров, «бытие определяет сущее как сущее. Бытие — это всегда бытие сущего, но не само сущее» [Комаров С.В., 2007, с. 607]. Двадцатый век весь был буквально напитан этими установками и этими трактовками, они отразились практически во всех тогдашних изысканиях науки и философии.

Мартин Хайдеггер постулирует: феномен есть так, как он есть без фундаментальной субстанции, без основания: «...сущее открыто навстречу возможности небытия» [Хайдеггер М., 1998, с. 111] и «Сущее уже больше не есть наличное, оно становится зыбким, и это

безо всякой оглядки на то, познаем ли мы сущее со всей определенностью или нет, безо всякой оглядки на то, понимаем ли мы его в полном объеме или нет. С того мгновения, как мы ставим его под вопрос, сущее как таковое колеблется» [Хайдеггер М., 1998, с. 111]. И только лишившись привычной опоры, являющейся конечным объяснением всем закономерностям существования объектов, мы задумываемся о бытии, которое было забыто буквально до начала XX в. — вот чего, по мнению немецкого философа, не доставало. Сущее оказалось в подвешенном состоянии опасности стать Ничто, оказалось «брошенным» в Ничто.

Бытие у Хайдеггера связано с ужасом: «...захваченность ужасом есть как расположение способ бытия-в-мире; от-чего ужаса есть брошенное бытие-в-мире...» [Хайдеггер М., 2006, с. 191]. Хайдеггер связывает ужас со «стихийной конкретностью», т.е. «вот-этой-конкретной-ситуацией-брошенности» некоего феномена, который вмещается в просвет здесь и сейчас, вызывая столкновение с ним сознания, выражающееся в прото-удивлении. Соответственно, феномен (и человек, в том числе как феномен для самого себя), брошенный в мир, находится в подвешенности своей ситуации, не осознавая этого, поскольку естественная установка не открывает данного уровня реальности, не открывает человеку его личной конкретной точки релятивного бытия. Со сменой установки, т.е. *ἐποχή* (или переводом всегда существующего повседневного мира наличностей в состояние бездействия), мы переходим к феноменологической установке рефлексии не выключенного мира трансцендентальной субъективности, что есть «своеобразный способ сознания» [Гуссерль Э., 2009, с. 98], не мешающий другим установкам. Смена установки позволяет нам видеть архитеконику опыта, «внутренность» опыта. Редукция нужна для изучения теневого бытия (лик, плоть, тотальность, жизнь и др.), т.к. оно не дается как обычное бытие, вызывая у нас состояние шока или как минимум удивления. Субъект уже де-стабилизирован, на сцену выходят его тени, лакуны. Здесь примордиальным началом выступает плоть. Плоть — это «предшествующее опыту начало». Но она при этом имплицитована в опыте тела как схемы или образца. Плоть имманентна всем вещам — такова ее сущность.

«Расположение, было сказано выше, показывает, “как оно” человеку. В “ужасе” ему “жутко”. Здесь выражается ближайшим образом своеобразная неопределенность того, при чем присутствие находит себя в ужасе: ничего и нигде» [Хайдеггер М., 2006, с. 188]. Присутствие, находящее себя в ничто и нигде, — это и есть лакуна (тень). Она чужда всему обыденному, анонимна и бессознательна, это уже не обычное бытие. Именно тень вызывает состояние ужаса т.к. не связана с обыденностью и безосновна, являясь основанием самой себе, являясь абсолютным «бытием тьмы». «Жуть тут подразумевает однако вместе с тем “бытие-не-по-себе”» [Хайдеггер М., 2006, с. 188]. Ужас с его «не по себе» связан с неопределенностью, она его рождает. Ужас в каком-то смысле является механизмом выведения людей из естественной установки через осознание ими своего подвешенного состояния (а уже только потом его методологического преодоления в феноменологической установке) и осознания того, что они, оказывается, совсем не знают мира, раз встречаются с лакунами, меняющими представление о вещах в целом. Мир становится случайным, безосновным, что вызывает в нас тревогу и страх, и мы его выключаем, обращаясь к структурам опыта о феноменальном.

М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» пишет: «...восприятие несет в себе больше, чем я знаю в отчетливом знании» [Мерло-Понти М., 1999, с. 487]. Лакуна — это и есть то большее, что мы несем во взгляде. Бытие лакуны избыточно, данность — в пассивных синтетах. Для Мерло-Понти «...феноменология — это работа по возвращению “не-рефлексивного представления о мире”, которое предшествует субъективности» [Тригг Д., 2017, с. 80]. Не-рефлексивный означает пассивный, с приставкой «-прото». Это то самое Великое внешнее, непознаваемое существование, которого учредил И. Кант своим концептом «вещи-самой-по-себе». К. Мейясу называет такую модель «слабой», ведь она постулирует мыслимость (не данность) познания объекта до его данности в опыте (сильная же модель вообще отрицала существование кантовского «объекта-до-данности»). Мерло-Понти и Марион введением своих теневых феноменов хотели вывести такие объекты из зоны не-данного, небытия.

Ж.-Л. Марион пишет: «...то, что мы моментально воспринимаем в созерцании, равно как и то, что мы мыслим в понятии, остается бесконечно беднее, чем мы способны увидеть в реальности» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 83–84]. Лакуны или гиперфеномены находятся «по ту сторону» данности, но при этом даны. Как? Негативно. Как то, что пугает нас из-за нахождения в иной реальности — анонимной реальности, которая ограничена трансценденталистскими коннотациями: смерть — это лакуна, но она все же нам как-то дана, через пустоту и небытие, как нечто без имени. Это онтологический статус лакуны — быть данной как небытие. Анонимность лакуны предшествует всем феноменальным данностям, сознанию, которое уже претерпевает распад.

Ж.-Л. Марион — автор концепции насыщенного феномена. Он пишет: «Взгляд не может вынести интенсивную величину созерцания, дающего насыщенный феномен» и «...речь идет о том видимом, которое наш взгляд не может вынести» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 85]. Это и есть лакуны или гипер(контр)феномены. Насыщенный феномен вообще невозможно вынести, он настолько гигантский по отношению к точке нашего сознания, что она просто не может его вместить. Но ниже мы постараемся показать, что это не так, что мы все равно воспринимаем насыщенные феномены, пусть и через состояние аффекта или исподволь, пассивной данностью. Должен ли всякий феномен соотносываться с единством опыта? Насыщенный феномен не соотносывается. Плоть, к примеру, как гиперфеномен не является ни объектом интенциональности, ни ее актом, она существует независимо от сознания и его амбиций. Плоть — это не материя, не сознание и не субстанция. Плоть — пространство, поле, анонимная зона. Она не вписывается в привычный опыт, обладая собственным трансцендентальным единством плотского, у Ж. Батая — омерзительного и невыносимого. Она — место рождения всех феноменов, от привычных до пугающих. Эти феномены не возводятся к аналогиям восприятия, у них нет схем, рожденных воображением (схематизм Канта). Насыщение горизонта одним-единственным невыносимым феноменом опасно: его могут не опознать, не разложить. Наш «моментальный снимок» призван помочь в этом деле.

Далее, контрфеномен дает себя как абсолютный и познать его, соответственно, может лишь что-то абсолютное (абсолютное сознание), мир не в состоянии его принять, не только мы сами как личное, узко понимаемое сознание не в состоянии его схватить без шока. Такой феномен не обусловлен, т.е. не зависит от горизонта, он может либо насыщать, либо преумножать горизонт. «Насыщенный феномен не позволяет видеть себя как предмет именно потому, что он является с множественным и неопишуемым избытком, который препятствует всякой попытке конституирования» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 93]. Этот феномен в высшей степени виден, однако на него невозможно смотреть. Уклониться от собственного явления контрфеномен также не может, как не может свестись к условиям опыта, вписаться в какую-либо схему. Контрфеномен является вопреки условиям возможности опыта, в его случае возможен лишь контр-опыт. Я не может смотреть на него как на предмет, это нечто большее, чем простой предмет. Я теряет первенство в этом контр-опыте. Событие насыщенного феномена — это событие, которое лишает Я самого себя, переводит его в режим абсолютного. Я больше не отвечает за конституирование, насыщенный феномен будто сам себя конституирует в своем избытке (точнее, абсолютным сознанием, суженным до личного для более живого мгновения фиксации, в «моментальном снимке»). Феномен больше не сводится к сознанию, поэтому это некая «объективная» феноменология. Субъект должен преодолеть самое себя, чтобы ему открылся насыщенный феномен, совершить даже нечто более сильное, чем трансцендентальную редукцию, которая «выключает» личное бытие Я. Мы, разумеется, испытаем шок, если потеряемся в гиперфеномене, растворимся в нем, поэтому эти объекты пугают нас (например, пугает тотальность или плоть в хоррор-литературе или кинематографе).

Гиперфеномен нельзя описывать как смутный и иррациональный — напротив, он является самым ясным и открытым видом феноменов, об этом говорит Ж.-Л. Марион: «...только насыщенный феномен поистине является как сам феномен, как феномен себя самого и из себя самого» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 96]. Открытость связана с чистой возможностью, явление

насыщенного феномена ограничено бесконечным горизонтом, который он сам устанавливает (чтобы не потеряться в бесконечности, нам и будет нужен «снимок», но подробнее об этом ниже). Бесконечность — это само выражение чистой возможности, поэтому она пугает и ослепляет нас, никогда не даваясь как простой, «бедный» феномен. Насыщенный феномен начинается с кантовской доктрины возвышенного, у него нет ни формы, ни порядка, оно вызывает чувство несоизмерности гигантского.

М. Мерло-Понти пишет: «...как пассивные существа мы чувствуем себя заключенными в массу бытия, которое ускользает от нас» [Мерло-Понти М., 2006, с. 156]. Далее он говорит, что именно опыту принадлежит последняя онтологическая сила, и это понятно: любые феномены, а также лакуны, даны только в опыте, хотя лакуны и превышают его по сущности, а не коррелируют, как обычные феномены. Лакуны не вписываются в наши способности их познать, они всегда «нерассчитываемые». На то они и тени. Но мы можем созерцать их в состоянии аффекта, и так хотя бы что-то узнавать о них. Вещи коммуницируют с нами напрямую лишь постольку, поскольку мы тоже видимы, тоже являемся вещью, но лакуны несоизмеримы с нашими схемами или сущностями, которые мы накладываем на дающиеся вещи, чтобы они обрели бытие в нашем сознании, поэтому не могут напрямую коммуницировать с нами. «Снимок» поможет упростить этот процесс.

Э. Левинас сформулировал понятие «*Луа*» для описания лакуны. *Луа* описывает гиперобъекты, оно безлично, грани субъективного и объективного в нем стираются, оно есть вечное бдение, оно есть Иное и чистое различие. Внутреннее и внешнее в *Луа* неразличимы. *Луа* есть универсальное отсутствие, но парадоксально оно присутствует, пусть и за гранью идеализирующего, зарешечивающего мир картиной мира опыта. Мы можем описать его только исподволь, косвенно. *Луа* — это «...нечто вроде густоты пустоты, шепота молчания» [Левинас Э., 2000, с. 39]. Позиция субъекта утверждает субъект в *Луа* как «временное-тождественное», противостоящее иному, и встает вопрос уже не об оппозиции сознание-мир, а о самом возникновении существующего как топики в лоне безличного существования. Событие возникновения, вложения, появле-

ния — это остановка анонимного трансцендентного *Луа*, именно она делает анонимным настоящий момент времени, если в него не вмещается какое-то сущее, или же вмещается и быстро исчезает, а на его месте появляется новый конкрет. Этот момент никогда не пустует. Время призвано устранить невыносимость контакта с настоящим, течь в направлении раскрытия мгновения на человеческом языке, а не на языке времени. Мгновение прерывает анонимность, оно есть событие столкновения с бытием. Различие бытия и сущего держится в лице, которое есть отпечаток *Луа*. Лицо противостоит форме и сущности, разрушает форму, приобретает черты наготы. Лицо — свидетельство другого о самом себе, абсолютная подпись. Непосредственность наготы делает ее уклоняющейся от феноменов. Субъект, идея, сознание и структура лицом не обладают. Лицо схоже с экзистенциалами Хайдеггера, но принадлежит не области тождественного (нейтрального), а области иного, также лицо есть различие. Лицо нетотализуемо, не соотносится с тождественным, оно всегда Иное. Лицо — это отблеск *Луа* или след, благодаря которому конституируется невидимое, лакуна.

Итак, иное или лакуна в представлении французских феноменологов — это анонимное, безличное существование, это Инаковость, ввергающая человека в шок, дающаяся через шок. Она познается лишь исподволь, в приоткрытом лице или следе, она абсолютна, это и есть то самое бытие-в-себе.

Критика феноменологии спекулятивным реализмом

Новая парадигма породила трудность, с которой хочет справиться К. Мейясу и которую хорошо сформулировал Д. Тригг: «...феноменологическая традиция, некогда служившая образцом непогрешимости, стала символом неудачной попытки мыслить за пределами субъекта. Вместо этого ее метод, как утверждает, сводит мир вещей к антропоморфному миру, который неизбежно ограничен нерушимым союзом субъекта и мира» [Тригг Д., 2017, с. 13]. Контингентные же феномены, лакуны — это не антропоморфные феномены, они далеки от человеческого разума. Проблема феноменологии заключалась в антропоморфизации всего мира без учета Иного, которое было раскрыто позже

феноменологами второй и третьей волн. Зависимость мира от сознания — пусть это и не солипсизм, но все равно зависимость «по образу и подобию» с конституированием как осмыслением и нозмой, без которых нельзя ничего сказать о мире — была разрушена постулатами спекулятивного реализма.

Ничто всегда страшило М. Хайдеггера, в отличие от Квентина Мейясу и его концепции спекулятивного реализма. На фоне исследования онтологического поворота он писал, что «...мы больше не можем быть метафизиками, и мы больше не можем быть догматиками» [Мейясу К., 2015, с. 36]. Мы не можем вернуться к прошлой парадигме и постулировать абсолютное бытие Бога или субъекта. Он строит «дискурс о доисторическом», т.е. о том, можно ли говорить что-то о том, чего человечество не видело никогда (например, зарождение Солнечной системы). Дано ли человеку познать из точки настоящего момента времени далекое прошлое, которое останется для него «вещью-самой-по-себе»? Иначе, можно ли познать «вещь-саму-по-себе»? Речь идет о невысказанном, о том, что открыл Иммануил Кант как нечто существующее, но недоступное нам: бытие вне данности. Именно бытие вне данности и явилось камнем преткновения и предметом исследований спекулятивных реалистов, именно то, что проигнорировал и упустил Э. Гуссерль.

Мейясу постулирует полный отказ от принципа достаточного основания: «...и уничтожение, и постоянное сохранение определенного сущего — оба должны иметь возможность произойти безо всякого основания» [Мейясу К., 2015, с. 89]. Это — наследие онтологического поворота Гуссерля и Хайдеггера. Но Мейясу хочет избавиться от корреляционистского круга, созданного феноменологией, и обращается к рассуждению о контингентности (возможно все, кроме невозможности чего-либо). Суть этого рассуждения в том, что сознание и мир не даны отдельно друг от друга — существованием обладает отношение между ними, а отдельно друг от друга они им не обладают. В связи с этим мы не можем познать «вещь-саму-по-себе», ведь выйти за пределы корреляции невозможно. Мейясу хочет вскрыть этот круг, обнаружив перспективу для нового абсолюта, т.к. только он может открыть нам зону невидимого, «вещей-самых-по-себе» или лакун. Абсолют — это

«...сама возможность-быть-другим, о которой говорил агностик. Абсолют — это возможность перехода из теперешнего состояния к какому-либо другому состоянию без всякого основания» [Мейясу К., 2015, с. 79].

Может быть, мы и не можем мыслить абсолюта, но это не значит, что их нет вообще. Философы постмодерна требуют, чтобы абсолют прекратил быть рациональным, но это приводит к фидеизму (каждая вера стремится утвердить свой абсолют). Но нам нужен не религиозный абсолют. Новый абсолют — это жуткий «гипер-хаос возможности быть другим», угрожающая сила, способная разрушать вещи и миры или же вообще бездействовать независимо ни от чего. Он может воплотить любые кошмары. Это вечное возможное время-становление без закона, даже не как у Гераклита. Также для философа важно, что наше постулирование хаоса или контингентности — это «абсолютное онтологическое свойство, а не знак конечности нашего знания» [Мейясу К., 2015, с. 74].

Французский философ пишет: «...я не могу мыслить неоснование (т.е. равную и безразличную возможность всех вещей) только относительно мышления: потому что только мысля ее как абсолют, я могу деабсолютизировать все догматические варианты» [Мейясу К., 2015, с. 84]. Что это значит? Это значит полную объективность абсолюта, его независимость от нашего мышления, а значит, и от корреляционизма и господства субъекта. Субъект уже деконструирован, он «шизофреничен», т.е. подвержен распаду. Остался лишь объект, который возможен и как бытие, и как ничто.

Далее, «...фактичность обозначает наше сущностное незнание о том, являются ли мир и все его инварианты контингентными или необходимыми» [Мейясу К., 2015, с. 75]. Фактичность — это форма или схема контингентности, а также это само признание контингентности. Применяется и к инвариантам (логические законы), и к любым феноменам. Принцип неоснования и контингентность вовсе не приводят нас к утрате рациональности. Принцип фактуальности, важный для философа, звучит так: «только фактичность не является фактической — т.е. только контингентность сама не является контингентной ... принцип фактуальности состоит не в том, что контингентность является необходимой, а в том, что только контингентность яв-

ляется необходимой» [Мейясу К., 2015, с. 116]. Лишь контингентность способна структурировать все формы мира — от бытия до ничто. Она — закон, она властвует над всеми вещами, видимыми и невидимыми. По сути, хаос становится проводником смыслов, невидимое и видимое становятся ограниченными безграничностью. Вещь-сама-по-себе — это «...фактичность трансцендентальных форм представления» [Мейясу К., 2015, с. 110], это невидимое, которое обладает свойством быть любым, и даже не быть. Невидимое формирует само себя, не упраздняясь при этом, т.к. упразднение существования немислимо. В конце концов, невидимое (хаос) управляет мирами.

Итак, контингентное позволяет лакунам существовать в своем первозданном виде. Признание фактичности контингентного — шаг на пути к изучению лакун. Важно отметить, что путь спекулятивного реализма критичен по отношению к корреляционизму феноменологии, и предлагает понятие контингентности в качестве решения вопроса корреляционизма: контингентное существует вне зависимости от связи сознания и мира. Сама феноменология переосмыслена К. Мейясу, он — не феноменолог, а ее суровый критик.

«Моментальный снимок»

Мир в феноменологии коррелирует с сознанием, но одно не является порождением другого, и они связаны не через одну вещественность или одну сознательность. Их объединяет лишь точка, куда вмещает себя феномен в моменте собственного явления, выхода из области потаенности в область непотаенности, т.е. явленности и ясности. И в эту колеблющуюся границу между сознанием и миром, между потаенностью и непотаенностью, попадает случайно выбранный сознанием конкретный вариант явления мира через конкретный феномен, являясь при этом как бы одним из вариантов представления и самой границы. Дополним, что граница сама по себе ничем не наполнена, а является только организационным моментом опыта (до начала фиксации некоего феномена, скажем, лакуны, которая ее заполняет). На границе организовывается и первично структурируется опыт, а вот Теперь-точка является способом представить границу (поскольку они не одно и то же) как феноменальную ячейку, понимае-

мую в качестве мгновения времени, всегда наполненным феноменом, в то время как граница сама по себе чиста от материи опыта. Так разделяются два аспекта одного и того же явления, объединенные «моментальным снимком» в единый концепт.

В связи с этим, «моментальный снимок» (далее — просто «снимок») — это онтологически ориентированное понятие, означающее один из способов метафорически представить границу между сознанием и миром. Снимок раскрывает в своей фиксации архитектуру опыта, т.е. все смысловые слои воспринимаемого феномена (чувственный, синтезирующий и осмысляющий, слой схематического познания феномена как некой смысловой схемы, а акта его познания — как переживания вообще, уровень течения внутреннего времени). «Моментальный снимок» также обобщает все собственные синонимы в трактовке границы-точки как наполненной феноменальностью ячейки трансцендентального опыта: и Просвет (поскольку это сияющее мгновение мира), и событие (ведь снимок сталкивает Я и мир в сознании, и это столкновение суть событие), и Теперь-точка (ведь столкновение происходит в точке настоящего момента времени), и платоновское «вдруг», и иные синонимы, обозначающие различные аспекты одного и того же явления. Таким образом, более логически выверенные определения «моментального снимка» таковы: это раскрывающий архитектуру опыта непреднамеренно зафиксированный нашим Я на границе между сознанием и миром определенный вариант явления этого самого мира, переданный через конкретно созерцаемый феномен. Иначе говоря, «снимок» — это фиксированное мгновение феноменальной реальности, выражение всего пассивно воспринимаемого, фонового мира в случайном феномене.

«Отблеск видим только краем глаза. Он не предстает целью нашего восприятия, это его вспомогательное, опосредствующее звено. Он невидим сам по себе, он позволяет видеть остальное» [Мерло-Понти М., 1999, с. 397]. Раз «снимок» выражает пассивное в случайном — он и есть форма лакуны или тени. Его мерцание — способ, которым лакуны еще могут нам даваться. Он — опосредующее звено, помогающее лакуне раскрыться в более приемлемом для нашего сознания виде — как феноменальной данности, которая уже не прото-данность, а

то, что осталось от прото-данности в самом зафиксированном моменте. Аффект все же более приемлемый способ показать лауну, но зато нам тяжело структурировать свои впечатления, а «снимок» позволяет это сделать.

«Снимок» позволяет образовать схему для гиперфеномена, внести в его существование структурирующий смысл. После различения уровней седиментации смысла мы уже не сможем ошибиться при опознании насыщенного феномена. «Снимок» борется с шумом вокруг феномена хотя бы тем, что это способность фиксировать непреднамеренно, а значит, не воспринимая контрфеномен как предмет. Гиперфеномен все же как-то дан в созерцании, несмотря на то что ускользает и растворяет Я в своем избытке. «Снимок» помогает Я интегрировать опыт и самое себя. Гиперфеномен превосходит принцип всех принципов, т.к. обычного созерцания недостаточно для восприятия такого объекта, — соответственно, к этому «снимку» прибавляется способ восприятия лауны.

«Снимок» анонимен точно так же, как анонимен опыт о гиперфеномене или лауне. Поэтому между ними легко провести корреляцию, но сама анонимность не подлежит никаким корреляциям, так что от корреляционизма, за который критикуют Гуссерля, «снимок» как концепт уходит. Неограниченную возможность лауны он закрывает в рамки открытого и ничем не обусловленного кадра, который есть лишь релятивный росчерк пера на бумаге реальности. «Снимок» также позволяет удержать живую реальность, не отдающуюся в нем никаким «ничтожащим» модификациям, за которые Гуссерля критикуют. «Снимок» раскрывает уровень простого созерцания живой жизни, не замутненного ничем, до которого Э. Гуссерль так и не дошел, по мнению М. Анри.

Также важно сказать, что мы — не «хозяева» «снимка». Он, порождаемый абсолютным сознанием, существует в своей абсолютной реальности. Конкретное сознание расширяется до абсолютного, чтобы принять «снимок», обезличиваясь в эпохе, во всех трех редукциях разом («снимок» совершает их все одновременно). Он наполнен смыслом, но все же мы рискуем назвать его «избыточной формой для избыточного», его работа — предоставлять абсолютный смысл. «Снимок» все же постигает не вещи-в-себе, а вещи-для-нас, но делая акцент

на Ином, на структурировании его сумбурной природы, на попытке его осмысления. Нам доступны некие моменты Иного для структурирования — вот «снимок» и структурирует их в одном акте фиксации. «Снимок» есть своеобразный способ трактовать Иное сквозь силу абсолютного смысла, который нам доступен. Это может быть и «шокирующий» смысл, но шок можно пережить, а уже потом подходить к тому, что шокировало, с рациональной точки зрения. За адаптацию к шоку и отвечает «снимок». В этом плане «снимок» постигает лишь насыщенные феномены. В силу присутствия абсолютного смысла данные Иного обращаются в человеческую сторону, при этом имея приближенную к человеку избыточную форму «снимка». Априорное представление в самом себе дается именно «снимком», поскольку он есть «овнешнение абсолютного сознания». Абсолютное сознание приобретает «конечность» в виде снимка, собственную «закругленность».

Стоит отметить, что абсолютный смысл — это не смысл «вообще», не определение смысла, что он есть такое, а «абсолютная получеловеческая ясность невидимого». Конечно, он является ориентиром, а не гипостазированной сущностью. Он виртуален, затронут трансцендентальным сознанием, вместе с тем он есть постоянное пребывание в актуальности, событии. Он пребывает в той самой августиновой «вечности», являя собой объединение абсолютных. Он результат процесса фиксации, где сам фиксированный предмет опыта разворачивается в абсолютной перспективе. Горизонт предмета опыта становится абсолютным, чистым горизонтом в силу избыточности формы, в которой выступает.

Об уникальности границы-точки так говорит М. Бахтин в изложении В. Лехциера: «Динамизм и неповторимость связаны друг с другом, поскольку свершающееся, становящееся бытие может быть только всякий раз единственным, уникальным, неповторимым» [Лехциер В.Л., 2007, с. 86]. «Снимок» фиксирует эту уникальность, делает ее видимой. Парадоксальным образом здесь сталкиваются абсолютность «снимка» и случайность, уникальность, единичность того, что в нем фиксируется, того, что шокирует. И так мы поворачиваемся к конкретности бытия, оформленной «снимком». При этом «...бытие-событие, имеющее ко мне непо-

средственное отношение, в моем переживании открывающееся и сбывающееся, не является моим продуктом, не находится в моей власти, не входит в сферу моего произвола» [Лехциер В.Л., 2007, с. 86]. Так же бытие-событие не является моим продуктом, как «снимок» — произволом человека. «Только в таком бытии, в единственном и едином бытии-событии, я действительно живу и умираю» [Лехциер В.Л., 2007, с. 87], и также только в «снимке» по-настоящему живет бытие, живой жизнью Иного, инобытия.

Обнаружение всего, делающего предмет знанием исходя из недостаточной его данности в опыте, — это и есть глобальная работа «снимка», именно он разворачивает предмет, а построение слоев опыта имеет отдельную онтологическую значимость в сознании как абсолютном, не растворяющем в себе предмет, который всегда имеет природу Иного, а не Тождественного. Сознание растворяет в себе предмет, «снимок» же — нет. Но мы все же каким-то образом, а именно — через фиксацию, создаем бытие-в-себе «с человеческим лицом», если угодно. Предмет остается подлинным, но и разворачивается благодаря фиксации «снимка». Предмет остается независимым, т.к. «снимок» не ангажирован опытом, он непреднамерен. Но наше абсолютное сознание здесь растворяется в абсолютном Ином через абсолютный смысл, предоставленный «снимком». Ясность он дает лишь потому, что фиксирует «разом и безо всякой индукции» [Шпигельберг Г., 2002, с. 50], по Ф. Брентано.

Что такое эвидентное?

Эвиденс (evidens) — это регион светящихся гиперфеноменов, ослепляющих своим сиянием лакун, которые уже зафиксированы «снимком» и неизменны относительно него, остаются сформированным «снимком» регионом бытия. Он воспринимается лишь пассивно: «Но есть и пассивное зрение, без направленного взгляда, например, при ослепляющем свете, который не разворачивает перед нами объективного пространства; свет перестает быть светом, становится мучительным для нас и сам захватывает наш глаз». [Мерло-Понти М., 1999, с. 404]. Эвиденс — это и есть свет, мучительный для нас, его «издает» лакуна или гиперфеномен, постигнутые в «снимке». Эвидентное — это ре-

гион бытия, в котором находятся подобные шокирующие феномены с пассивной данностью. «Снимок» — это некое «опережающее» данность других феноменов бытие, некая прото-фигура бытия, избыточная форма опыта, разворачивающая лакуну. Момент пассивного синтеза эвидентного бытия неделим и неуловим. Это о том, что субъект всегда подразумевает больше, чем то, что он реально видит. Подразумевание всегда пассивно, оно схватывает феномены исподволь, неверным взглядом, который иррационален и интуитивен. Но предоставлять нам подобные объекты иначе невозможно: если гиперфеномен будет предоставлен активным способом, то он ослепит нас своей избыточностью. Избыточный означает чрезмерно наполненный собой. Рассмотрим это на примере тела: «...истoki тела обнаруживаются на предделе описания, по ту сторону опыта и в предшествовании субъективности» [Молчанов В.И., 2007, с. 46]. Это значит, что тело — предельное понятие, оно неопишимо привычным языком корреляции, у него нет коррелята, оно само есть пространство, где разворачивает свое присутствие, оно независимо от сознания и мира, а также от их отношения. Раз субъект шизофреничен, остается говорить о целостности тела, но и оно не целостно, а представляет собой лишь зазор, разлом.

Феномен как «пустое х», о котором пишет Гуссерль («...чувственное наполнение данного в восприятии всегда принимается за нечто иное, нежели истинная вещь, сущая как таковая, однако непрестанно же и субстрат, носитель (пустое х) воспринимаемых определенностей...» [Гуссерль Э., 2009, с. 122]), обезоруживающе пуст, поскольку соотнесен с анонимной абсолютностью эвидентного момента как с возможностью бытия чего-либо в некоей форме или схеме этого бытия. А «снимок» наполняет его смыслом, делает ощутимым. Эвиденс — это не субстрат, это регион, это то, что нам дает «моментальный снимок», это сингулярная точка, в которой и есть, и нет ничего феноменального, т.е. вроде бы гиперфеномены присутствуют в ней, она является вмещилищем, но и сами эти гиперфеномены не даны как обычные феномены. Они как бы есть сверх того, что является феноменами. Они ослепляют нас, если мы не вооружены редукцией и не можем «выстоять» перед их жутким светом анонимности.

Анонимное бытие есть бытие-открытым или Открытость как таковая, которая царит в эвиденсе как в регионе освещенных абсолютным сознанием гиперфеноменов.

Раз регион эвидентного открыт, значит, он бесконечен, он множественный и все больше разрастается, пока мы воспринимаем странное бытие: «“Странность” — это всегда “сторонность”, всегда открытость многих сторон, многих аспектов, открытость не такая, что я вижу эти аспекты, а что я обречен на то, что один аспект сменится другим аспектом, видение изменится» [Слово versus язык..., 2019]. Но нужно понять, что «снимок» делает эту бесконечность управляемой, фиксирует и не дает модифицироваться явлению лакуны. Почему эвидентное — это странное? Потому что, а) оно не дано как обычное феноменальное бытие, б) оно пугает тем, что избыточно, а если уже есть аффект — значит, мы столкнулись со странным. Лакуна всегда странна, она никогда не похожа на что-либо привычное. Ничего похожего на этот ослепляющий свет мы еще не видели. Он занимает весь наш ум и ввергает в состояние ужаса. Ужасен он потому, что избыточен, а любая избыточная структура позволяет себя изучать только пассивно, исподволь, в неясности, хотя Ж.-Л. Марион предпринял попытку хотя бы как-то описать ее: как шокирующую; это самый верный способ ее описания.

Открытость и избыточность заслуживают отдельного изучения и формирования науки о них хотя бы потому, что присутствуют в нашей жизни неустранимо. Эвидентное еще и трансцендентально, и значит, мы можем возродить традицию трансцендентальной философии, т.к. эвидентное суть наивысший регион бытия, чистая возможность, воплощенная в гротескных образах писателей хоррора, каждый из которых воспринимается активно, но при этом свет из них (очевидность, истина) воспринимается пассивно. Само сияние — это и способ представить, что такое хаос, безумие и отсутствие привычной логики, оно контингентно. Эвидентное как сформированный и открытый регион — это «все, что угодно» в самом прямом смысле слова, будь то отделенная от тела голова с лапками, которая хотела произвести свою собственную копию, из фильма Д. Карпентера «Нечто», или же странный дар главного героя в книге С. Кинга «Сияние», объединяющий три совер-

шенно несовместимые способности: предчувствие будущего, телепатию и интуитивное чувствование эмоций других людей на расстоянии.

Роже Кайуа писал об эвидентном, называя его сверхъестественным: «...сверхъестественное проступает лишь в деталях, незаметных поверхностному взгляду» [Кайуа Р., 2006, с. 16]. Эвидентное постоянно пересобирается, обновляется как регион благодаря принадлежности к ореолу возможности возможностей, где действительно может возникнуть все, что угодно, «...существуют акты, в которых я собираюсь воедино, дабы выйти за свои пределы» [Мерло-Понти М., 1999, с. 487]. Эти акты и нужны для того, чтобы схватить эвидентное, поскольку оно находится за гранью мыслимого и немислимого.

Свет лакуны выворачивает реальность, реальность претерпевает метаморфозы, связанные с тяжестью этой самой лакуны. Регион эвидентного — это такая преобразованная, изломанная реальность. Свет обладает лучом интенциональности, прямо как мы сами, но этот луч несоизмерим с человеком и человеческим лучом, он направлен на нас в то время, как мы совсем не ждем его. Поэтому мы испытываем шок, раз не ожидали явления лакуны, она будто бы сама выбрала нас для собственного явления, утверждения в нашем опыте, пусть она даже и больше него. Лакуна, наконец, это по-особому данная ошеломляющая очевидность и истина в облике сияющего нечто. Истиной оно является в том, какой эффект производит на нас: мы не можем сомневаться в том, что лакуна истинна, но не можем доказать ни ее истинность, ни ее ложность или искаженное существование. Она просто превышает всевозможное понимание, но при этом имеет модус истины и онтологический статус. Истину многие определяли как некий «свет» в противоположность тьме неведения, а лакуна «светит» сильнее, чем другие феномены. «Ярко сиять, себя из себя самого показывая» — это и есть пребывать в эвиденсе, откуда нет выхода: если постигнут гиперфеномен, то он уже не может оставаться недоступным. Повторимся еще и в том, что это не человеческий регион, мы можем только прикоснуться к нему, проводя фиксацию, а сам «снимок» уже работает отдельно от нашей воли, сливая нас с лакуной (в любопытстве, вызванном невидимым, которое всегда представляет собой интересную загадку), и одновременно

различая нас (как человека, ограниченного собственным разумом и картинами мира, и Иное, которое не вписывается ни во что, кроме «снимка» и существует для нас постижимо только в эвиденсе). Эвиденс имеет человеческое лицо, но все же отличается от нашего сознания хотя бы отсутствием феноменологических модификаций (ретенциональных), которые затрудняли нам подход к предметной истине феномена.

Заключение

Мы расчертили поле косвенного феноменологического анализа — через «снимок» как избыточную форму опыта о невидимом. Корреляционизм феноменологии преодолевается и спекулятивными реалистами, и нами, поскольку «снимок» не уходит в модификации, целостно дает феномен, при этом не будучи данным сам, дает абсолютный смысл любым поискам невидимого. Тело М. Мерло-Понти, плоть, жизнь, тотальность, лицо Э. Левинаса, Великое внешнее (вещь-сама-по-себе или хаос), голова с лапками из фильма «Нечто», дар Денни Торренса — все это лакуны, тени, которые изучали многие феноменологи (Гуссерль, Мерло-Понти, Левинас, Марион) и современные философы (спекулятивный реализм Мейясу, философия хоррора Тригга). Писали о них и Хайдеггер, и Кайуа. Они вызывают у нас ужас, шок, т.к. дают иным образом, нежели обычные феномены. Они даются как открытые и избыточные, как контингентные. Они ослепляют нас, если мы пытаемся изучать их как обычные феномены — напрямую, как активно дающиеся; должны же мы их изучать как пассивно дающиеся, фоновые, анонимные. Мы совсем не ждем их, но они хотят вторгнуться в поле нашего опыта и словно бы пересобрать его. Они есть бытие-в-себе, недоступное и парадоксальное. «Снимок» лишь делает его ближе к нам при помощи абсолютного смысла — света, истинности, развертываемости, понятности исподволь. Исподволь, но абсолютно — вот парадоксальная черта теории «снимка» и эвиденса.

Трансцендентализм как общеполитический концепт возможности возможностей, анонимный горизонт всего мира как нельзя лучше описывает свойства эвидентного или лакун, теней. «Моментальный снимок» описывает то, как мы еще можем приблизиться к теням, если

не из состояния шока, косвенно: простая фиксация мгновения данности лакуны тоже возможна, но только если она открывает внутреннюю архитектуру опыта о лакуне. Но данность из «снимка» — непрямая, прямая данность только из аффекта. Снимок сглаживает аффект благодаря тому, что мы видим, как фиксируем, пусть даже и неопределенную картинку, и раскрывает внутренние перспективы тени в плане ее обращения к инвариантам сознания (схемам, нозме, картине мира), что на самом деле сложно рассчитать. Лакуна сама изъясняет желание нам видаться, обладает будто бы собственной волей, поэтому так нас пугает и настораживает — в этом солидарны все ее исследователи.

Очевидность и истинность — еще один уровень рассуждения о лакуне как *evidens-e*. Эвидентное означает очевидное, сияющее из себя самого бытие, ослепляющее нас. Лакуна также — это фантастическое, способное даваться только богатому воображению, а не просто любому возможному опыту. Не каждый выстоит перед теневым бытием.

Что же такое лакуна? Это ослепляюще открытое, очевидное и истинное, теневое прото(анти)бытие, выражающееся в «моментальном снимке» как в трансцендентальной форме или схеме этого бытия, избыточной форме, разворачивающей в своей неподвижной фиксации все уровни смысла лакуны. Жизнь — это больше, чем просто существование живых существ, она не сводится к функционированию их организмов. Плоть — это анти-бытие, которое является сырой материей всех феноменов. Тотальность — это категория возвышенного, описывающая выжимку буквально из всего, это целостность всей вселенной, неустрашимость ее. Таким образом можно описать все лакуны.

Список литературы

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2009. 489 с.

Кайуа Р. В глубь фантастического. Отраженные камни / пер. с фр. Н.В. Кисловой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 279 с.

Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к

фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетея, 2007. 736 с.

Левинас Э. От существования к существующему / пер. с фр. Н.Б. Маньковской // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7–65.

Лехицер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2007. 332 с.

Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен / пер. с фр. В.В. Земсковой, Г.Б. Юдина // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академ. проект, 2014, С. 63–99.

Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. с англ.

Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О.Н. Шпараги. Минск: И. Логвинов, 2006. 400 с.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Наука, 1999. 608 с.

Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. 456 с.

Слово versus язык. Пятигорский versus Библихин // Rigas laiks. 2019. Осень. URL: <https://ru.rigaslaiks.art/zhurnal/pyatigorskiy/clovo-versus-yazyk-pyatigorskiy-versus-bibihin-19986> (дата обращения: 10.10.2021).

Тригг Д. Нечто: Феноменология ужаса / пер. с англ. Я. Цырлиной, Д. Чулакова. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 174 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. 3-е изд. испр. СПб.: Наука, 2006. 460 с.

Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Изд-во Высш. религ.-филос. шк., 1998. 301 с.

Шнигельберг Г. Феноменологическое движение / пер. с англ. под ред. М. Лебедева. М.: Логос, 2002. 680 с.

References

Caillois, R. (2006). *V glub' fantasticheskogo. Otrazhennyye kamni* [At the heart of the fantastic. Reflected stones]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 279 p.

Heidegger, M. (1998). *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to metaphysics]. St. Petersburg:

St. Petersburg school of religion and philosophy Publ., 301 p.

Heidegger, M. (2006). *Bytie i vremya* [Being and time]. St. Petersburg: Nauka Publ., 460 p.

Husserl, E. (2009). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya: ob-schee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. First book: General introduction to a pure phenomenology]. Moscow: Akademicheskii projekt Publ., 489 p.

Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti: Istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: Historical prolegomena to the fundamental ontology of consciousness]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 736 p.

Lehciev, V.L. (2007). *Fenomenologiya «pere»: vvedenie v ekzistentsial'nyu analitiku perekhodnosti* [Phenomenology of the «trans-»: introduction to existential analytics of transitivity]. Samara: SSAU Publ., 332 p.

Levinas, E. (2000). [Existence and existents]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonечноe* [Levinas E. Selected works. Totality and infinity]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., pp. 7–65.

Marion, J.-L. (2014). [Saturated phenomenon]. *(Post)fenomenologiya: Novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami, sost. S.A. Sholokhova, A.V. Yampolskaya* [S.A. Sholokhova, A.V. Yampolskaya (eds.) (Post)phenomenology: New phenomenology in France and abroad]. Moscow: Akademicheskii projekt Publ., pp. 63–99.

Meillassoux, Q. (2015). *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Yekaterinburg, Moscow: Kabinetnyy uchenyy Publ., 196 p.

Merleau-Ponty, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ., 608 p.

Merleau-Ponty, M. (2006). *Vidimoe i nevidimoe* [The visible and the invisible]. Minsk: I. Logvinov Publ., 400 p.

Molchanov, V.I. (2007). *Issledovaniya po fenomenologii soznaniya* [Investigations of phenomenology of consciousness]. Moscow: Territoriya buduschego Publ., 456 p.

Slovo versus yazyk: Pyatigorsky vs Bibikhin [A word vs a language: Pyatigorsky vs Bibikhin]. *Rigas laiks*. 2019, Fall. Available at: <https://ru.rigaslaiks.art/zhurnal/pyatigorskiy/clovo-versus-yazyk-pyatigorskiy-versus-bibihin-19986> (accessed 10.10.2021).

Spiegelberg, G. (2002). *Fenomenologicheskoe dvizhenie* [The phenomenological movement]. Moscow: Logos Publ., 680 p.

Trigg, D. (2017). *Nechto: fenomenologiya uzhasa* [The thing: A phenomenology of horror]. Perm: Hyle Press, 174 p.

Об авторе

Артюшенко Полина Олеговна
аспирант Уральского гуманитарного института
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: x79221134042@gmail.com
ResearcherID: NAZ-5186-2025

About the author

Polina O. Artyushenko
Postgraduate Student
of the Ural Institute for Humanities
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: x79221134042@gmail.com
ResearcherID: NAZ-5186-2025

УДК 168.5

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-182-195>

EDN: GUHFLJ

Поступила: 08.04.2025

Принята: 10.05.2025

Опубликована: 03.07.2025

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Голубинская Анастасия Валерьевна

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)*

Критическое мышление — одна из активно развивающихся областей практической педагогики, государственной образовательной политики, психологии личности и профессиональной деятельности. Однако исследования критического мышления не образовали систему научных подходов, а существующие решения ограничиваются указанием дисциплин, в рамках которых изучается критическое мышление. Отмечено, что дисциплинарное разделение способствует накоплению концепций, однако не приводит к установлению научной дискуссии, конкуренции теорий, исторической сменяемости идей (то есть — к появлению именно научных подходов). В качестве альтернативы предлагается создание междисциплинарной основы для исследований критического мышления. Цель работы заключается в выявлении противоречий в существующих описаниях исследований критического мышления как междисциплинарной проблемы и поиске варианта их разрешения. В качестве методологии анализа используется понятие подхода В.В. Мацкевича (стратегии и программы в науке, политике или организации жизни и деятельности людей, через которые выражаются парадигматические структуры и механизмы в познании и/или практике) и система исторических типов научной рациональности В.С. Степина (классическая, неклассическая и постнеклассическая). Согласно классическому подходу критическое мышление основывается на объективных, научных стандартах, не зависящих от социокультурного контекста. Неклассическая эпистемология оспаривает универсальность этих стандартов, подчеркивая влияние культурных и индивидуальных факторов. Постнеклассический подход акцентирует внимание на междисциплинарности, плюрализме и адаптивности критического мышления в зависимости от социокультурных и профессиональных контекстов. В рамках этих трех типов научной рациональности становится возможным указать на действительно конкурирующие подходы, неявно присутствующие в исследованиях критического мышления (универсализм, контекстуализм, натурализм, конструктивизм и др.). В результате анализа предложена трехуровневая система междисциплинарных исследований критического мышления, которая позволяет комбинировать философские, психологические, педагогические и другие исследования с целью объединения усилий в рамках исследования критического мышления.

Ключевые слова: критическое мышление, классическая рациональность, неклассическая рациональность, постнеклассическая рациональность, научный подход, междисциплинарные исследования.

Для цитирования:

Голубинская А.В. Критическое мышление как междисциплинарная научная проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 182–195. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-182-195>.
EDN: GUHFLJ

CRITICAL THINKING AS AN INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC PROBLEM

Anastasia V. Golubinskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod)

Critical thinking is one of the rapidly developing fields in practical pedagogy, state educational policy, personality psychology, and professional activities. However, research on critical thinking has not yet formed a system of scientific approaches, while existing solutions are limited to identifying the disciplines in which critical thinking is studied. Disciplinary division contributes to the accumulation of concepts but does not lead to scientific discussion, competition of theories, or historical change of ideas (i.e., to the emergence of scientific approaches). As an alternative, the paper proposes creation of an interdisciplinary foundation for critical thinking research. The study aims to identify contradictions in existing descriptions of critical thinking research as an interdisciplinary problem and to find a way to resolve these contradictions. Methodologically, the analysis is based on V.V. Matskevich's concept of approach (strategies and programs in science, politics, or in the organization of life and activity of people through which paradigm structures and mechanisms in cognition and/or practice are expressed) and the system of historical types of scientific rationality proposed by V.S. Stepin (classical, non-classical, and post-non-classical). According to the classical approach, critical thinking is based on objective scientific standards independent of sociocultural context. Non-classical epistemology challenges the universality of these standards, emphasizing the influence of cultural and individual factors. The post-non-classical approach focuses on interdisciplinarity, pluralism, and the adaptability of critical thinking depending on sociocultural and professional contexts. Within these three types of scientific rationality, it becomes possible to identify truly competing approaches implicitly present in critical thinking research (universalism, contextualism, naturalism, constructivism, and others). As a result of the analysis, a three-level system of interdisciplinary critical thinking research is proposed, which allows for combining philosophical, psychological, pedagogical, and other studies to unite efforts in critical thinking research.

Keywords: critical thinking, classical rationality, non-classical rationality, post-non-classical rationality, scientific approach, interdisciplinary research.

To cite:

Golubinskaya A.V. [Critical thinking as an interdisciplinary scientific problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 182–195 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-182-195>, EDN: GUHFLJ

Введение, или проблема демаркации критического мышления

Критическое мышление, как известно, является одним из ключевых навыков XXI в. и одним из центральных компонентов образовательной концепции современности, выступая одновременно и как прикладной навык, и как культурная компетенция [Гирицкий А.А. и др., 2022]. Это связано с разными факторами — ростом количества информации, повседневно окружающей человека, изменениями в системе обще-

ства и с ценностями педагогики ускоряющегося мира в целом. Несмотря на то, что критическое мышление активно развивается как учебная дисциплина, как научная проблема оно не имеет достаточной дисциплинарной поддержки. Утверждая это, мы имеем в виду, что вопрос о дисциплинарной принадлежности, теоретических основах и методологических программах исследования критического мышления не только не имеет очевидного ответа, но даже ставится довольно редко.

К какой научной дисциплине принадлежат исследования критического мышления? Ответить на этот вопрос довольно трудно, потому что понятие критического мышления (в любой из существующих вариаций) относится к нескольким фундаментальным областям познания. С одной стороны, критическое мышление по определению относится к классу проблем о мышлении. Мышление как таковое является одним из центральных понятий психологии, в рамках которой исследуются закономерности функционирования психических процессов. С точки зрения психологии критическое мышление — это один из когнитивных процессов, а точнее — метакогнитивных процессов, которые направлены на оценку собственного мышления.

С другой стороны, психология может описать только то, как люди мыслят, но в ее задачи не входит установление стандартов того, какое именно мышление полагается правильным и критическим. Это помещает проблему в область философии, а точнее — эпистемологии. Если критический мыслитель — это тот, кто способен отслеживать обоснованность своих убеждений, то каковы критерии обоснованного вывода? Откуда берутся эти критерии и как они сами по себе обоснованы? Как следует определять, какая из причин является веской и достаточной, чтобы считать вывод обоснованным? Эти вопросы являются центральными для эпистемологии.

Затем, стоит оговориться, что было бы ошибкой утверждать, что современный человек в своих рассуждениях руководствуется только научным знанием [Бажанов В.А., 2024]. Исследования критического мышления связаны в равной мере как со стандартами рассуждения, так и с социальными факторами когнитивной культуры людей, что связывает критическое мышление с когнитивной антропологией.

На практике же теоретические и эмпирические исследования в области критического мышления существуют в сфере наук об образовании. Здесь возникает дидактическая и методическая интерпретация проблемы: может ли критическое мышление быть целью обучения в контексте проектирования образовательного процесса (дидактика), какие методы и приемы позволяют оценивать и стимулировать его динамику (методика). Можно назвать парадоксальным тот факт, что научные разработки в области ди-

дактики и методики обучения критическому мышлению «опережают» необходимую теоретическую работу. Еще более необычным является тот факт, что это состояние научной проблемы критического мышления сохраняется уже несколько десятилетий: еще в 1987 г. Дж. Фоллман высказал опасения о том, что концепции о том, как научить студентов мыслить критически, развиваются в отрыве от концепций о том, что такое критическое мышление: «Если консенсус не будет достигнут, то возникнет множество различных определений, и этот поток определений, мер и методов приведет к концептуальному хаосу такого масштаба, что исключит любое систематическое обучение критическому мышлению» [Follman J., 1987, p. 135–136]. В 2025 г. можно сказать, что прогноз Фоллмана в некотором смысле сбылся: попытки систематизировать существующие дисциплинарные подходы к критическому мышлению оставляют больше вопросов, чем ответов, что является одним из основных сюжетов данной статьи. Признавая ценность каждого из них, нельзя не отметить тот факт, что современному состоянию научной проблемы критического мышления самой по себе требуется серьезная критическая диагностика. Достичь эту цель в рамках одной статьи, скорее всего, невозможно, поэтому цель данной работы более скромная — указать на серьезные противоречия в существующих описаниях критического мышления как междисциплинарной проблемы и предложить вариант их разрешения.

Проблема подходов к критическому мышлению в современной отечественной науке

Несмотря на высказанное ранее наблюдение об очевидной принадлежности критического мышления к нескольким фундаментальным областям познания, существующие взгляды на проблему сложно назвать междисциплинарными. Более того, дисциплинарное разграничение выступает основным (если не единственным) способом описания этой области научных исследований. К примеру, Н.А. Калашникова отмечает, что все исследования критического мышления осуществляются в рамках нескольких подходов, среди которых указаны философский, когнитивный, педагогико-психологический и прикладной [Калашникова Н.А., 2013, с. 128]. Из этого опи-

сания следует, что когнитивный и педагогико-психологический подходы являются независимыми как друг от друга (хотя грань между когнитивным и психологическим не является столь строгой), так и от прикладного (хотя и когнитивные, и педагогико-психологические исследования, как правило, являются прикладными).

Э.В. Барбашина указала на 4 подхода к критическому мышлению: философский, психологический, педагогический и медийный [Барбашина Э.В., 2022]. Философский подход выражается в создании образа идеального критического мыслителя, «высоких стандартах, оптимальном способе, наилучшем варианте» критического образа мышления, в доминировании формально-логических операций и правил рассуждения. Особенности психологического подхода «вытекают из более общего понимания человека как существа, у которого интеллектуальные процессы оказывают влияние на его поведение» [Барбашина Э.В., 2022, с. 125]. Педагогический подход занимается «решением вопросов, связанных с определением конкретных методов обучения критическому мышлению и способов проверки результатов» [Барбашина Э.В., 2022, с. 120]. Медийный подход заключается в обращении к критическому мышлению в контексте доминирования работы с информацией: ее сбора, анализа, систематизации и верификации [Барбашина Э.В., 2022, с. 124–126]. Это один из самых развернутых опытов систематизации наук о критическом мышлении, но и в нем можно найти некоторые противоречия. Например, можно ли быть представителем медийного подхода, при этом не являясь представителем какого-то еще из указанных подходов? Скорее всего, нет, поскольку работа медийного характера может представлять собой частный случай педагогического, психологического или философского исследования. Отдельный вопрос касается того, насколько справедлива с научной и исторической точки зрения практика приравнивания философского подхода к критическому мышлению с формальной логикой. Обращаясь к истории науки о критическом мышлении, можно обнаружить, что идея критического мышления как социальной ценности возникает не столько в русле логики, сколько в русле критики ее эффективности в образовании [Informal logic..., 1980; Siegel H., 1988;

Johnson R.H., 2000; Ennis R., 2011]. Критическое мышление в современном понимании имеет гораздо больше общего именно с неформальной логикой. Помимо этого, в рамках философии кажется возможным говорить отдельно о логическом, этическом, социально-философском, эпистемологическом подходе к критическому мышлению, — т.е. «стандарты, оптимальные способы, наилучшие варианты» критического мышления безусловно относятся к философии, но имеют не только логическое выражение.

К.В. Тарасова и Е.А. Орел выделяют философский, педагогический и психологический подходы. Представители первого «сходятся во мнении, что о наличии критического мышления можно судить по способности человека принять рациональное, осознанное решение о том, что делать или чему верить» [Тарасова К.В., Орел Е.А., 2022, с. 191]. Основные качества критического мышления в рамках философского подхода — это обоснованность суждений, целенаправленность мыслительных процессов, рефлексия субъекта и следование правилам формальной логики. Педагогический подход авторы проиллюстрировали через концепции последовательности развития критического мышления на разных этапах обучения, а суть психологического подхода определили «в изучении протекания мыслительных процессов и поведения критически мыслящего субъекта в действительности, а не в идеальных условиях» [Тарасова К.В., Орел Е.А., 2022, с. 193]. В статье авторы обращаются к идеям многих авторов, которых можно назвать классиками исследований критического мышления, но при этом поместить их в предложенную систему оказывается затруднительно. К примеру, является ли Дьюи представителем психологического подхода, потому что разработал концепцию этапов рефлексивного мышления? Не следует ли его как одного из авторов прагматической теории обоснования истины и участника знаменитых дебатов о природе знания с Б. Расселом также отнести к философскому подходу? Авторы отмечают, что идеи Дьюи «легли в основу разработок таксономий учебных целей, включающих критическое мышление и его отдельные компоненты» [Тарасова К.В., Орел Е.А., 2022, с. 192], что делает его также и представителем педагогического подхода. Справедливо отме-

чено, что для достижения лучших результатов кажется верным сочетать философский и психологический подходы. Эту мысль, на наш взгляд, можно высказать даже более смелым образом: не сочетать эти подходы невозможно, поскольку изучение того, как развивать критическое мышление, требует хоть какого-нибудь ответа на вопрос о том, каким образом квалифицировать мышление как критичное. Если это так, то можно предложить еще один (весьма провокационный) вопрос: являются ли обсуждаемые в современной литературе подходы к критическому мышлению действительно *подходами* в научно-методологическом смысле?

Подход — это термин, которым обозначают способ изучать какое-то одно определенное явление. В.В. Мацкевич описывает научный подход как «комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в познании и/или практике, характеризующий конкурирующие между собой (или исторически сменяющие друг друга) стратегии и программы в философии, науке, политике или в организации жизни и деятельности людей» [Мацкевич В.В., 1998, с. 526]. Однако даже краткий обзор подходов к критическому мышлению показывает, что они не являются ни конкурирующими, ни исторически сменяющимися друг друга. Педагогическое выявление конкретных методов обучения критическому мышлению и философское определение стандартов не просто не конкурируют, а взаимно зависят друг от друга, и в отрыве друг от друга теряют собственную значимость: в одном случае определяется предмет измерения, в другом — метод. Точно так же, как медицинские науки включают в себя, например, анатомию и флебологию, а не анатомический и флебологический подход к здоровью, исследования критического мышления включают в себя разные дисциплины, которые не конкурируют и не сменяют друг друга по той причине, что обращены к разным элементам системы.

Что в таком случае является «подходом» в исследованиях критического мышления? На наш взгляд, критическое мышление — это относительная категория, содержание которой устанавливается в зависимости от доминирующего типа рациональности. В.С. Степин указал на три типа такой рациональности [Степин В.С., 2009], каждый из которых отражается

в том, как концептуализируется научная проблема: классический, неклассический и постнеклассический. Если применить эту концепцию к исследованиям критического мышления, становится заметно, что в этой области сосуществуют конкурирующие стратегии и исследовательские программы, которые не являются результатом демаркации наук.

Критическое мышление в рамках классической научной рациональности

С позиций классической научной рациональности единственно верным способом рассуждать о проблеме является тот, который построен на принципиальном недоверии к традиции и всему тому, что навязывается индивиду внешним окружением. Критицизм и скептицизм дополняются фундаментализмом (идеей о наличии неких неизменных норм, которые позволяют определить и обосновать знание), нормативизмом (выявление таких знаний, соответствие которым может служить нормой) и наукоцентризмом (установка на то, что только научное знание является истинным в строгом смысле этого слова). Принцип классической гносеологии формулируется следующим образом: «Все то, что претендует на знание, но в действительности не покоится на этом фундаменте, должно быть отвергнуто» [Лекторский В.А., 2001, с. 105]. В совокупности характеристики классической эпистемологии указывают на весьма конкретные философские идеалы, а именно на знание, очищенное от всех ошибок, предрассудков, субъективных интерпретаций и заблуждений, и сохраняющее свою истинность в любом контексте.

Эта установка соответствует большинству концепций о критическом мышлении, которые ориентированы на описание конечного набора навыков (склонностей, способностей, черт характера) критического мыслителя. Таковой является модель Р. Энниса, включающая склонности оценивать достоверность источников, определять выводы, причины и допущения; оценивать качество аргумента, включая приемлемость его причин, предположений и доказательств и так далее [Ennis R., 1991]. К этой же области относятся психолого-педагогические модели критического мышления Д. Халперн [Halpern D.F., 1998; Halpern D.F., Sternberg R.J., 2020], М. Липмана [Lipman M., 2003], фило-

софско-психологическая модель Ричарда Пола и Линды Элдер [Paul R., Elder L., 2008], дельфийская модель [Facione P.A., 1990], модель Р. Барнетта [Barnett R., 2015], Д. Хитчкока [Hitchcock D., 2018], а также педагогическая модель, представленная в 2020 г. Австралийским советом по исследованиям образования [Heard J. et al., 2020]. Все эти модели исходят из идентичных предпосылок.

Первая предпосылка заключается в том, что существует набор универсальных стандартов для рассуждения, которые идентичны как для экспертов, так и для неэкспертных мыслителей. Модели критического мышления отражают принципы научного познания и устанавливают примат науки над какими-либо другими формами знания. Например, каждая из упомянутых моделей содержит в себе способность оценивать утверждения и проверять гипотезы таким способом, каким это делается в науке (т.е. по образцу, который безоговорочно принят как правильный).

Вторая предпосылка подразумевает, что существует способ превращения имеющихся стандартов рассуждения в привычки, которыми каждый человек может руководствоваться в повседневной жизни. Это означает, что навыки критического мышления развиваются независимо от предметных знаний и представляют собой отдельную категорию интеллектуальной деятельности человека.

Следовательно, общий вопрос, следующий из этих двух посылок и характеризующий классический взгляд на критическое мышление, направлен на то, какими средствами и процедурами можно привить и укрепить экспертные методы работы с информацией в неэкспертной познавательной деятельности. Этот вопрос может быть рассмотрен с позиций классической эпистемологии (экспертные методы познания), когнитивной психологии (обработка информации), педагогики (средства обучения и закрепления навыков) и других областей.

Неклассический взгляд на проблему критического мышления

По утверждению В.А. Лекторского, неклассическая эпистемология скорректировала классическую по части того, что «познание не может начинаться с нуля» [Лекторский В.А., 2001, с. 109], — т.е. она ставит под сомнение само су-

ществование универсальных методов познания, которые очищены от какого-либо влияния социального и когнитивного контекста. Если человек вписан в определенную культуру и традицию, в специфику профессиональной деятельности, в закономерности работы когнитивных механизмов, то «начать с нуля» нельзя. «Очищение» познания от индивидуальных и культурных эффектов выступает не как условие критического мышления, а как отделение человека от своего культурного и социального микрокосма, от ценностей, сформировавших его мышление.

Следуя аналогичным установкам, Дж. Макпек утверждал, что не существует универсального критического мышления, а многочисленные списки навыков лишь создают иллюзию системности того, что невозможно ни обосновать, ни проверить. Макпек придерживался другого (на наш взгляд, как раз неклассического) взгляда, утверждая, что нет оснований считать тот или иной навык критического мышления универсальным, поскольку решение, являющееся критическим по отношению к одной задаче, не обязательно сохранит будет таким же по отношению к другой. С этой точки зрения, обучать критическому мышлению «целиком» невозможно, потому что не существует обобщенного навыка, который называется критическим мышлением. Точно так же, как не существует мышления вообще, а существует только мышление о чем-то, критичность привязана к конкретным предметам и видам деятельности [McPeck J.E., 1981, 1990].

Другой пример неклассического взгляда на критическое мышление можно найти в исследованиях Х. Сигеля. Поскольку само понятие критического мышления является оценочным и нормативным, то правильное, «хорошее» мышление не может существовать в природе независимо от культуры. Таким образом, назвать человека критически мыслящим означает сказать, что его способ мышления соответствует существующим в конкретный момент истории стандартам или критериям познания [Bailin S., Siegel H., 2003]. Эти стандарты меняются во времени, и нет оснований полагать, что современные нормы не будут пересмотрены следующими поколениями (в философии этот принцип известен под названием дилеммы теоретика [Firt E. et al., 2021]). «Должный образ» рассуждений всегда зависит от ситуации как гло-

бально (эпоха, культура), так и локально (текущие обстоятельства). Более того, поскольку одна из задач обучения критическому мышлению — это формирование коллективных взглядов и интеллектуальных обязательств людей [Siegel H., 1980], оно не бывает лишено политического содержания.

Неклассический взгляд на критическое мышление подразумевает, что там, где классическая научная рациональность не является доминирующей, не являются доминирующими и классические модели критического мышления. Это действительно так. К примеру, Р. Сокбесон, исследуя современную когнитивную культуру индейских сообществ северо-восточной территории США, оставляет такие пояснения: «Развитие критического мышления у детей вабанаки ведет к пониманию ценностей истории и восприятию истории о сотворении мира не как мифа или легенды, а как объяснения нашего происхождения» [Sockbeson R., 2017, p. 15]. Никаких отсылок к наукоподобному способу проверки гипотез в таких определениях нет. Для культур, построенных на традиционных эпистемологических идеалах, критическое мышление становится способом противостоять «насиловственному подавлению определенных способов познания или обоснования знаний», а именно — той самой рациональности, которая в классической модели выступает безоговорочным образцом [Christie M., Asmar C., 2021; Correa Muñoz M.E., Saldarriaga Grisales D.C., 2014; Steger M.B., 2016]. Методы критического мышления, ранее позиционировавшиеся как универсальные, здесь становятся только одной из множества частных, продвигаемых в связи с интересами общественных движений и политическими проектами [Steger M.B., 2016, p. 32]. С этих же позиций Дж. МакГирк приходит к выводу, что «мыслить критически — это не долг перед самим собой, а долг перед теми другими, кто исключен доминирующими нарративами и репрезентациями реальности, которые ложно претендуют на универсальный нормативный статус» [McGuirk J., 2021, p. 610].

Такие интерпретации критического мышления встречаются в странах, где особо заметны дискуссии о противостоянии локальных и глобальных культур, — Канады [An indigenous knowledge..., 2020], Австралии [Chirgwin S.K., Huijser H., 2015], США [Inoue Y., 2005], стра-

нах южной Азии [Nyeu M.T., 2020] и Латинской Америки [García Franco A. et al., 2022]. Учитывая мультикультурность населения России, вполне вероятно, что в ближайшем будущем эти вопросы встанут и в отечественной науке. Пока что подобных примеров в российской академической среде нам не удалось обнаружить, хотя, следует отметить, что некоторые исследователи все же поднимают близкие к этому вопросы. Например, И.Н. Петракова отмечает, что идеалы критического мышления не соответствуют текущим представлениям о состоянии науки. Если дать адекватную оценку обоснованности тех или иных интерпретаций научных фактов не сможет даже эксперт из смежной области, странно ждать этого от тех, кто вообще не занимается наукой [Петракова И.Н., 2021, с. 193].

Неклассический взгляд на критическое мышление также объединен общими предпосылками. Во-первых, что содержание критического мышления определяется контекстом познавательной ситуации (следовательно, универсальных навыков критического мышления принципиально не может быть). Во-вторых, что критическое мышление в большей степени относится к области текущих ценностей конкретного общества, возникающих на разных уровнях социального взаимодействия. Несмотря на то, что неклассические предпосылки кардинально меняют видение проблемы, основной исследовательский вопрос можно оставить без существенных изменений: какими средствами и процедурами можно привить и укрепить критическое мышление в неэкспертных практиках рассуждениях — в том виде, в каком оно соответствует данному сообществу? Спектр наук заметно расширяется: к философии, психологии и педагогике добавляются социология, политология, антропология.

Постнеклассический взгляд на критическое мышление

В оригинальном изложении концепции постнеклассической рациональности В.С. Степина ключевыми отличиями постнеклассики были описание объекта исследования как сложной самоорганизующейся системы, представления об окружающей среде как акторе, интеграция элементов морального анализа в систему оценки научного знания, междисциплинарность как

следствие сложной системной природы объекта исследования [Степин В.С., 2013]. С.А. Лебедев дополняет это уточнением, что в ядре постнеклассической рациональности содержится принцип плюрализма [Лебедев С.А., 2019, с. 18]. Утверждение, что постнеклассика отличается междисциплинарным взаимодействием, в котором ведущая роль принадлежит философии, разделяет И.Т. Касавин [Касавин И.Т., 2013, с. 490]. С.И. Платонова отмечает, что синтез оппозиций и интеграция разных уровней анализа, которые представляют собой основной ориентир постнеклассики, проявляются в росте эмпирических исследований существующей научной практики [Платонова С.И., 2012]. Несмотря на то, что потребность в термине «постнеклассика» остается предметом спора [Никифоров А.Л., 2013; Печенкин А.А., 2020], эти описания точно воспроизводят представленное в данной статье рассуждение. Разделение философских, психологических, педагогических, антропологических и прочих практик исследования критического мышления становится слишком условным и возникает в пределах методологии, но не в отношении объекта исследований.

Создание междисциплинарных форм научного знания в целом является одной из характерных для науки XXI в. практик. В англоязычной академической литературе можно часто встретить названия областей науки, помеченных как «х-исследования», где под х подставляется предмет: *memory studies*, *trauma studies*, *media studies*, *internet studies* и многое другое. Дисциплинарная принадлежность таких областей довольно расплывчата, к примеру, *science studies* — исследования науки — объединяют социологов, историков, экономистов, политологов, философов и антропологов [Аршинов В.И., 2010, с. 89], и вопрос об иерархии в данном случае не ставится. Изложенные выше наблюдения позволяют предположить, что современные исследования критического мышления представляют собой аналогичную систему.

В представленных выше направлениях, формирующих предпосылки для междисциплинарных исследований критического мышления, прослеживается несколько уровней: дескриптивный, нормативный и методологический. Дескриптивный уровень предполагает поиск ответа на вопрос о том, что представляет собой критическое мышление. Целью таких ис-

следований является описание природы критического мышления, в том числе его функций, вариаций, закономерностей его развития, отношений с внешними и внутренними факторами. На нормативном уровне фундаментальный вопрос о том, как возможно критическое мышление, решается методом моделирования: как оно возможно в целом, безотносительно наблюдаемых в конкретных людях проявлений? Иными словами, какое из толкований критического мышления представляет наибольшую ценность в текущих реалиях? Эта проблематика, в частности, была отмечена у К.В. Тарасовой и Е.А. Орел, хотя мы предлагаем не связывать данные исследования исключительно с философскими дисциплинами. Например, стандарты образования, в которых отмечается критическое мышление, являются нормативными, но не имеют отношения к философским интерпретациям проблемы.

Если на дескриптивном уровне решается проблема о том, что такое критическое мышление, а на нормативном — каким оно должно быть, то остается методологическая область, в которой поднимается вопрос о способах приведения первого ко второму. Практически все дебаты, развернувшиеся в современной педагогике, можно отнести к исследованиям методологического уровня, к примеру, о том, переносятся ли навыки критического мышления на новые задачи автоматически или требуют предварительной практики [Dumitru D., 2012; Arum R., Roksa J., 2011], и должны ли знания о критическом мышлении предшествовать практике его применения [Поздняков М.В., 2023; Arisoy B., Aybek B., 2021].

Наконец, на каждом из этих уровней становится возможным указать на конкурирующие подходы. Например, на дескриптивном уровне конкуренцию создают натуралистические и конструктивистские толкования критического мышления. С точки зрения натурализма, все процессы, которые мы связываем с критическим мышлением, являются частью естественного развития человека: способности оперировать знаковыми системами, создавать ментальные модели и схемы и т.д. Это означает, что описание критического мышления может быть ограничено описанием внутренних ментальных процессов (например, выполнением логических процедур). В рамках такого подхода становятся

важны исследования критического мышления как автономного процесса (например, влияние медитации на критичность рассуждений [Noone C. et al., 2016]). Конструктивизм, напротив, утверждает, что критическое мышление — это результат культурного творчества, а не проявление естественного процесса, оно зависит от информационной среды или, к примеру, политического ландшафта конкретной ситуации рассуждения. На нормативном уровне конкурирующими подходами являются универсализм (нормы критического мышления универсальны для всех ситуаций) и контекстуализм (нормы критического мышления являются контекстно-зависимыми). Подходы методологического уровня отражают проблемные области техники обучения критическому мышлению (к примеру, о том, является ли обучение критическому мышлению более эффективным в виде специализированных курсов или в рамках предметных дисциплин [Поздняков М.В., 2023]).

Таким образом, конкурентность подходов обеспечивается их взаимной несовместимостью: на вопрос «Можно ли составить конечный список навыков критического мышления?» универсализм предполагает положительный ответ, а контекстуализм — отрицательный. Дело здесь не столько в научной номенклатуре, сколько в логических следствиях каждого из подхода: только в первом возможны стандартизированная оценка, масштабирование образовательных программ и учебных курсов, и только во втором — нестандартные решения задач, адаптивность в условиях неопределенности и связанность критического мышления с предметным содержанием профессиональной деятельности. С позиций универсализма критическое мышление нечувствительно ни к социокультурным, ни к дисциплинарным различиям, следовательно, является универсальным языком обсуждения проблем. С позиций контекстуализма критическое мышление «привязано» к нюансам профессиональной культуры, открыто к смене точки зрения, к осознанию ограничения своих аргументов и возможности альтернативных позиций. В конце концов, существование критического мышления как общеобразовательной учебной дисциплины оправдано только с позиций универсализма, в то время как контекстуализм делает невозможным совместное освоение навыков критического мышления студентами разных специальностей.

Заключение

Обсуждение демаркации исследований критического мышления и возможности преобразования этой области в организованную междисциплинарную проблему имеют значимость не только в виде частного случая философских исследований современной науки. Как было отмечено Фоллманом, существует некоторая закономерность в том, как неорганизованность исследовательской работы стимулирует появление новых концепций, методов и мер, которые парадоксальным образом не способствуют науке, а отдаляют нас от исходной цели (системного понимания проблемы). На наш взгляд, это также связано с отсутствием внутренней научной коммуникации в области: научный спор — это способ развития знания, без которого концептуальные идеи, как удачные, так и не очень, остаются идеями одного автора, но научный спор невозможен там, где нет противоречий.

Судя по всему, критическое мышление с самого начала было междисциплинарной проблемой, в связи с чем дисциплинарные подходы (философский, психологический, педагогический и проч.) не сменяют друг друга исторически и не конкурируют между собой в настоящем. Предложенная в статье точка зрения на три подхода к критическому мышлению, выведенная по образцу исторических типов научной рациональности В.С. Степина, делает спорные вопросы более заметными: является ли критическое мышление универсальным или контекстным, глобальным или локальным, автономным или предметно-зависимым. По сравнению с существующими решениями, предложенная точка зрения имеет два отличия. Во-первых, выбор подхода не требует от исследователя выстраивать иерархию между философскими, психологическими, антропологическими или какими-либо еще знаниями по проблеме, а позволяет комбинировать их как равноценные. Во-вторых, вместо указания на дисциплинарные границы проблемы, она выдвигает на передний план те области исследований, которые являются неоднозначными, следовательно, заслуживающими отдельных дискуссий.

Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-

00809 «Critical thinking studies: фундаментальное исследование критического мышления как междисциплинарной проблемы»).

Acknowledgements

The work was funded with a grant from the Russian Science Foundation (project no. 24-28-00809 «Critical thinking studies: fundamental research on critical thinking as an interdisciplinary problem»).

Список литературы

Аришинов В.И. Междисциплинарность как проблема рефлексии современной нано-техно-научной практики // Междисциплинарность в науках и философии: колл. моногр. / отв. ред. И.Т. Касавин. М.: Ин-т философии РАН, 2010. С. 76–92.

Бажанов В.А. Как возможны псевдонауки? Еще раз о вечнозеленой философской проблеме // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202461218>

Барбашина Э.В. Критическое мышление в системе высшего образования за рубежом // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 4, ч. 1. С. 120–136. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-120-136>

Гуринский А.А., Лепетюхина А.О., Пащенко Т.В. Критическое мышление: от гумбольдтовской модели до ФГОС // Образовательная политика. 2022. № 1(89). С. 42–52. DOI: <https://doi.org/10.22394/2078-838x-2022-1-42-52>

Калашиникова Н.А. Критическое мышление как когнитивная основа формирования социальной идентичности в условиях межкультурного диалога // Власть. 2013. № 11. С. 127–129.

Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 560 с.

Лебедев С.А. Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-2-8-21>

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Мацкевич В.В. Подход // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. М.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 526–527.

Никифоров А.Л. Что такое «постнеклассическая наука»? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36, № 2. С. 59–64.

Петракова И.Н. К вопросу о самодостаточности критического мышления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2. С. 188–197. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-2-188-197>

Печенкин А.А. Критика понятия «постнеклассическая наука» // Наука как общественное благо: сб. науч. ст. Второго Междунар. Конгресса РОИФН (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2020 г.): в 7 т. М.: Изд-во РОИФН, 2020. Т. 1. С. 43–45.

Платонова С.И. Постнеклассическая эпистемология: основные особенности и перспективы развития // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 1. С. 71–80.

Поздняков М.В. Критическое мышление: его сущность и присутствие в образовательных программах российских вузов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 68–75.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: колл. моногр. / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295.

Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.

Тарасова К.В., Орел Е.А. Измерение критического мышления студентов в открытой онлайн-среде: методология, концептуальная рамка и типология заданий // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 187–212. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-187-212>

An indigenous knowledge mobilization packsack: Utilizing indigenous learning outcomes to promote and assess critical thinking and global citizenship / Negahneewin Research Centre. Toronto: Higher Education Quality Council of Ontario, 2020. 25 p.

Arisoy B., Aybek B. The effects of subject-based critical thinking education in mathematics on students' critical thinking skills and virtues // Eurasian Journal of Educational Research. 2021. Vol. 92. P. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.14689/ejer.2021.92.6>

Arum R., Roksa J. Limited learning on college campuses // Society. 2011. Vol. 48, iss. 3. P. 203–207. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12115-011-9417-8>

Bailin Sh., Siegel H. Critical thinking // The Blackwell guide to the philosophy of education / ed. by N. Blake et al. Malden, MA: Blackwell, 2003. P. 181–193. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470996294.ch11>

Barnett R. A curriculum for critical being // The Palgrave handbook of critical thinking in higher education / ed. by M. Davies, R. Barnett. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 63–76. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137378057_4

Chirgwin Sh.K., Huijser H. Cultural variance, critical thinking, and indigenous knowledges: Exploring a both-ways approach // The Palgrave handbook of critical thinking in higher education / ed. by M. Davies, R. Barnett. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 335–350. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137378057_21

Christie M., Asmar Ch. Indigenous knowers and knowledge in university teaching // University teaching in focus / ed. by L. Hunt, D. Chalmers. N.Y.: Routledge, 2021. P. 260–284. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003008330-15>

Correa Muñoz M.E., Saldarriaga Grisales D.C. El epistemicidio indígena latinoamericano. algunas reflexiones desde el pensamiento crítico decolonial // Revista CES Derecho. 2014. Vol. 5, no. 2. P. 154–164.

Dumitru D. Critical thinking and integrated programs. The problem of transferability // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 33. P. 143–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.01.100>

Ennis R. Critical thinking: a streamlined conception // Teaching Philosophy. 1991. Vol. 14, iss. 1. P. 5–24. DOI: <https://doi.org/10.5840/teachphil19911412>

Ennis R. Critical thinking: reflection and perspective (Part I) // Inquiry: Critical Thinking Across the Disciplines. 2011. Vol. 26, iss. 1. P. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.5840/inquiryctnews20112613>

Facione P.A. Critical thinking: A statement of expert consensus for purposes of educational assessment and instruction (The Delphi report). Millbrae, CA: The California Academic Press, 1990. 19 p.

Firt E., Hemmo M., Shenker O. Hempel's Dilemma: Not only for physicalism // International Studies in the Philosophy of Science. 2021. Vol. 34, iss. 2. P. 101–129. DOI: <https://doi.org/10.1080/02698595.2022.2041969>

Follman J. Teaching of critical thinking / Thinking–Promises! Promises! // Informal Logic. 1987. Vol. 9, no. 2. P. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v9i2.2669>

García Franco A., Ferrara Reyes L., Gómez Galindo A.A. Culturally relevant science education and critical thinking in indigenous people: bridging the gap between community and school science // Critical thinking in biology and environmental education: Facing challenges in a post-truth world / ed. by B. Puig, M.P. Jiménez-Aleixandre. Cham, CH:

Springer, 2022. P. 55–72. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92006-7_4

Halpern D.F. Teaching critical thinking for transfer across domains: Disposition, skills, structure training, and metacognitive monitoring // American Psychologist. 1998. Vol. 53, iss. 4. P. 449–455. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.53.4.449>

Halpern D.F., Sternberg R.J. An introduction to critical thinking: Maybe it will change your life // Critical thinking in psychology / ed. by R.J. Sternberg, D.F. Halpern. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2020. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108684354.002>

Heard J., Scoular C., Duckworth D., Ramalingam D., Teo I. Critical thinking: Definition and structure / Australian council for educational research. 2020. 9 p. URL: https://research.acer.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=ar_misc (accessed: 25.02.2025).

Hitchcock D. Critical Thinking // The Stanford encyclopedia of philosophy / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/critical-thinking> (accessed: 25.02.2025).

Inoue Y. Critical thinking and diversity experiences: a connection / American educational research association. 2005. 13 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED490360.pdf> (accessed: 25.02.2025).

Informal logic: the first international symposium / ed. by J.A. Blair, R.H. Johnson. Inverness, CA: Edgepress, 1980. 172 p.

Johnson R.H. Manifest rationality: A pragmatic theory of argument. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. 406 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781410606174>

Lipman M. Thinking in education. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. 318 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511840272>

McGuirk J. Embedded rationality and the contextualisation of critical thinking // Journal of Philosophy of Education. 2021. Vol. 55, iss. 4–5. P. 606–620. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12563>

McPeck J.E. Critical thinking and education. N.Y.: St. Martin's Press, 1981. 170 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315463698>

McPeck J.E. Critical thinking and subject specificity: A reply to Ennis // Educational Researcher. 1990. Vol. 19, no. 4. P. 10–12. DOI: <https://doi.org/10.3102/0013189x019004010>

Noone Ch., Bunting B., Hogan M.J. Does mindfulness enhance critical thinking? Evidence for the mediating effects of executive functioning in the relationship between mindfulness and critical thinking //

Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 6. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2015.02043/pdf> (accessed: 25.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.02043>

Nyeu M.T. From indigenous elders' stories to a critical thinking curriculum: a discussion-based literacy intervention using indigenous students' cultural narratives: doctoral dissertation / Harvard Graduate School of Education. Harvard, 2020. 216 p.

Paul R., Elder L. The thinker's guide to intellectual standards: The words that name them and the criteria that define them. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2008. 74 p.

Siegel H. Critical thinking as an educational ideal // The Educational Forum. 1980. Vol. 45, no. 1. P. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131728009336046>

Siegel H. Educating reason: rationality, critical thinking, and education. N.Y.: Routledge, 1988. 192 p.

Sockbeson R. Indigenous research methodology: Gluskabe's encounters with epistemicide // Postcolonial Directions in Education. 2017. Vol. 6, iss. 1. P. 1–27.

Steger M.B. Reflections on «critical thinking» in global studies // ProtoSociology. 2016. Vol. 33. P. 19–40. DOI: <https://doi.org/10.5840/protosociology2016332>

References

Arisoy, B. and Aybek, B. (2021). The effects of subject-based critical thinking education in mathematics on students' critical thinking skills and virtues. *Eurasian Journal of Educational Research*. Vol. 92, pp. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.14689/ejer.2021.92.6>

Arshinov, V.I. (2010). [Interdisciplinarity as a problem of reflection of modern nano-techno-scientific practice]. *Mezhdistsiplinarnost' v naukakh i filosofii, otv. red. I.T. Kasavin* [I.T. Kasavin (ed.) Interdisciplinarity in sciences and philosophy]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 76–92.

Arum, R. and Roksa, J. (2011). Limited learning on college campuses. *Society*. Vol. 48, iss. 3, pp. 203–207. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12115-011-9417-8>

Bailin, Sh. and Siegel, H. (2003). Critical thinking. N. Blake et al. (eds.) *The Blackwell guide to the philosophy of education*. Malden, MA: Blackwell Publ., pp. 181–193. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470996294.ch11>

Barbashina, E.V. (2022). [Critical thinking system of higher education abroad]. *Idei i idealy* [Ideas and

Ideals]. Vol. 14, no. 4, part 1, pp. 120–136. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-120-136>

Barnett, R. (2015). A curriculum for critical being. M. Davies, R. Barnett (eds.) *The Palgrave handbook of critical thinking in higher education*. New York: Palgrave Macmillan Publ., pp. 63–76. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137378057_4

Bazhanov, V.A. (2024). [How are pseudosciences possible? Once again about the evergreen philosophical problem]. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 61, no. 2, pp. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202461218>

Blair, J.A. and Johnson, R.H. (eds.) (1980). *Informal logic: The first international symposium*. Inverness: Edgepress Publ., 172 p.

Chirgwin, Sh.K. and Huijser, H. (2015). Cultural variance, critical thinking, and indigenous knowledge: Exploring a both-ways approach. M. Davies, R. Barnett (eds.) *The Palgrave handbook of critical thinking in higher education*. New York: Palgrave Macmillan Publ., pp. 335–350. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137378057_21

Christie, M. and Asmar, Ch. (2021). Indigenous knowers and knowledge in university teaching. L. Hunt, D. Chalmers (eds.) *University teaching in focus*. New York: Routledge Publ., pp. 260–284. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003008330-15>

Correa Muñoz, M.E. and Saldarriaga Grisales, D.C. (2014). [The Latin American Indian epistemicide: Some thoughts from decolonial critical thinking]. *Revista CES Derecho*. Vol. 5, no. 2, pp. 154–164.

Dumitru, D. (2012). Critical thinking and integrated programs. The problem of transferability. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 33, pp. 143–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.01.100>

Ennis, R. (1991). Critical thinking: A streamlined conception. *Teaching Philosophy*. Vol. 14, iss. 1, pp. 5–24. DOI: <https://doi.org/10.5840/teachphil19911412>

Ennis, R. (2011). Critical thinking: reflection and perspective (Part I). *Inquiry: Critical Thinking Across the Disciplines*. Vol. 26, iss. 1, pp. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.5840/inquiryctnews20112613>

Facione, P.A. (1990). *Critical thinking: A statement of expert consensus for purposes of educational assessment and instruction (The Delphi report)*. Millbrae, CA: The California Academic Press, 19 p.

Firt, E., Hemmo, M. and Shenker, O. (2021). Hempel's dilemma: Not only for physicalism. *International Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 34, iss. 2, pp. 101–129. DOI: <https://doi.org/10.1080/02698595.2022.2041969>

- Follman, J. (1987). Teaching of critical thinking / Thinking—Promises! Promises! *Informal Logic*. Vol. 9, no. 2, pp. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v9i2.2669>
- García Franco, A., Ferrara Reyes, L. and Gómez Galindo, A.A. (2022). Culturally relevant science education and critical thinking in indigenous people: Bridging the gap between community and school science. *B. Puig, M.P. Jiménez-Aleixandre (eds.) Critical thinking in biology and environmental education: Facing challenges in a post-truth world*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 55–72. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92006-7_4
- Girinskiy, A.A., Lepetyukhina, A.O. and Paschenko, T.V. (2022). [Critical thinking: from the Humboldt model to the FGOS]. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy]. No. 1(89), pp. 42–52. DOI: <https://doi.org/10.22394/2078-838x-2022-1-42-52>
- Halpern, D.F. (1998). Teaching critical thinking for transfer across domains: Disposition, skills, structure training, and metacognitive monitoring. *American Psychologist*. Vol. 53, iss. 4, pp. 449–455. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.53.4.449>
- Halpern, D.F. and Sternberg, R.J. (2020). An introduction to critical thinking: Maybe it will change your life. *R.J. Sternberg, D.F. Halpern (eds.) Critical thinking in psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 1–9. <https://doi.org/10.1017/9781108684354.002>
- Heard, J., Scoular, C., Duckworth, D., Ramalingam, D. and Teo, I. (2020). *Critical thinking: Definition and structure*. Australian council for educational research. 9 p. Available at: https://research.acer.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=ar_misc (accessed 25.02.2025).
- Hitchcock, D. (2018). Critical thinking. *E.N. Zalta, U. Nodelman (eds.) The Stanford encyclopedia of philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/critical-thinking> (accessed 25.02.2025).
- Inoue, Y. (2005). *Critical thinking and diversity experiences: a connection*. American educational research association. 13 p. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED490360.pdf> (accessed 25.02.2025).
- Johnson, R.H. (2000). *Manifest rationality: A pragmatic theory of argument*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publ., 406 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781410606174>
- Kalashnikova, N.A. (2013). [Critical thinking as a cognitive basis for the formation of social identity in the context of intercultural dialogue]. *Vlast'* [The Authority]. No. 11, pp. 127–129.
- Kasavin, I.T. (2013). *Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nyye i prikladnyye problemy* [Social epistemology. Fundamental and applied problems]. Moscow: Alfa-M Publ., 560 p.
- Lebedev, S.A. (2019). [Three epistemological paradigms: classical, non-classical, and post-nonclassical]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy]. No. 2, pp. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-2-8-21>
- Lektorsky, V.A. (2001). *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Classical and non-classical epistemology]. Moscow: Editorial URSS Publ., 256 p.
- Lipman, M. (2003). *Thinking in education*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 318 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511840272>
- Matskevich, V.V. (1998). [Approach]. *Noveyshiyy filosofskiy slovar', pod red. A.A. Gritsanova* [A.A. Gritsanov (ed.) The latest philosophical dictionary]. Moscow: V.M. Skakun Publ., pp. 526–527.
- McGuirk, J. (2021). Embedded rationality and the contextualisation of critical thinking. *Journal of Philosophy of Education*. Vol. 55, iss. 4–5, pp. 606–620. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12563>
- McPeck, J.E. (1981). *Critical thinking and education*. New York: St. Martin's Press, 170 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315463698>
- McPeck, J.E. (1990). Critical thinking and subject specificity: A reply to Ennis. *Educational Researcher*. Vol. 19, no. 4, pp. 10–12. DOI: <https://doi.org/10.3102/0013189x019004010>
- Negahneewin Research Centre (2020). *An indigenous knowledge mobilization pack: Utilizing indigenous learning outcomes to promote and assess critical thinking and global citizenship*. Toronto: Higher Education Quality Council of Ontario Publ., 25 p.
- Nikiforov, A.L. (2013). [What is «post-nonclassical science»?]. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 36, no. 2, pp. 59–64.
- Noone, Ch., Bunting, B. and Hogan, M.J. (2016). Does mindfulness enhance critical thinking? Evidence for the mediating effects of executive functioning in the relationship between mindfulness and critical thinking. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2015.02043/pdf> (accessed 25.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.02043>
- Nyeu, M.T. (2020). *From indigenous elders' stories to a critical thinking curriculum: a discussion-*

based literacy intervention using indigenous students' cultural narratives: doctoral dissertation. Harvard, Harvard Graduate School of Education, 216 p.

Paul, R. and Elder, L. (2008). *The thinker's guide to intellectual standards: the words that name them and the criteria that define them.* Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publ., 74 p.

Pechenkin, A.A. (2020). [Criticism of the conception of post nonclassical science]. *Nauka kak obshchestvennoe blago: sbornik nauchnykh statey Vtorogo Mezhdunarodnogo Kongressa ROIFN (Sankt-Peterburg, 27–29 noyabrya 2020 g.): v 7 t.* [Science as a public good: collection of scientific articles of the Second International Congress of RSHPS (St. Petersburg, November 27–29, 2020): in 7 vols]. M.: RSHPS Publ., vol. 1, pp. 43–45.

Petrakova, I.N. (2021). [To the question of self-sufficiency critical thinking]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Film Humanities]. Iss. 2, pp. 188–197. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-2-188-197>

Platonova, S.I. (2012). [Post-nonclassical epistemology: key features and development prospects]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 2, no. 1, pp. 71–80.

Pozdnyakov, M.V. (2023). [Critical thinking: its essence and presence in the educational programs of Russian universities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 492, pp. 68–75.

Siegel, H. (1980). Critical thinking as an educational ideal. *The Educational Forum*. Vol. 45, no. 1, pp. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131728009336046>

Siegel, H. (1988). *Educating reason: rationality, critical thinking, and education.* New York: Routledge Publ., 192 p.

Sockbeson, R. (2017). Indigenous research methodology: Gluskabe's encounters with epistemicide. *Postcolonial Directions in Education*. Vol. 6, iss. 1, pp. 1–27.

Steger, M.B. (2016). Reflections on «critical thinking» in global studies. *ProtoSociology*. Vol. 33, pp. 19–40. DOI: <https://doi.org/10.5840/protosociology2016332>

Stepin, V.S. (2009). [Classics, non-classics, post-nonclassics: criteria of distinction]. *Postneklassika: filozofiya, nauka, kul'tura, otv. red.*

L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin [L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin (eds.) Post-nonclassics: Philosophy, science, culture]. St. Petersburg: Mir Publ., pp. 249–295.

Stepin, V.S. (2013). [Types of scientific rationality and synergetic paradigm]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics]. No. 4, pp. 45–59.

Tarasova, K.V. and Orel, E.A. (2022). [Measuring students' critical thinking in online environment: methodology, conceptual framework, and tasks typology]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies. Moscow]. No. 3, pp. 187–212. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-187-212>

Об авторе

Голубинская Анастасия Валерьевна
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник лаборатории
социальной антропологии Института
международных отношений и мировой истории

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: golub@unn.ru
ResearcherID: AAN-2296-2021

About the author

Anastasia V. Golubinskaya
Candidate of Philosophy,
Senior Researcher of the Laboratory
of Social Anthropology of the Institute
of International Relations and World History

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603022, Russia;
e-mail: golub@unn.ru
ResearcherID: AAN-2296-2021

УДК 125

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-196-207>

EDN: KSSRFS

Поступила: 24.01.2025

Принята: 27.05.2025

Опубликована: 03.07.2025

ПРОБЛЕМА БЕСКОНЕЧНОСТИ В ЭВОЛЮЦИИ ФИЛОСОФСКИХ, НАУЧНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ

Филатова Мария Игоревна

Московский педагогический государственный университет (Москва)

В статье показано, что проблемой бесконечности задается развитие соотношения науки и религии. В классический период эта проблема была представлена отношением науки и христианства. Именно благодаря идеи христианского Бога в европейской интеллектуальной культуре впервые произошла легализация актуальной бесконечности. Попытки основателей новоевропейской науки найти положительное понимание актуальной бесконечности в пределах только человеческого разума должны были стать тем самым решающим революционным шагом, который в истории генезиса науки так и остался несостоявшимся, в связи с чем сегодня предлагают пересмотреть саму концепцию научной революции XVII в. Крушение классики ознаменовалось тем, что вместо актуальной бесконечности заявила о себе бесконечность потенциальная, которая и стала парадигмальным ядром неклассической эпистемологии, а также основанием для установления параллелей с эпистемологией и онтологией буддизма. Последнее выглядит перспективным и обнадеживающим ресурсом, поскольку оправдывает проблематичные с точки зрения классики представления неклассической эпистемологии апелляцией к древневосточной мудрости как традиции более древней, чем христианство. В статье показано, что несмотря на это, для западноевропейской традиции характерны преимущественные позиции в интерпретации и оценке особенностей эпистемологической неклассики, т.к. именно западноевропейской традиции доступна полнота видения проблемы актуальной бесконечности, включающей потенциальную бесконечность в качестве нежелательного следствия своего развития.

Ключевые слова: проблема актуальной бесконечности, генезис науки XVII в., отношение науки и религии, христианство, буддизм, потенциальная бесконечность, современная эпистемология.

Для цитирования:

Филатова М.И. Проблема бесконечности в эволюции философских, научных и религиозных взглядов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 196–207.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-196-207>. EDN: KSSRFS

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-196-207>

Received: 24.01.2025

Accepted: 27.05.2025

Published: 03.07.2025

THE PROBLEM OF INFINITY IN THE EVOLUTION OF PHILOSOPHICAL, SCIENTIFIC AND RELIGIOUS VIEWS

Maria I. Philatova

Moscow Pedagogical State University (Moscow)

The author shows that the problem of infinity vectors the development of the relationship between science and religion. In the classical period, this problem was represented by the relationship between science and

Christianity. It was thanks to the idea of the Christian God that the legalization of actual infinity took place in European intellectual culture for the first time. The attempts of the founders of new European science to find a positive understanding of actual infinity solely within the limits of the human mind were supposed to be the most decisive revolutionary step in the history of the genesis of science. This step, however, was not realized, and therefore the very concept of the scientific revolution of the 17th century is undergoing revision. The collapse of the classics was marked by the fact that instead of actual infinity, potential infinity asserted itself, which became the paradigmatic core of non-classical epistemology, as well as the basis for establishing parallels with the epistemology and ontology of Buddhism. The latter seems to be a promising and encouraging resource, since it justifies those concepts of non-classical epistemology that have been considered problematic by the classics through referring to ancient Eastern wisdom as a tradition older than Christianity. The author shows that despite this, the Western European tradition is characterized by predominant positions in the interpretation and evaluation of the features of epistemological non-classics, since it is the Western European tradition that provides the completeness of vision of the problem of actual infinity, including potential infinity as an undesirable consequence of its development.

Keywords: the problem of actual infinity, the genesis of science in the 17th century, the relationship between science and religion, Christianity, Buddhism, potential infinity, modern epistemology.

To cite:

Philatova M.I. [The problem of infinity in the evolution of philosophical, scientific and religious views]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 196–207 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-196-207>, EDN: KSSRFS

Введение

Вопрос о том, почему научная революция XVII в. произошла именно в христианской Европе, до сих пор привлекает внимание исследователей¹. Вопрос этот осложняется тем, что научное мировоззрение, вытеснив религиозное в ходе секуляризации, обесценило значение тех «ссылок на Бога», к которым активно прибегали создатели науки для обоснования самой ее возможности. При этом идея христианского Бога в аргументации основателей науки фигурировала далеко не в качестве отживающего свой век рудимента, но имела основополагающее значение, т.к. с ней была связана идея актуальной бесконечности, благодаря привлечению которой стало возможно формирование научного мышления новоевропейского типа. Его проект угадывается уже в онтологической концепции Николая Кузанского, впервые сделавшего актуальную бесконечность предметом рационального дискурса [Ахутин А.В., 1988, с. 51]. Идея Бога как бесконечности и совершенства имела решающее значение для *cogito* Декарта, т.к.

именно благодаря претензии на единство с ней *cogito* стало выражением идеи новоевропейского субъекта познания. Галилей в своем различении интенсивного и экстенсивного познания также пытался доказать возможность причастности конечного человеческого познания к актуально бесконечному познанию Бога. Все такого рода претензии творцов науки определили собой то новое, что явила собой наука XVII в.

После того, как секуляризация сделала «ссылки на Бога» недействительными, идея актуальной бесконечности, вошедшая в «плоть» научного познания, оказалась подвешенной в воздухе в том смысле, что теперь было непонятно, в чем состоит оправдание этой нереализуемой идеи, как теперь понимать ее отношение к конечному человеческому разуму и миру? Соблюдено ли оно, к примеру, в различении абсолютной и относительной истины в классической теории познания? И если актуальная бесконечность уже нерелевантна научному познанию, то можно задаться вопросом, что теперь занимает ее место и как к этому можно относиться с учетом значения идеи актуальной бесконечности для генезиса науки? В статье будет показано, что по причине нереализуемости актуальной бесконечности вне теологического контекста на ее месте обнаруживает-

¹ Так, предметом рассмотрения уже стал вопрос, почему научная революция произошла, к примеру, не в Китае [Sivin N., 1984].

ся бесконечность потенциальная, подрывающая основания классической науки. В связи с последним обстоятельством многим сегодня представляется перспективным путь переосмысления статуса потенциальной бесконечности на основе апелляции к альтернативной христианству и благоприятствующей этому религии буддизма. Однако насколько такая переориентация оправдана с точки зрения самой проблемы актуальной бесконечности?

Но прежде следует прояснить некоторые обстоятельства, связанные с поставленными вопросами.

Полнота досекулярного и пустота постсекулярного соотношения науки и религии

Сегодня проблема влияния христианства на генезис науки осложняется следами исторических обстоятельств, в той или иной мере провоцирующих предвзятое отношение к ней. Во-первых, известно, что в истории науки авторитет церкви заявил о себе как о темной воинственной силе, сдерживающей первые шаги творцов новоевропейской науки (внесение труда Коперника в индекс запрещенных книг, суд над Галилеем). Во-вторых, в результате секуляризации культуры язык классической научной рациональности стал именно тем языком, который известен нам сегодня. В этом смысле секуляризация стала своего рода демаркационной линией, отделяющей науку от ненауки, представленной смесью научных и теологических представлений. Влияние этого обстоятельства сегодня сказывается в том, что время научной революции было предложено сдвинуть к XVIII в. Эндрю Каннингем и Перри Уильямс в 1993 г. предположили, что наука возникла в конце XVIII – начале XIX в. (1760–1848 гг.) [Orthia L.A., 2016, p. 354]. С этим согласился Дидерик Рэйвен, выразивший мнение, что события XVII в. не были столь значительными, если смотреть со сравнительной и цивилизационной точки зрения [Raven D., 2011, p. 450–451]. Ввиду этого находящееся «по ту сторону» демаркационной линии тем самым как бы предполагается навсегда преодоленным в развитии науки и к нему не принято возвращаться.

Все это характерно для классической эпистемологии и науки. Однако принимая во внимание, что на смену классической эпистемоло-

гии и науки пришла неклассическая наука и эпистемология, в которой выразилось разочарование в ожиданиях и возможностях классики, следовало бы предположить, что крушение классики должно отразиться на устойчивости демаркационной линии, отделившей классическую эпистемологию от тех теологических представлений², от связи с которыми она, как тогда казалось, смогла освободиться. Следствием этого должно было стать возрождение оставленных по ту сторону демаркационной линии вопросов. Нечто подобное и произошло в постпозитивизме П. Фейерабенда, заявившего, что «необходимо пересмотреть наше отношение к мифу, религии, магии, колдовству и ко всем тем идеям, которые рационалисты хотели бы навсегда стереть с лица земли» [Фейерабенд П., 2007, с. 299].

Этот пример радикального отрицания строгости демаркации науки и ненауки демонстрирует необратимость произведенных секуляризацией последствий. Так, если Николай Кузанский в своем «ученом незнании» еще находил язык для выражения находящихся по ту сторону демаркационной черты смыслов, то методологический анархизм Фейерабенда уже совершенно к этой области «слеп». Невозможность выделить какие-либо ее качественные характеристики, способные стать ориентирами в поиске пути познания истины, и выражается П. Фейерабендом в отрицательном эпистемологическом принципе «anything goes».

Более открыто о современной «слепоте» к той области, которая находится за пределами освещенного «светом разума», но выход в которую сегодня стал беспрепятственным, говорит К. Мейясу. Он говорит о становлении религиозным мышления или «религизации» разума, вводя этот термин как симметричный рационализации, но обозначающий стремление мышления в противоположную сторону [Мейясу К., 2015, с. 64]. Такая религизация, по словам Мейясу, «означает современную фигуру ... подчинения мышления набожности с помощью особого способа разрушения метафизики. Таков смысл деабсолютизации: мышление не доказывает более

² Представление о бесконечном всемогуществе и разуме Бога, к которому активно апеллировали творцы науки, как об этом более подробно будет сказано ниже.

a priori истинность содержания определенной набожности, но устанавливает равное и эксклюзивное право любой набожности иметь объектом окончательную истину» [Мейясу К., 2015, с. 66]. После того как принцип достаточного основания вышел из употребления как неспособный открывать абсолют, абсолют сам заявил о себе, но уже как «пустой объект символа веры» [Мейясу К., 2015, с. 67].

Напомним, что в противоположность современной «слепоте» прежняя «духовная зрелость» позволила Николаю Кузанскому в труде «Об ученом незнании» на основании привлечения теологической аргументации впервые сделать категорию актуальной бесконечности предметом осмысленного дискурса. Вслед за Кузанским к этой категории обращались такие творцы науки, как Галилей и Декарт. Более подробно о значении категории актуальной бесконечности для возможности математического естествознания будет сказано ниже.

Ослабление строгости демаркации науки и ненауки на фоне процесса обратного секуляризации, но осложненного «слепотой» к находящемуся «по ту сторону» демаркационной черты, приводит сегодня к возрастанию интереса к восточной мудрости, прежде всего к буддизму. Казалось бы, для классической науки тема соотношения науки и религии подразумевала прежде всего соотношение науки и христианства, т.к. именно христианство непосредственно повлияло на возможность генезиса науки. Однако по отношению к неклассической науке тему соотношения науки и религии сегодня раскрывают через соотношение науки и буддизма. Такой поворот темы взаимодействия науки и религии оправдан тем, что им разрывается преемственность исходной для генезиса науки проблематики, и тем самым отпадает необходимость возврата к характерным для этого этапа вопросам соотношения науки с религией христианства. Последнее может повлечь за собой необходимость очень серьезного пересмотра не только самой возможности науки в ее состоявшейся секуляризованной форме, но и более широких связанных с этим вопросов, как, например, вопроса о значении и месте христианства в западноевропейской цивилизации.

В отличие от этого поворот темы соотношения науки и религии к буддизму, наоборот, укрепляет позиции современной эпистемологии

и науки, легитимируя их апелляцией к восточной мудрости. Последняя в этом случае выступает своего рода новым ресурсом, способным обеспечить положительной интерпретацией те нововведения неклассической эпистемологии, которые не вписываются в западноевропейскую эпистемологическую традицию от античности до Нового времени (где цель науки — искание объективной истины)³, и тем самым как будто свидетельствуют о некоторой проблеме, возникшей в связи с эпистемологической неклассикой.

Потенциальная бесконечность в буддизме и современной науке: онто-эпистемологические параллели

Буддийский лидер Далай-лама XIV в своей книге «Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на службе мира» определяет целью диалога науки и буддизма создание целостной картины мира. Автор книги заявляет научную перспективность буддийской философии пустотности, на основе которой может быть создана «непротиворечивая модель понимания реальности» [Далай-лама, 2018, с. 102].

Онто-гносеологические положения буддизма и неклассической науки обнаруживают между собой существенные сходства. Так, не претендуя на строгость аналогии, утверждают, что «представление современной физики о делении вещества на все более мелкие части, которые затем и вовсе растворяются, превращаясь в волны, подобно свету, можно с долей условности сравнить с буддийской философией аналитического понимания пустоты, рангтонг, согласно которой все явления пусты по своей природе» [Рутковская М.В., 2012, с. 158].

Так же и планетарная модель атома демонстрирует, что в твердых телах «пустоты» оказалось гораздо больше, чем вещества, т.к. атом практически «пуст» [Рутковская М.В., 2012, с. 157].

Рангтонг является первым из трех уровней понимания пустоты в буддизме и означает «пу-

³ Объективность в познании как независимость от субъекта проявилась на заре философии в открытии греками понятия (дословно по-ятия как хватания умом некоторого неизменного основания). Впоследствии представления о неизменном основании познания развивались и достигли апогея в математическом естествознании Нового времени.

стой по своей сути». Второй уровень — шен-тонг — означает «пустота и более того». Ему в современной физике соответствует идея физического вакуума как пустоты, наполненной энергией [Рутковская М.В., 2012, с. 159].

Но прежде всего неклассика характеризует-ся трансформацией роли субъекта в познании. Если для классической теории познания объект познания признавался имеющим независимое от субъекта существование, то неклассическая теория познания рассматривает объективную реальность в качестве сращенных с активностью субъекта «объектов-кентавров по признаку различия “внешнего” и “внутреннего”» [Мамардашвили М.К., 2010, с. 50].

Предельным случаем этой особенности неклассической эпистемологии является радикальный эпистемологический конструктивизм, называющий себя эпистемологией без онтологии по причине отказа от утверждений онтологического характера. Так, с одной стороны, радикальный конструктивизм говорит о замкнутой на себе аутопоэтической системе, компоненты которой связаны циклической причинностью, постоянно порождают и преобразуют друг друга, а с другой стороны, радикальный конструктивизм обходит молчанием то, что находится за пределами аутопоэтической системы. В этом смысле отвергая обвинения в солипсизме, радикальные конструктивисты признают себя продолжателями традиции скептицизма в западноевропейской традиции и придерживаются принципа воздержания от суждений [Цоколов С.А., 2000]. В то же время сама собой напрашивается и аналогия с онто-гносеологическими представлениями буддизма, где помимо всего прочего восполняются умолчания радикального конструктивизма. Так, Ваджраяна различает, с одной стороны, *относительную реальность*, внешний мир явлений, **безначальный** и **бесконечный** поток взаимозависимого возникновения дхарм, а с другой — пустоту как *окончательную реальность* и истинную природу всех явлений. При этом, согласно буддизму, сознание участвует в порождении материи как зависимого от него феномена, само являясь непрерывным потоком изменений.

Еще одной проблемой современной эпистемологии, прояснение которой отсылает к онтологии буддизма, является эпистемологический релятивизм.

Эпистемологический релятивизм не вписывается в западноевропейскую эпистемологическую традицию по той причине, что им предполагается возможность нарушения закона непротиворечия, которая была запрещена еще Аристотелем. Г.Д. Левин подчеркивает, что в случае релятивизма речь идет именно «о высказываниях, исключающих друг друга по закону противоречия» [Левин Г.Д., 2012, с. 41] и что «этот факт иногда пытаются “заговорить”, но без его строгой констатации дальнейшее обсуждение релятивизма не имеет смысла» [Левин Г.Д., 2012, с. 41]. Однако в случае сведения сути проблемы релятивизма к нарушению закона непротиворечия, становится непонятно, зачем вообще говорить о нем как об отдельной проблеме? И если о релятивизме все же говорят, то возникает вопрос, на каком основании становятся возможны разные суждения об одном и том же?

Чаще всего критики релятивизма пытаются обличить мнимость ситуации, когда якобы становятся возможны разные высказывания относительно одного и того же. Видимость такой ситуации возникает в современной науке. В этом случае проблема релятивизма нейтрализуется за счет выявления того, что «одно», к которому относятся различные суждения, на самом деле представлено множественностью сторон, аспектов, уровней, фрагментов и т.д., по отношению к которым и находят соответствие различающиеся между собой суждения. Так, по словам Е.А. Мамчур, «существование различных уровней организации материи и различных теорий, каждая из которых описывает один из уровней (мир малых скоростей и макротел описывается классической механикой; мир больших скоростей — теорией относительности; микромир — квантовой теорией) отнюдь не ведет к релятивизму и не является основанием для него. Повторяем, о релятивизме можно было бы говорить, если бы по поводу *каждого* из этих уровней реальности были бы сформулированы *различные* теории, и все эти теории полагались бы *равноценными*» [Мамчур Е.А., 2004, с. 15]. Однако нейтрализация проблемы релятивизма на основе выявления множественности там, где предполагалось нечто одно, может обернуться, наоборот, радикализацией этой проблемы, т.к. полагание множества на месте «одного» оставляет открытым вопрос о его ко-

нечности или бесконечности. И если допустить, что множество уровней, аспектов, сторон, фрагментов и т.п. реальности является открытым и **потенциально бесконечным**, о котором нельзя говорить как об «одном и том же», то тем самым провоцирующая проблему релятивизма допустимость разных высказываний о нем уже не блокируется законом противоречия и делает проблему релятивизма актуальной проблемой современной эпистемологии.

Такие перспективы, только сегодня открытые в западноевропейской эпистемологии, оказываются созвучны древней буддийской мудрости, согласно которой «не существует абсолютного начала как первопричины сансары, она **безначальна и бесконечна** и с точки зрения пространственно-временного континуума, и с точки зрения причинности» [Павлова Д.В., 2021, с. 30]. Как видно, категория потенциальной бесконечности становится сегодня тем, что сближает современную науку и буддизм, что обнаруживается на месте актуальной бесконечности, неоправданно допущенной создателями новоевропейской науки в попытках обосновать возможность науки с помощью теологических спекуляций. Соответственно, прояснение соотношения актуальной и потенциальной бесконечности способно пролить свет на пути взаимодействия с религией новоевропейской и современной науки.

Генезис науки как новоевропейский проект секуляризации актуальной бесконечности

Еще на заре философии была осознана парадоксальность категории актуальной бесконечности, совмещающей несовместимые противоположности — актуальность и незавершенность (бес-конечность). Являясь противоречивым понятием, актуальная бесконечность отвергалась создателем формальной логики Аристотелем из Стагиры. Согласно Аристотелю, актуально бесконечное не может быть ни помыслено, ни воспринято чувствами [Аристотель, 2007, с. 58–63]. В целом в античности категория актуальной бесконечности оставалась под запретом. С приходом христианства ситуация меняется. Христианский Бог-Творец как превосходящий все тварное, временное и конечное признается актуально бесконечной сущностью и становится предметом апофатического (отрицательного) богословия.

Но у Николая Кузанского Бог-Творец как непостижимое трансцендентное начало мира становится предметом рационального дискурса. В его ученом незнании божественное Ничто впервые становится положительным понятием — минимумом мира, или точкой, выражающей бесконечную простоту трансцендентного миру Бога. В то же время эта точка-минимум оказывается стяженной бесконечностью всех своих беспредельных возможностей развертывания и в этом смысле совпадает с максимумом. Между абсолютным минимумом, совпадающим с абсолютным максимумом, находится мир конечных форм и вещей, допускающих «превышающее и превышаемое» [Кузанский Н., 2011, с. 14].

Таким образом, представленное в ученом незнании соотношение конечного с актуально бесконечным делает последнее осмысленным понятием, т.к. показывает, что составляющие его противоположности — минимум (как простота и единство) и максимум (как бесконечное многообразие) — несовместимые с точки зрения конечного мира, совпадают в себе. Недостижимая «внутри» конечного мира полнота возможностей развертывания минимума имеет место лишь в максимуме. Но поскольку ум человека, по Кузанскому, есть «образ Божественного ума, простейший среди образов Божественного свертывания» [Кузанский Н., 1979, с. 397–398], он свертывает старый мир «Августина и Аквината, мир сущностей, субстанциальных (неизмеримых, качественных) форм, а развертывает уже иной мир, мир однородных измеримостей, возможных мер» [Ахутин А.В., 1988, с. 48], т.е. свертывая в точку, он развертывает в бесконечность. «В максимальном единстве свернуто не только число, как в единице, но все вообще: как в развертывающем единицу числе нет ничего, кроме этой единицы, так во всем существующем мы не находим ничего, кроме максимума» [Кузанский Н., 2011, с. 64]. Тем самым Кузанский по-своему решает проблему Парменида, оставившего две части своей поэмы «О природе» разрозненными, где в первой части излагается его учение о Едином, а во второй — его натурфилософские воззрения. Попытку найти путь объединения мыслимого «по истине» и существующего «по природе» (как единого и многого) предпринимает ученик Парменида Зенон. Он задается проблемой неделимой единицы, обладающей приро-

дой Единого, и исследует возможность ее нахождения среди существующего в чувственном мире (как об этом будет сказано ниже), при том что все существующее имеет величину, а величина по определению, впервые данному Зеноном⁴, до бесконечности делима. Зенону, по сути, принадлежит первая (неудавшаяся) попытка математизации природы, которая была возобновлена только в XVII в. благодаря вкладу Николая Кузанского в решение проблемы актуальной бесконечности. Ответом на проблему Парменида (единого и многого) у Кузанского становится принцип «все во всем». Ему соответствует представление о том, что единица (минимум), обладающая природой Единого, развертывается не просто во многое, а в бесконечность как в полноту природы того же Единого, или максимума, совпадающего с минимумом. В универсуме Николая Кузанского каждая существующая вещь имеет перспективу стать в максимуме «всем, чем она может быть», т.е. стать неизменной. Именно ввиду этой перспективы становится допустимо говорить о возможности применения математики к чувственно воспринимаемому миру. По мнению А. В. Ахутина, в онтологическом проекте Кузанского нетрудно распознать «черты новой природы, равно как и нового мышления» [Ахутин А.В., 1988, с. 51]. Единственная проблема, которую Николай Кузанский оставил в наследие новоевропейской эпохе, — это проблема статуса самого знания о таком преобразенном мире. Как известно, для Кузанского оно было «ученым незнанием». Но реализация проекта математического естествознания требовала сделать это «ученое незнание» «ученым знанием», т.е. найти рациональное объяснение возможности преобразования конечного мира на основе актуальной бесконечности, возможности связи того и другого. Кузанский же основывал ее на теологических, а не логических аргументах. По словам П.П. Гайдено, «Кузанец совершает здесь “скачок”, никакой логикой не объяснимый» [Гайдено П.П., 1998, с. 55].

Новым ресурсом для установления связи между конечным и актуально бесконечным в Новое время становится эксперимент, одним из теоретиков которого был Галилей. Он связывал

с экспериментом перспективы преобразования конечной природы, отраженные в принципе Кузанского «все во всем». Как показывает В.С. Библер, подобное преобразование, по Галилею, предполагает *двусторонний* процесс, представляющий собой, с одной стороны, разрушение конечного «экстраполяцией на бесконечность», а с другой стороны, наоборот, восстановление разрушенного конечного через «обнаружение в конечном бесконечного» [Библер В.С., 1991, с. 193]. В последнем случае мы можем говорить о конечной бесконечности, или что то же самое, актуальной бесконечности. В итоге, по Галилею, «...природа (как всеобщее, бесконечное, беспредельное, как целостность этого беспредельного) воспроизводится в каждой точке познания» [Библер В.С., 1991, с. 171]. После преобразования природы конечного экстраполяцией на бесконечность, каждая точка познаваемой реальности становится минимумом, совпадающим с максимумом, по Кузанскому.

Как же, по Галилею, актуально бесконечное «встречается» с конечным, если между тем и другим непреодолимый разрыв? В.С. Библер утверждает, что здесь «слово за мысленным экспериментом, продолжающим “разряжение среды” или “сведения тела в точку” за пределы практически возможного. Так возникает (изобретается? открывается?) иной мир — мир “идеальных объектов”, в котором сразу же — логический скачок! — выводы теряют вероятностный характер и приобретают “абсолютную достоверность”...» [Библер В.С., 1991, с. 185]. Но понятие о такого рода «логическом скачке» через бесконечность не ведет к открытию ее конца, но, наоборот, уже включает в себя понятие о нем, т.е. понятие о конце бесконечности, или об актуальной бесконечности. Ведь иначе такой «скачок» не будет иметь смысла, т.к. будет совершен в пустоту. И если Кузанский, совершая его, находит ему оправдание в допущениях теологического характера, то у Галилея он освобождается от теологического контекста и оказывается уже ни на чем не основанным. Поэтому, несмотря на то, что Р.Е. Баттс определяет философскую (онтологическую и гносеологическую) задачу Галилея как необходимость показать, «что опыт, который возникает в эксперименте, суть опыт математический, т.е. допускающий математическое, количественное

⁴ Оно сохранилось у Аристотеля [Аристотель, 2022, с. 78–79].

выражение» [Петрова Т.М., 1989, с. 119], он приходит к выводу, что философская программа Галилея «была пропагандистской и, соответственно, логически неупорядоченной» [Петрова Т.М., 1989, с. 118].

Рене Декарт был еще одним философом и создателем новоевропейской науки, кто пытался найти решение проблемы актуальной бесконечности. По праву оценивая значение теологической аргументации в рассуждениях об актуальной бесконечности, Декарт начинает с нее. Так, он говорит, что «Бог — всеблагий источник истины и раз мы созданы им, то дарованная им нам способность отличать истинное от ложного не может нас вводить в заблуждение, если только мы правильно ею пользуемся...» [Декарт Р., 1950, с. 542]. Как видно, христианские представления о человеке как образе Творца обуславливают оптимистический взгляд Декарта на проблему связи конечного и бесконечного, который находит выражение в его принципе *cogito*. Утверждение «Я мыслю, следовательно, существую» у Декарта имеет значение неустрашимой точки опоры, которая должна была стать усовершенствованным⁵ вариантом точки-минимума Кузанского. Так же как у Кузанского точка совпадает с бесконечностью, так и Декарт обнаруживает в *Я-cogito* присутствие идеи Бога как всесовершенного существа, что и позволяет ему выйти из тупика скептицизма. При этом восприятие идеи Бога как бесконечности и совершенства через идею *cogito* существенно меняет первую, сообщая ей некоторые черты последней, а именно ее простоту и единство. Вследствие этого понятие бесконечности как будто получает определенность и становится положительным понятием, которое Декарт теперь начинает использовать самостоятельно, придавая ему уже значение первоначала по отношению к идее *cogito*, а не следствия из нее. Тем самым понятие бесконечности становится уже вполне полноценным понятием, так что допущение связи с ним со стороны *cogito* способно наделить последнее качествами первого. Так, Декарт пишет: «Я не должен считать, будто я не воспринимаю бесконечное с помощью истинной идеи, а воспринимаю его лишь путем отрицания конечно-

го — как я воспринимаю покой и тьму через отрицание движения и света; ибо, напротив, я отчетливо понимаю, что в бесконечной субстанции содержится больше реальности, чем в конечной, и потому во мне некоторым образом более первично восприятие бесконечного, нежели конечного, или иначе говоря, мое восприятие Бога более первично, нежели восприятие самого себя» [Декарт Р., 1994, с. 38].

И все же сложно говорить о том, что Декарту удалось в своем принципе *Я-cogito* воспроизвести нечто подобное абсолютному минимуму Кузанского, совпадающему с бесконечностью максимума. В обосновании такого совпадения Декарту не удалось избежать порочного круга. Об этом ему говорили еще современники. В наши дни об этом еще раз напоминает Поль Рикер в статье «Кризис когито». Он пишет: «Если в нашем первоначальном сознании исходное и нерасторжимое единство идеи “Я” как конечности и несовершенства и идеи Бога как бесконечности и совершенства, то каким образом может сформироваться исходная уверенность в мнимом неведении относительно такого единства... либо *cogito* имеет значение основоположения, что, однако, имеет значение бесплодной истины, из которой можно делать какие-либо выводы лишь порвав с порядком доводов разума; либо *cogito* как ограниченное бытие происходит из идеи совершенства и первая причина утрачивает таким образом свой ореол исходного основания» [Рикер П., 1997, с. 24–25]. Казалось бы, при такой разоблачающей критике принцип *cogito* мог бы сохраниться в истории философии в лучшем случае как еще одно свидетельство невозможности рационального представления связи конечного и актуально бесконечного. Однако его значение оказалось для истории философии, наоборот, определяющим, как, впрочем, и значение новоевропейской идеи эксперимента для естествознания. Т.И. Ойзерман называет *cogito* эпохальным философским манифестом [Ойзерман Т.И., 1997], задавшим новоевропейской философии магистральное направление развития.

Таким образом, несоответствие статуса проблемы актуальной бесконечности (не решена) тому определяющему значению, которое она имела для формирования новоевропейской научной рациональности, дает основание именно здесь искать причину крушения идеалов классической рациональности.

⁵ В том смысле, что оказывается уже не запредельным для конечного мира, но совпадает с конечным человеческим сознанием.

Выше было показано, что на этапе генезиса науки XVII в. допущение реализуемости актуальной бесконечности было неоправданным допущением. Тогда возникает вопрос, имеет ли такого рода неоправданное допущение какие-либо последствия? Ответ на него был дан Зеноном Элейским, впервые исследовавшим вопрос о соотношении конечного и актуально бесконечного в этой перспективе. В рамках рассуждения от обратного Зенон допускал возможность перехода от одного к другому, результатом которого должно было стать «превращение» делимого в неделимое. Если все существующее «по природе» имеет величину, которая до бесконечности делима, то существующее «по истине» имеет природу неделимого единого. Возможность перехода от одного к другому зависит от вопроса о реализуемости актуальной бесконечности, т.к. в случае положительного ответа на него процесс бесконечного деления должен завершиться обнаружением неделимого. Исследование вопроса о «конце» бесконечного процесса деления Зенон проводит на основе дихотомии. Такое название носит апория Зенона «Дихотомия». Другая его апория — «Ахиллес и черепаха» — не отличается принципиально от «Дихотомии» [Кессиди Ф.Х., 2003, с. 279]. Ф.Х. Кессиди показывает, как решение трудности заключенной в апории «Стрела» также переходит в апорию «Дихотомия» [Кессиди Ф.Х., 2003, с. 283]. Рассуждая от обратного, Зенон исходил из возможности перехода от существующего по природе к существующему по истине, возможности «превращения» одного в другое. Он допускал, что весь путь, уже пройденный телом в ходе его эмпирического движения, может быть также пройден и бесконечно возобновляющимся дихотомическим делением. Обнаружение неделимого в «конце» бесконечного процесса дихотомического деления означало бы, что физическая природа изменилась и из конечной стала актуально бесконечной, из природы делимой стала природой, состоящей из неделимых, т.е. из физической стала математической.

Но поскольку такого рода изменение природы конечного предполагалось рассуждением от обратного, то в итоге оно должно было показать как раз невозможность этого изменения, т.е. то, что конечная физическая природа остается неизменной. Вместо этого Зенон вынужден был

признать именно ее изменение, которое и обусловило неожиданный апорийный результат его аргументации, когда оказалось, что конечная величина пройденного телом пути стала потенциально бесконечной, а потому путь, **уже** пройденный телом, не может быть им пройден.

Открытая Зеноном закономерность распада конечного в потенциально бесконечное при неоправданном допущении актуальной бесконечности имеет универсальное значение. Она воспроизводится в христианстве и находит отражение в притче о званых на брачный пир (Мф. 22:1–14). Здесь задействованы понятия: земной (конечной) природы, ее преображенного (обоженного) состояния и тьмы крошечной (или внешней), куда низвергается один из присутствующих, неоправданно признавший себя преображенным, а на самом деле «не имеющий одеяния брачного». Эта же закономерность распада конечного в потенциально бесконечное при неоправданном допущении актуальной бесконечности воспроизводится в истории генезиса науки и современного кризиса ее оснований, образуя собой всю сложность взаимоотношений классической и неклассической эпистемологии. Выше были проведены параллели между онто-гносеологическими положениями буддизма и неклассической эпистемологией и наукой именно на основании потенциальной бесконечности, определяющей специфику и того, и другой (выше в соответствующих местах текста характерные для потенциальной бесконечности определения были выделены жирным шрифтом). Отметим также, что категория потенциальной бесконечности привлекается сегодня в качестве ресурса для пересмотра унаследованных от классической философии проблем в конструктивном реализме и спекулятивном реализме (нетотализуемое трансфинитное у К. Мейясу). В силу этого следует признать, что те обусловленные спецификой категории потенциальной бесконечности особенности неклассической эпистемологии и науки, в которых сегодня усматривают сходство с онто-гносеологическими положениями буддизма, уже имеют ресурсы для осмысления в рамках самой западноевропейской философии.

Заключение

Таким образом, западноевропейская философия располагает всеми необходимыми ресурсами

для объяснения как возможности генезиса науки, так и неизбежности современного кризиса ее оснований со всеми характерными его проявлениями. В онтологии буддизма по-своему выражается отношение к универсальной оппозиции актуальной и потенциальной бесконечности. Но кажущаяся предпочтительность данной рецепции проблемы потенциальной бесконечности западноевропейскому подходу объясняется тем, что не затрагивая всей глубины проблемы потенциальной бесконечности как нежелательного следствия неоправданного допущения актуальной бесконечности, а главное, признаваясь *истиной* древневосточной мудрости, она тем самым легитимирует в качестве «истинных» онто-гносеологические представления современной науки, для которых потенциальная бесконечность оказывается парадигмальным основанием. Однако с позиции доступной западноевропейской традиции полноты проблемы актуальной бесконечности, включающей потенциальную бесконечность в качестве нежелательного следствия развития проблемы актуальной бесконечности, можно видеть, что привлечение самобытных воззрений буддизма для интерпретации особенностей современного этапа развития проблемы актуальной бесконечности в рамках западноевропейской традиции только дезориентирует современную эпистемологию еще больше.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика / пер. с древнегреч. А.В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2022. 448 с.
- Аристотель*. Физика / пер. с греч. и примеч. В.П. Карпова. М.: КомКнига: URSS, 2007. 230 с.
- Ахутин А.В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.
- Библер В.С.* Кант – Галилей – Кант (Разум Нового времени в парадоксах самообоснования). М.: Мысль, 1991. 320 с.
- Гайденко П.П.* К вопросу о генезисе новоевропейской науки // *Философия науки*. 1998. Вып. 4. С. 52–60.
- Далай-лама*. Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на службе мира / пер. с англ. С.М. Хоса; отв. ред. Н.В. Иноземцева. М.: Сохраним Тибет, 2018. 256 с.
- Декарт Р.* Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения / пер. с лат. и фр. М.: Политиздат, 1950. С. 409–544.
- Декарт Р.* Размышления о первой философии / пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 3–72.
- Кессиди Ф.Х.* От мифа к логосу: становление греческой философии. СПб.: Алетея, 2003. 360 с.
- Кузанский Н.* Об ученом незнании / пер. с лат. В.В. Бибикина. М.: Академ. проект, 2011. 159 с.
- Кузанский Н.* Простец об уме / пер. с лат. А.Ф. Лосева // Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. С. 385–444.
- Левин Г.Д.* Релятивизм и реляционизм (к истории проблемы) // *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ* / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2012. С. 40–60.
- Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.
- Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: Ин-т философии РАН, 2004. 242 с.
- Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. с англ. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Ойзерман Т.И.* Cogito Декарта — эпохальный философский манифест // *Бессмертие философских идей Декарта: материалы Междунар. конф., посвящ. 400-летию со дня рождения Рене Декарта* / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Ин-т философии РАН, 1997. С. 45–57.
- Павлова Д.В.* Философский принцип взаимозависимого возникновения в буддийской философии // *Финиковый компот*. 2021. Вып. 16, ч. 1. С. 28–34. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9308-2021-16-28-34>
- Петрова Т.М.* Баттс Р.Е. Тактика пропаганды Галилея в пользу математизации научного опыта // *Методологические принципы современных исследований развития науки (Галилей): реферат*. сб. / отв. ред. Л.М. Косарева. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1989. С. 114–128.
- Рикер П.* Кризис Cogito / пер. с фр. О.И. Мачульской // *Бессмертие философских идей Декарта: материалы Междунар. конф., посвящ. 400-летию со дня рождения Рене Декарта* / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Ин-т философии РАН, 1997. С. 14–30.
- Рутковская М.В.* Буддизм и физика // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2012. № 1. С. 152–160.
- Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 416 с.

Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: PHREN, 2000. 332 с.

Orthia L.A. What's wrong with talking about the scientific revolution? Applying lessons from history of science to applied fields of science studies // *Minerva*. 2016. Vol. 54, iss. 3. P. 353–373. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11024-016-9299-4>

Raven D. What needs to be explained about modern science? // *The British Journal for the History of Science*. 2011. Vol. 44, iss. 3. P. 449–454. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0007087411000677>

Sivin N. Why the scientific revolution did not take place in China — or didn't it? // *Transformation and tradition in the sciences: Essays in honor of I. Bernard Cohen* / ed. by E. Mendelsohn. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1984. P. 531–554.

References

Akhutin, A.V. (1988). *Ponyatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremya («fyusis» i «natura»)* [The concept of «nature» in antiquity and in modern times («fusus» and «nature»)]. Moscow: Nauka Publ., 208 p.

Aristotle (2007). *Fizika* [Physics]. Moscow: KomKniga Publ., URSS Publ., 230 p.

Aristotle (2022). *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: AST Publ., 448 p.

Bibler, V.S. (1991). *Kant – Galiley – Kant (Razum Novogo vremeni v paradoksakh samoobosnovaniya)* [Kant – Galileo – Kant (The mind of the New Age in the paradoxes of self-justification)]. Moscow: Mysl' Publ., 320 p.

Cassidy, F.H. (2003). *Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoy filosofii* [From myth to logos: the formation of Greek Philosophy]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 360 p.

Cusanus, N. (1979). [The layman: about mind]. *Kuzanskiy N. Sochineniya: v 2 t.* [Cusanus N. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 385–444.

Cusanus, N. (2011). *Ob uchenom neznanii* [Of learned ignorance]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 159 p.

Dalai Lama (2018). *Vselennaya v odnom atome. Nauka i dukhovnost' na sluzhbe mira* [The universe in a single atom. How science and spirituality can serve our world]. Moscow: Sokhranim Tibet Publ., 256 p.

Descartes, R. (1950). [Principles of philosophy]. *Dekart R. Izbrannye raboty* [Descartes R. Selected works]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 409–544.

Descartes, R. (1994). [Meditations on first philosophy]. *Dekart R. Sochineniya: v 2 t.* [Descartes R. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 3–72.

Feyerabend, P. (2007). *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against the method. Outline of an the anarchist theory of knowledge]. Moscow: AST Publ., 416 p.

Gaydenko, P.P. (1998). [On the question of the genesis of New European science]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Iss. 4, pp. 52–60.

Levin, G.D. (2012). [Relativism and relationism (on the history of the problem)]. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskiy analiz, otv. red. V.A. Lektorskiy* [V.A. Lektorsky (ed.) Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 40–60.

Orthia L.A. (2016). What's wrong with talking about the scientific revolution? Applying lessons from history of science to applied fields of science studies. *Minerva*. Vol. 54, iss. 3, pp. 353–373. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11024-016-9299-4>

Mamardashvili, M.K. (2010). *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. St. Petersburg: Azbyka Publ., 288 p.

Mamchur, E.A. (2004). *Ob 'yektivnost' nauki i relyativizm: (K diskussiyam v sovremennoy epistemologii)* [Objectivity of science and relativism: (Towards discussions in modern epistemology)]. Moscow: IPh RAS Publ., 242 p.

Meillassoux, Q. (2015). *Posle konechnosti: esse o nebkhodimosti kontingentnosti* [After finitude. An essay on the necessity of contingency]. Moscow: Kabinetnyy Uchenyy Publ., 196 p.

Oizerman, T.I. (1997). [Descartes' Cogito — epochal philosophical manifesto]. *Bessmertie filosofskikh idey Dekarta: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyaschennoy 400-letiyu so dnya rozhdeniya Rene Dekarta* [Immortality of Descartes' philosophical ideas: Proceedings of the International conference, dedicated to 400th anniversary of the birth of Rene Descartes]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 45–57.

Pavlova, D.V. (2021). [The philosophical doctrine of dependent origination in the buddhist philosophy] *Finikovyy kompot* [Date Palm Compote]. Iss. 16, part 1, pp. 28–34. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9308-2021-16-28-34>

Petrova, T.M. (1989). [Butts R.E. Some tactics in Galileo's Propaganda for the mathematization of scientific experience]. *Metodologicheskie printsipy sov-*

remennykh issledovaniy razvitiya nauki (Galileo): referat. sb., otv. red. L.M. Kosareva [L.M. Kosareva (ed.) Methodological principles of modern research on the development of science (Galileo): abstract collection]. Moscow: ISSS RAS Publ., pp. 114–128.

Raven, D. (2011). What needs to be explained about modern science? *The British Journal for the History of Science*. Vol. 44, iss. 3, pp. 449–454. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0007087411000677>

Ricoeur, P. (1997). [The crisis of the cogito]. *Bessmertie filosofskikh idey Dekarta: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyaschennoy 400-letiyu so dnya rozhdeniya Rene Dekarta* [Immortality of Descartes' philosophical ideas: Proceedings of the International conference, dedicated to 400th anniversary of the birth of Rene Descartes)]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 14–30.

Rutkovskaya, M.V. (2012). [Buddhism and physics]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace]. No. 1, pp. 152–160.

Sivin, N. (1984). Why the scientific revolution did not take place in China — or didn't it? *E. Mendelsohn (ed.) Transformation and tradition in the sciences: Essays in honor of I. Bernard Cohen*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 531–554.

Tsokolov, S.A. (2000). *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma: Traditsii skeptitsizma v sovremennoy filosofii i teorii poznaniya* [The discourse of radical constructivism: Traditions of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge]. Munich: PHREN Publ., 332 p.

Об авторе

Филатова Мария Игоревна
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Московский педагогический
государственный университет,
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1;
e-mail: m.philatova@yandex.ru
ResearcherID: GSD-6962-2022

About the author

Maria I. Philatova
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Moscow Pedagogical State University,
1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: m.philatova@yandex.ru
ResearcherID: GSD-6962-2022

УДК 316.3

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-208-215>

EDN: MMMMWA

Поступила: 01.02.2025

Принята: 15.06.2025

Опубликована: 03.07.2025

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В СВЕТЕ ПОДХОДОВ СИНЕРГЕТИКИ И ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Оконская Наталья Камильевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Ермаков Михаил Александрович

*Образовательный центр в г. Когалым (Когалымский филиал Пермского национального
исследовательского политехнического университета) (Когалым)*

Исследуются онтологические основания кризиса традиционных ценностей. Ускорение процесса информатизации, сопровождаемое экспоненциальным ростом объема информации и одновременно нарастающей дисфункциональностью традиционных институтов социализации, неизбежно приводит к кризису человека и сложившейся системы ценностей. По мнению авторов, синергетика и общая теория систем могут предложить собственную оптику для суждения об объективных основаниях ценностных отношений в обществе. Особое значение здесь имеет понятие хаоса. Конструктивная роль хаоса («порядок из хаоса») интерпретируется как диалектически понимаемая способность личности к реализации духовного единства с человечеством, по-новому высвечивая практическую роль института морали. Определенная мера хаотизации, осуществляемая субъектом, становится определяющим принципом развития для любого человека информационной эпохи, позволяя преодолеть ограничения рутинизированной, репродуктивной деятельности во всех ее проявлениях. Именно элемент хаоса выводит человека и общество к тому, что называют инновационной деятельностью. Духовные ценности призваны, помимо прочего, купировать риски новаций. Будучи носителем новых ценностей, «личности-хаотизаторы» выступают как реализаторы бифуркационных поворотных точек прогресса, в т.ч. развития ценностных систем. В качестве ключевого объяснения исчезновения прежде доминирующих ценностных связей используется марксистская теория отчуждения от человека его сущностных сил. В такие кризисные эпохи происходит девальвация материальных и идеальных (базирующихся на ценностях) связей в труде, мышлении, общении. Однако спецификой современной кризисной эпохи является то, что «субъект-хаотизатор» рискует исчезнуть как таковой, происходит «технизация» человека, формируется квазисубъект. Резко увеличивается вероятность использования человека в качестве живого инструмента, в том числе для реализации самых деструктивных целей.

Ключевые слова: ценность, личность, коммуникация, труд, технизация человека, синергетика, хаос, порядок.

Для цитирования:

Оконская Н.К., Ермаков М.А. Онтологические основания изменений ценностных ориентиров в свете подходов синергетики и общей теории систем // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 208–215. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-208-215>. EDN: MMMMWA

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF CHANGES IN VALUE ORIENTATIONS IN THE LIGHT OF SYNERGETICS AND SYSTEMS THEORY APPROACHES

Natalia K. Okonskaya

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Mikhail A. Ermakov

*Educational Center of Kogalym (Kogalym branch of Perm National Research
Polytechnic University) (Kogalym)*

The article deals with the ontological foundations underlying the crisis of traditional values. The accelerating informatization process, accompanied by an exponential growth in the volume of information and, at the same time, the increasing dysfunctionality of traditional institutions of socialization, inevitably leads to a crisis of man and system of values. According to the authors, synergetics and systems theory can offer their own vision for judging about the objective foundations of value relations in society. The concept of chaos («order from chaos») as a dialectically understood ability of an individual to realize spiritual unity with humanity and highlight in a new way the practical role of the institution of morality. A certain degree of chaotization implemented by a subject becomes the determining principle of development for any person living in the information age. It allows one to overcome the limitations of routinized, reproductive activity in all its manifestations. It is an element of chaos that leads man and society to innovative activity. Spiritual values are aimed, among other things, at mitigating the risks of innovations. Being the bearers of new values, «chaotizing personalities» act as implementers of bifurcation turning points of development, including the development of value systems. The Marxist theory of alienation is used as a key explanation for the disappearance of previously dominant value connections. In such crisis eras, there occurs devaluation of material and ideal (value-based) connections in work, thinking, and communication. However, the contemporary crisis is specific in that the «chaotizing subject» risks disappearing as such, the «technicalization» of a person occurs, and a quasi-subject is formed. The probability of using a person as a living instrument, including for the implementation of the most destructive goals, increases sharply.

Keywords: value, personality, communication, labor, technicalization of man, synergetics, chaos, order.

To cite:

Okonskaya N.K., Ermakov M.A. [Ontological foundations of changes in value orientations in the light of synergetics and systems theory approaches]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 208–215 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-208-215>.
EDN: MMMMWA

Введение

Теория ценностей развивается уже не одно столетие. Однако общепринятой парадигмы на этом направлении развития гуманитаристики, пожалуй, нет до сих пор. Одна из причин такого положения дел — высокий уровень абстрактности, глубоко скрытая внеопытная сущность ряда влиятельных аксиологических систем. Нельзя не

учитывать, что «господство неясности» (по Ф. Бэкону) убивает истину больше, чем заблуждение. С другой стороны, является ли полное исключение такой «неясности» совместимым с функционированием и развитием собственно человеческих ценностных систем?

В известном смысле, все философские категории работают на улавливание ценностных оттенков бытия. Жизнь как ценность отлича-

ется от физиологических и биологических процессов. Сознание как ценность отлично от психики животных. Человек как ценность понимается не как индивид — представитель вида, это *целостность*, сосредоточие всех ценностей, личность, несущая на себе все тяготы настоящего и будущего человечества. «Проблема рациональности, поставленная исторически, на основе как единичного носителя (человека и его высшей нервной деятельности), так и в целом общественных отношений и их материализации может быть решена через ценности и идеалы синтетической рациональности» [Оконская Н.К. и др., 2016, с. 21].

Неумение мыслить ценностными категориями демонстрирует моральную незрелость человека и общества. Эта незрелость чревата откатом социума в прошлое — и, пожалуй, дальше, чем в средневековье, где объединяющей людей и регулирующей их деятельность силой выступали как религиозная традиция, так и образование с его рациональной (знаниевой) общезначимостью.

С другой стороны, если исходить из открытий И. Канта в области практической философии, мы будем должны исключить гетерономность (вмешательство общественного мнения или массовых социальных институтов — религии, государства, пр.) в качестве средства усиления «доброй» природы человека, в качестве истока и причины ограничения деструктивных тенденций отношений людей. По Канту, мораль автономна.

Но если так, то *требуется найти объективные основания нравственного прогресса*, определив при этом и основания для объяснения случаев нравственной деградации. Для коллективного субъекта этот же вопрос будет звучать несколько по-другому: почему падение морального уровня общественных групп и целых конкретных обществ в информационно-цифровую эпоху, в период товарного изобилия и растущего уровня образования может быть столь значительным, подводя историю к грани самоуничтожения человечества? Вкладом в попытку ответить на эти вопросы и является данная статья.

Гипотеза авторов состоит в том, что *однозначные, жестко детерминированные и рационально осмысленные связи между людьми едва ли совместимы с адекватным функционирова-*

нием и развитием ценностей. Подлинно человеческие ценности существенно противопоставляются нами конечному ограниченному набору связей, т.к. только *благодаря бесконечности выбора каждый знак-значение обретает смысл*. Данный тезис наглядно проявляется в ценностно-рациональной активности человека, не гарантирующей успеха достижения цели, но только таким образом обеспечивающей обретение смысла стремления к ней и потому дающей силы познавать неизведанное и побеждать непобедимое. Обратным примером является практика обращения к целерациональной или, в еще большей степени, — традиционной деятельности, не ставящей перед человеком сложных мировоззренческих задач, апеллирующей к вполне стандартным, ординарным смыслам, а значит ограничивающей его конкретным (характерным для культурного контекста) набором связей.

Теория систем и синергетика как теоретическое основание концепции ценностей

Лишение ценностной стороны субъекта момента хаоса, переход к однозначной детерминированности и упорядочиванию означает, что занимающийся рутинизированной деятельностью и в этом смысле «технизированный» человек идет на потерю бесконечных степеней *свободы выбора*, получая взамен скорость и силу природных уровней организации материи при существующих технологиях, в первую очередь, физического уровня организации — например, в условиях массового применения «технизированным» человеком систем искусственного интеллекта (ИИ). **Ценности — это связи субъекта с миром, функционирующие в ситуации, когда связям, реализующим смыслы субъекта, предоставлена бесконечная степень свободы через выбор вариантов, ведущих к образованию все новых подсистем.**

Поясним это понимание ценностей, воспользовавшись инструментами таких влиятельных общенаучных концепций, как *общая теория систем* и *синергетика*. Первоначально синергетический подход использовался в естественных науках. Однако в последнее время этот общенаучный подход многое дает для понимания закономерностей развития общества [Оконская Н.К., 2013; Оконская Н.К. и др.,

2016; Хакен Г., 2015; Чернавский Д.С., 2021; Бряник Н.В., 2019; Малинецкий Г.Г., 2024]. На наш взгляд, основная нетривиальная идея си- нергетики — о ведущей роли *хаоса* в развитии систем, где хаос означает, что *каждый элемент системы связан с каждым элементом* этой си- стемы не только прямыми связями. *Новый по- рядок* всегда есть следствие *хаоса*. Самыми распространенными воплощениями порядка являются технологии и их носители, т.е. техни- ка. Техника в высшей степени рациональна, связи элементов в ней характеризуются стро- гим ограничением степеней свободы. Человек, организуя технически свою коммуникацию с природой, как внешней, так и внутренней, ограничивает степени свободы связей. Так из хаоса, где каждый элемент системы связан с каждым другим, возникает порядок, обеспечи- вая прогрессивную направленность саморазви- тия общества.

В развитие нашей гипотезы, сформулирован- ной в первом разделе статьи, мы выдвигаем предположение о существенной связи феномена ценностей со спецификой хаотизации социума человеком: развитие духовности человека с неизбежностью ведет к возрастанию «хаотизи- рующей мощи» субъекта, что является показате- лем личностной зрелости. Именно благодаря прогрессивному развитию ценностно- мотивационного компонента личности, опере- жающему целерациональную активность, идет актуализация личностного потенциала. Услови- ем для проявления этой зависимости является основополагающий для архитектуры постинду- стриального (информационного) общества за- прос на инновационность, позволяющую под- держивать высокие (и все ускоряющиеся) темпы интенсивного развития социальных институтов. Напротив, использование типизированных (стандартизированных) норм и алгоритмов дей- ствий, перенимаемых человеком из окружающей его социокультурной среды, с меньшей вероятностью и гораздо медленнее приводит к инновационным результатам. В ин- формационно емкой среде именно ценностно насыщенная рациональная активность личности позволяет ей «заглянуть» за привычное, «уви- деть» то, чего не видит «стандартизированный» индивид, стать личностью-инноватором.

В обыденной жизни в ценностях видят в первую очередь нормативные функции. Как

следствие, для рядового обывателя ценностные элементы мировоззрения, подобно политиче- ским и правовым нормам, интерпретируются как *придуманные*. Однако для исследователя оче- видна институциональная природа возникнове- ния ценностно-мотивационного компонента личности, благодаря чему так органично компо- нуются базовые запросы социальной системы.

Возникает вопрос: возможно ли с позиций объективного подхода обосновать антицен- ностную суть насилия, всех видов деструктив- ного поведения (в отношении субъектности, природы, экономики и т.д.), в том числе и когда эти деструктивные процессы через благую цель оправдываются в массовом сознании [Внут- ских А.Ю. и др., 2017]? Ведь в наши дни, для которых в науке столь характерно отрицание истины, когда господствует мировоззренческий плюрализм, массовое сознание способно выда- вать любые эмпирические суждения значитель- ных групп индивидов за ценности. Действи- тельно, можно ли в строгом смысле считать ценностью то, что человек *ценит* и *называет* своей *ценностью*? К примеру, фашизм, арий- ская идеология, культура скинхедов имеют, к сожалению, немало приверженцев [Шнирель- ман В.А., 2011].

Технологизация общественных связей и деградация ценностей

Для ответа на этот вопрос придется избавиться от неясности значения категории «ценность» и функционального подхода с его описательно- стью при попытке поставить и решить пробле- му ценностей. Зачастую мы наблюдаем подме- ну ценностей целями. Но цели сами по себе от- личаются от средств лишь своей временной и пространственной «удаленностью». Цели все- гда достижимы; и если они и связаны со смыс- лом, то лишь частично. Упомянутую же выше хаотизацию следует отнести именно к реализа- ции *смысла* бытия, жизни, деятельности, но не к целям.

Интересы субъекта и ценности субъекта не одно и то же, т.к. не каждый интерес можно ха- рактеризовать как ценность. Предложим сле- дующий критерий различения: *созидание смысла* в оппозиции *разрушению смысла под знаком упорядочивания правил*. Созидание смысла и его практическое использование про- исходит в аксиологической практике коллек-

тивных и индивидуальных субъектов [Ермаков М.А., 2013]. Пропаганда «правильного» поведения под знаком ценностей с использованием для их навязывания *разрушения* традиций, обычаев, объективной необходимости общественного развития может осуществляться как государствами, так и другими влиятельными игроками. Эта пропаганда приводит сегодня к популяризации идеологии, предполагающей абсолютизацию индивидуалистических «ценностей». Такая реабилитация принципов эгоцентризма детерминирует нарастание дисфункциональности семейных, дружеских, корпоративных социальных практик и пр. Одним ярким примером такой реабилитации является транслирование и все большая распространенность в «развитых» странах позиции, трактующей рождение детей как эгоистичный, разрушающий природу и ресурсы проступок родителей. Другим примером является повсеместное выстраивание системы корпоративной культуры вокруг всеобъемлющего стремления к выгоде. При этом второе способствует усилению многомерных социальных противоречий и социальной дезинтеграции; первое — потенциально способно лишить человечество шанса эти противоречия разрешить хотя бы в будущем. И то, и другое есть следствие опоры на определенный порядок, на технологизацию отношений между людьми и социальными институтами. Какой же может быть альтернатива в развитии этих отношений?

Коммуникация и труд как проявление социальных связей-ценностей

Общий уровень моральной защиты социума от указанных негативных тенденций можно отследить по степени реализованной природно-социальной способности каждого человека к общению, к *коммуникации*. Сравнение ослабления и усиления способности к коммуникации, коррелирующие с ценностной настроенностью субъектов, позволяет увидеть, что сущность ценностей может быть представлена как *связи* человека с другими людьми, с природой, с социальными институтами. Всеобщая связь, отражаемая соответствующим принципом диалектики, объективна, а в обществе эта всеобщая обусловленность развития выступает в виде ценностных скреп.

Аналогичным образом можно рассматривать и материальное производство, интегрируемое законом стоимости (материалистическое понимание истории К. Маркса). Стоимость выступает в виде меры общественно необходимого всеобщего труда. Стоимость, переводимая как *value*, или ценность товара в англоязычных странах, *зачастую* сводится к пользе. Однако стоимость только тогда может выступать *универсальной* мерой труда, когда она служит *всем без исключения* участникам общественного производства, тогда как польза всегда относительна [Веретенникова Н.В. и др., 2015].

Главной производительной силой является человек с его способностями к труду, коммуникации, мышлению [Игнатьев М.Б. и др., 2019]. Это единственная материальная опора общества, не несущая в себе как таковой антагонистического разрыва. Раскол общества и отчуждение человека возникает из-за классового разделения. Поэтому акцент на технологических характеристиках в качестве якобы особо значимых для понимания и совершенствования общественных связей, скорее всего, является результатом определенной идеологической работы. В результате участники производства, основанного на отчужденном труде и соответствующей экономической коммуникации, отнимая у себя собственно человеческое измерение этих связей, вынуждены включаться в бесконечную конкурентную борьбу с другими «технизированными» индивидами и социальными группами.

Итак, объективные основания *ценностей* заложены в *общественно* значимом труде и в *общественно* значимой коммуникации субъектов. При этом способность к труду и коммуникации сформировались у человека в ходе антропосоциогенеза на самых ранних его этапах. В ходе их становления менялся и мозг гоминид [Поршнев Б.Ф., 1974; Оконская Н.К., Ермаков М.А., 2012; Оконская Н.К. и др., 2020], формируя функциональную асимметрию, отсутствующую даже у высших животных. Гоминиды как компоненты биогеоценоза начали задействовать собственные внутренние источники усложнения среды. Каждый индивид во все большей мере оказывается способным поступать как целое, как родовое существо — и тем самым параллельно хаотизировал форми-

рующийся социум, открывая новые способы взаимодействия с природой и себе подобными.

Объективными основаниями ценностей выступают связи. Материальные связи объективны, не нуждаются в осознании, служат фундаментом человеческого бытия. Идеальные связи формируются как осознанные, при этом ни одна духовная связь не может быть реализована средствами природной одаренности человека и общества без знаний, морали, свободы. И напротив, благодаря идеальным ценностям и природа людей может быть воссоздана и преумножена.

Заключение

Сегодня, в эпоху эрозии традиционных ценностей и глобализации, связи человека с другими людьми, обществом и природой не могут эффективно (в интересах развития всех этих начал) функционировать вне объективных критериев истины; вне свободы как осознанной необходимости; без любви как преодоления эгоизма [Поппер К., 1983; Поршнев Б.Ф., 1974; Пружинин Б.И. и др., 2017; Оконская Н.К. и др., 2020]. К сожалению, в противовес этим *смыслам* свобода продолжает пониматься как вседозволенность, любовь отождествляется с сексуальными техниками, а личность сводится к технизированному индивиду.

Вместе с тем, сегодня можно констатировать возможность создания практически бесконечного многообразия связей человека с другими людьми, обществом и природой. Прежде регуляторы поведения, состоящие из блоков запрета или повеления, носили гетерономный характер. Мораль находилась вне индивидуализации воли и совести субъекта, а потому вне автономности — лишь в стадии зарождения. В наши дни ситуация изменилась, и теперь только сам автономный субъект может, создавая все новые связи, создавать объективные основания для формирования ценностных систем, вырастающих из его собственного труда и мышления.

Итак, в основе роста духовных сил, состоящих из ценностных законов личности, лежат способности человека к труду, мышлению, коммуникации, которые делают субъекта сильным *хаотизатором*, способным свободно (т.е. через осознание и практическое использование необходимости) координировать связи каждого элемента социальных систем с каждым другим элементом.

Список литературы

- Брянник Н.В. Сравнительный анализ эпистемологических особенностей закона в классической, неклассической и постнеклассической науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863x/48/1>
- Веретенникова Н.В., Загвязинская Н.М., Куранова Н.А. Человеческий капитал: макроэкономический аспект исследования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1, № 2. С. 152–160.
- Внутских А.Ю., Оконская Н.К., Большаков Д.В. Выбор и ответственность личности в «обществе риска» // Социальные нормы в условиях современных рисков: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 18–19 мая 2017 г.). Западный: АнтроВита, 2017. С. 53–55.
- Ермаков М.А. Новая формация: бесклассовое общество, или информационный капитализм // Власть. 2013. № 9. С. 106–110.
- Игнатъев М.Б., Караваев Э.Ф., Орлов С.В. Синергетическая философия истории сегодня // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 205–209. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440005069-0>
- Малинецкий Г.Г. Постиндустриальный вызов и новая гуманитаристика: Взгляд на проблему человека и общества через призму самоорганизации. М.: Ленанд, 2024. 232 с.
- Оконская Н.К. Технизация человека в синергетическом аспекте // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2013. № 8. С. 72–82.
- Оконская Н.К., Брылина И.В., Симанова Н.А. Человеческий интеллект: парадоксы, загадки, перспективы развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 1(27). С. 32–41.
- Оконская Н.К., Ермаков М.А. Социальная дифференциация в науке и разрыв гуманитарных связей в обществе // Власть. 2012. № 12. С. 69–72.
- Оконская Н.К., Ермаков М.А., Резник О.А. Специфика методологии мышления в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 4(14). С. 14–23.
- Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы / пер. с англ. Л.В. Блинникова и др.; сост., общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 606 с.

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.

Пружинин Б.И., Апресян Р.Г., Артемьева О.В., Бакштановский В.И. и др. Мораль в современном мире и проблемы российской этики. Материалы конференции — «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 5–46.

Хакен Г. Синергетика: Принципы и основы. Перспективы и приложения: в 2 ч. / пер. с англ. В.И. Емельянова, В.О. Малышенко, Ю.А. Данилова. М.: Ленанд, 2015. 448 с. 432 с.

Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М.: Ленанд, 2021. 304 с.

Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма: в 2 т. Т. 2. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 856 с.

References

Bryanik, N.V. (2019). [The comparative analysis of epistemological distinctions between laws in classical, non-classical and post-non-classical science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 48, pp. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863x/48/1>

Chernavskiy, D.S. (2021). *Sinergetika i informatsiya. Dinamicheskaya teoriya informatsii* [Synergetics and information. Dynamic information theory]. Moscow: Lenand Publ., 304 p.

Ermakov, M.A. (2013). [The new formation: a classless society or an informational capitalism]. *Vlast'* [The Authority]. No. 9, pp. 106–110.

Haken, G. (2015). *Sinergetika: Printsipy i osnovy. Perspektivy i prilozheniya: v 2 ch.* [Synergetics: Introduction and advanced topics: in 2 parts]. Moscow: Lenand Publ., 448 p. 432 p.

Ignat'ev, M.B., Karavaev, E.F. and Orlov, S.V. (2019). [Synergetic philosophy of history today]. *Voprosy Filosofii*. No. 5, pp. 205–209. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440005069-0>

Malinetskiy, G.G. (2024). *Postindustrial'nyy vyzov i novaya gumanitaristika: Vzglyad na problemu cheloveka i obschestva cherez prizmu samoorganizatsii* [Post-industrial challenge and new humanities: A look at the problem of man and society through the prism of self-organization]. Moscow: Lenand Publ., 232 p.

Okonskaya, N.K. (2013). [Technicalization of individual in synergetic aspect]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 8, pp. 72–82.

Okonskaya, N.K., Brylina, I.V. and Simanova, N.A. (2020). [Human intelligence: paradoxes, riddles, development prospects]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 1(27), pp. 32–41.

Okonskaya, N.K. and Ermakov, M.A. (2012). [Social differentiation in science and the breakdown of humanitarian ties in society]. *Vlast'* [The Authority]. No. 12, pp. 69–72.

Okonskaya, N.K., Ermakov, M.A. and Reznik, O.A. (2016). [Methodology of thinking specifics in the information society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 4(14), pp. 14–23.

Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya: Izbrannye raboty* [Logic and the growth of scientific knowledge: Selected works]. Moscow: Progress Publ., 606 p.

Porshnev, B.F. (1974). *O nachale chelovecheskoy istorii (Problemy paleopsikhologii)* [On the beginning of human history (Problems of paleopsychology)]. Moscow: Mysl' Publ., 487 p.

Pruzhinin, B.I., Apreyan, R.G., Artem'eva, O.V., Bakshtanovskiy, V.I. et al. (2017). [Morality in the modern world and the problems of Russian ethics. Materials of the conference — Round table]. *Voprosy filosofii*. No. 10, pp. 5–46.

Schnirelmann, V.A. (2011). «Porog tolerantnosti»: *Ideologiya i praktika novogo rasizma: v 2 t. T. 2* [«The threshold of tolerance»: Ideology and practice of new racism: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 856 p.

Veretennikova, N.V., Zagvyazinskaya, N.M. and Kuranova, N.A. (2015). [Human capital: the macroeconomic aspect of study]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic and Law Research]. Vol. 1, no. 2, pp. 152–160.

Vnutskikh, A.Yu., Okonskaya, N.K. and Bol'shakov, D.V. (2017). [Personal choice and responsibility in the «risk society»]. *Sotsial'nye normy v usloviyakh sovremennykh riskov: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Chelyabinsk, 18–19 maya 2017 g.)* [Social norms in the context of modern risks: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, May 18–19, 2017)]. Zapadnyy: AntroVita Publ., pp. 53–55.

Об авторах

Оконская Наталия Камильевна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ResearcherID: AAS-2052-2021

Ермаков Михаил Александрович

кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой фундаментальных
и гуманитарных дисциплин

Образовательный центр в г. Когалым
(Когалымский филиал Пермского
национального исследовательского
политехнического университета),
628482, Ханты-Мансийский автономный округ –
Югра, Когалым, ул. Береговая, 100;
e-mail: sociovampire@mail.ru
ResearcherID: AED-3083-2022

About the authors

Natalia K. Okonskaya

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ResearcherID: AAS-2052-2021

Mikhail A. Ermakov

Candidate of Sociology,
Head of the Department of Fundamental
and Humanitarian Disciplines

Educational Center of Kogalym
(Kogalym branch of Perm National Research
Polytechnic University),
100, Beregovaya st., Kogalym, Khanty-Mansiysk
Autonomous Okrug – Yugra, 628482, Russia;
e-mail: sociovampire@mail.ru
ResearcherID: AED-3083-2022

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-216-228>

EDN: MVGMBM

Поступила: 13.04.2025

Принята: 02.06.2025

Опубликована: 03.07.2025

ЦЕННОСТИ И КОГНИТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ: ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ О СОЦИАЛЬНОЙ ЭВРИСТИКЕ

*Вихман Александр Александрович**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)*

В статье исследованы взаимосвязи ценностей (просоциальных и эгоистических) и склонности к рефлексивной/интуитивной обработке информации в юношеском возрасте. Основная цель исследования — проверка гипотезы о социальной эвристике, которая гласит о том, что рефлексия благоприятствует эгоизму, а интуиция связана с просоциальным поведением и сотрудничеством. Первая гипотеза: дефициты когнитивной рефлексии будут сопровождаться большим выбором ценностей заботы о людях и сохранения и меньшим выбором ценностей самоутверждения и открытости изменениям. Вторая гипотеза: дефициты когнитивной рефлексии связаны с просоциальными копинг-стратегиями. Третья гипотеза: позитивный просоциальный опыт, проявляющийся в предпочтении просоциальных копинг-стратегий, является фактором усиления положительных взаимосвязей просоциальных ценностей и интуитивного способа решения задач. Методологическую основу исследования составила теория дуального процесса мышления и теория базовых ценностей Ш. Шварца. В исследовании приняли участие 85 респондентов женского пола в возрасте от 17 до 25 лет ($M = 19,1$; $SD = 0,96$), обучающиеся в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Тестовая тетрадь респондента содержала три психодиагностических методики: тест когнитивной рефлексии (CRT-7 М. Топлак, Р. Вест, К. Станович в адаптации А.А. Вихмана), портретный ценностный опросник (Portrait Values Questionnaire – Revised, PVQ-R в адаптации Ш. Шварца, Т.П. Бутенко, Д.С. Седовой, А.С. Липатовой), а также опросник способов копинга (WCQ) на основе теории Р. Лазаруса и С. Фолкман, адаптированный на русский язык Е.В. Битюцкой. Корреляционный анализ выявил ограниченный набор достоверных связей когнитивной рефлексии (CRT-r), интуитивных ошибок (CRT-i) и ценностей просоциального плана, что в целом поддерживает гипотезу о социальной эвристике. Склонность при решении задач генерировать первый пришедший в голову интуитивный и неверный ответ связана с наличием выраженности ценностных ориентаций конформизма ($r = 0,284$; $p < 0,01$), традиций ($r = 0,273$; $p < 0,01$) и доброты ($r = 0,245$; $p < 0,05$). Единственная статистически достоверная положительная корреляционная связь между дефицитами когнитивной рефлексии (доля интуитивных ошибок в тесте CRT) с типами совладающего поведения обнаружена в случае с просоциальным копингом ($r = 0,199$; $p < 0,05$). Вместе с тем в группе респондентов с выраженным совладающим поведением, ориентированным на запрос помощи у окружения, фиксируются многочисленные связи просоциальных ценностей и интуитивных ошибок. В свою очередь, в группе девушек со сниженным просоциальным копингом нет ни одной достоверной корреляционной связи между ценностями и рефлексивными/интуитивными способами решения задач с интуитивными ловушками. По итогам исследования гипотезы эмпирически подтверждаются, что дает основание полагать о верности гипотезы о социальной эвристике. Интересно, что сформированный просоциальный копинг усиливает связь просоциальных ценностей и проявление интуитивного стиля решения когнитивных задач.

Ключевые слова: когнитивная рефлексия, социальная эвристика, ценности, совладающее поведение.

Для цитирования:

Вихман А.А. Ценности и когнитивная рефлексия: проверка гипотезы о социальной эвристике // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 216–228. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-216-228>. EDN: MVGMBM

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-216-228>

Received: 13.04.2025

Accepted: 02.06.2025

Published: 03.07.2025

VALUES AND COGNITIVE REFLECTION: VERIFYING THE SOCIAL HEURISTICS HYPOTHESIS

Aleksander A. Vikhman

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

The paper examines the correlations between values (prosocial and egoistic ones) and inclinations to reflective/intuitive processing of information in young people. The key purpose of the research is to verify the social heuristics hypothesis which declares that reflection promotes egoism, while intuition is associated with prosocial behavior and cooperation. The first hypothesis is that scarce cognitive reflection results in a wide choice of values associated with the concern for people and preservation and a narrow choice of values associated with self-affirmation and being open to changes. The second hypothesis states that deficits in cognitive reflection are connected with prosocial coping strategies. According to the third hypothesis, positive prosocial experience manifested in the preference for prosocial coping strategies is a factor in strengthening the positive relationship between prosocial values and intuitive problem solving. Methodologically, the study relies on dual process theory and the Schwartz theory of basic values. The study sampled 85 female students of Perm State Humanitarian-Pedagogical University aged from 17 to 25 ($M = 19.1$; $SD = 0.96$). The respondents' test books included three psychodiagnostic tests: Cognitive Reflection Test (CRT-7 by M. Toplak, R. West, K. Stanovich, adapted by A.A. Vikhman), Portrait Values Questionnaire – Revised (PVQ-R adapted by Sh. Schwartz, T.P. Butenko, D.S. Sedova, A.S. Lipatova), and Ways of Coping Questionnaire (WCQ) from R. Lazarus and S. Folkman, adapted into Russian by E.V. Bityutskaya. Correlation analysis revealed a set of reliable links in cognitive reflection (CRT-r), intuitive mistakes (CRT-i), and prosocial values. This generally supports the social heuristics hypothesis. The manifested values of conformism ($r = 0.284$; $p < 0.01$), traditions ($r = 0.273$; $p < 0.01$), and kindness ($r = 0.245$; $p < 0.05$) are associated with the inclination to generate an intuitive and wrong answer that first comes to mind. Prosocial coping showed the only statistically reliable positive correlational link between scarce cognitive reflection (a share of intuitive mistakes in CRT) and the types of coping behavior ($r = 0.199$; $p < 0.05$). Along with that, respondents with manifested coping behavior, these tending to ask others for help, develop multiple correlations between prosocial values and intuitive mistakes. On the other hand, females with lower prosocial coping showed no reliable correlation between the values and reflective/intuitive solutions for problems with intuitive traps. The study illustrates that the hypotheses are empirically supported, which, in turn, proves the validity of the social heuristics hypothesis. It is important that developed prosocial coping enhances the correlation between prosocial values and intuitive behavior patterns in solving cognitive problems.

Keywords: cognitive reflection, social heuristics, values, coping behavior.

To cite:

Vikhman A.A. [Values and cognitive reflection: verifying the social heuristics hypothesis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 216–228 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-216-228>, EDN: MVGMBM

Введение

Вопрос о когнитивных основаниях социального поведения человека остается актуальным и далеким от однозначного ответа на данный момент. Человек часто попадает в различные социальные дилеммы, которые ставят его перед мотивационным конфликтом между выбором действий, основанных на личных интересах или связанных с заботой о других. Напряжение между индивидуальными и коллективными интересами и создает социальную дилемму. Наиболее популярный подход к изучению социальных дилемм реализуется в когнитивной психологии при использовании игр со смешанными мотивами (например, игра «Дилемма заключенного» (Prisoner's Dilemma) и игровая задача Айова (Iowa Gambling Task)) [Пустовик В.А. и др., 2024]. В данных играх участники выбирают между кооперативными (характеризующимися просоциальным выбором) и некооперативными (характеризующимися эгоистичным выбором) альтернативами.

Вместе с тем за любым поведением кроется иерархия ценностей, выстроенная на основе личного опыта конкретного индивида. В зависимости от системы ценностей будет чаще проявляться или просоциальное, или эгоистическое поведение. Иерархия ценностей мотивирует выбор определенного поведения, оправдывает поведение в прошлом, позволяет оценить поведение других людей. Исходя из этого, наряду с подходом с использованием диагностических игр, актуальным остается традиционный для психологии личности количественный корреляционный подход по изучению связи ценностных основ просоциального/эгоистического поведения и особенностей работы мышления.

Один из обсуждаемых научных вопросов, связанных с социальными дилеммами, звучит так: является ли человеческое просоциальное поведение (в отличие от эгоистичного) результатом интуиции или же рефлексии [Moore D.A., Loewenstein G., 2004; Zaki J., Mitchell J.P., 2013]. Другими словами, являются ли автоматические интуитивные реакции по природе эгоистичными, а альтруистические тенденции требующими рефлексивного самоконтроля или наоборот [Rand D.G. et al., 2016; Li D. et al., 2024]? Кратко данный вопрос можно обозначить как проблему соотношения интуитивного/рефлексивного и эгоистичного/альтруистичного. Поиск ответа на данный вопрос приближает нас к пониманию

мотивов и механизмов сотрудничества и коллективного принятия решений, что вносит свой вклад в развитие конфликтологии и психологии принятия решений.

В этом ключе известна дискуссия о соотношении рациональности и эгоизма, которая предполагает два противоположных взгляда [Ponti G., Rodriguez-Lara I., 2015]. С одной стороны, представлена неodarвинистская точка зрения, которая отождествляет рациональность с эгоизмом, а альтруизм считает пагубным, поскольку он снижает приспособленность одного человека, одновременно повышая приспособленность других [Dawkins R., 1976]. С другой стороны, представлен взгляд «слишком умный, чтобы быть эгоистичным», который подчеркивает долгосрочные преимущества альтруизма и возможную связь просоциального поведения и интеллекта [Simon H.A., 1993].

Новый импульс в изучении когнитивных оснований социальных дилемм дает теория дуального процесса мышления, которая предполагает наличие двух последовательных процессов мышления: быстрого интуитивного (Система 1) и медленного аналитического (Система 2) [Evans J.St.B.T., 2003; Stanovich K.E., 2010; Ponti G., Rodriguez-Lara I., 2015]. Первая Система проявляется в спонтанных, мгновенных решениях без усилий, а вторая Система — в мотивированных и рефлексивных решениях, требующих соблюдения правил и когнитивных усилий [Stanovich K.E., West R., 2002]. Данная модель различает интуицию и рефлексию как два основных «когнитивных стиля», т.е. как два основных типа ментальных процессов, используемых при принятии решений [Goeschl T., Lohse J., 2018]. Считается, что люди склонны при решении проблем использовать быструю и экономную интуитивную систему в ущерб медленной и энергозатратной аналитической системе, т.к. последняя требует использования больших когнитивных ресурсов [Stanovich K.E., 2010]. Польза данной теории в том, что она наглядно демонстрирует неоднородность процесса принятия решений на внутрииндивидуальном уровне, показывая взаимодействие интуитивных и рефлексивных процессов в сознании человека, принимающего решения.

Есть данные о том, что люди систематически отличаются склонностью к интуитивному/рефлексивному мышлению. Для измерения индивидуальных различий в склонности и спо-

способности к Системе 1 или Системе 2 психологи разработали как самооценочные опросники на рефлексивное мышление (например, NFC [Epstein S. et al., 1996], REI [Pacini R., Epstein S., 1999], SRIS [Grant A.M. et al., 2002]), так и специальный тест достижений когнитивной рефлексии (CRT), представленный Ш. Фредериком в 2005 г. [Frederick Sh., 2005]. Когнитивная рефлексия в нем понимается как индивидуальная способность преодолевать первый импульсивный ответ, который предлагает мышление, и дальше способность активизировать рефлексивные механизмы, которые позволяют найти правильный ответ [Frederick Sh., 2005]. Ответы на тест когнитивной рефлексии являются достаточно надежным показателем склонности людей принимать интуитивные решения по сравнению с рефлексивными и наоборот [Torpak M.E. et al., 2011].

Возвращаясь к вопросу соотношения интуитивного/рефлексивного и эгоистичного/альтруистичного, стоит отметить, что теория дуального процесса мышления и методология ее изучения позволяет экспериментально изучить когнитивную сторону просоциальности и лежащих в ее основе ценностей [Rand D.G. et al., 2014]. Схожим образом теория дуального процесса мышления и конкретно тест когнитивной рефлексии внесли вклад в изучение когнитивных основ религиозности [Pennycook G. et al., 2012; Shenhav A. et al., 2012].

В вопросе соотношения интуитивного/рефлексивного и эгоистичного/альтруистичного известна дискуссия о существовании так называемой социальной эвристики. Гипотеза о социальной эвристике гласит, что рефлексия благоприятствует эгоизму, а интуиция связана с просоциальным поведением и сотрудничеством [Rand D.G. et al., 2014; Rand D.G., Kraft-Todd G.T., 2014; Evans A.M. et al., 2015]. Происходит это потому, что стратегии, которые демонстрируют успех в повседневной жизни, в дальнейшем автоматизируются как интуиция, а рефлексия заставляет участников приспосабливаться к личной стратегии в конкретной ситуации. Теория социальной эвристики основывается, с одной стороны, на теории интернализации социальных норм в автоматические диспозиции, а с другой стороны, на постулаты теории дуального процесса мышления, в рамках которой выделяются интуитивные и рефлексивные процессы мышления. Формирование социальной эври-

стики (или интуитивного просоциального поведения) происходит в процессе усвоения людьми стратегий, которые обычно выгодны и успешны в их повседневных социальных взаимодействиях и которые автоматически распространяют на все остальные решения. Более рефлексивные, обдуманные процессы могут затем переопределять эти универсальные автоматические ответы, заставляя человека менять свое поведение в сторону эгоистического поведения, которое является наиболее выгодным. Другими словами, сотрудничество обычно выгодно в повседневной жизни, что приводит к формированию обобщенных кооперативных интуиций, а рефлексия, напротив, корректирует поведение в сторону оптимума для конкретной ситуации. Интернализированный позитивный и негативный опыт может проявляться в выборе зрелых, негативных и просоциальных копинг-стратегий при столкновении с трудностями. В связи с этим актуально изучать связь интуитивности и устойчивого стиля совладающего поведения.

С одной стороны, исследовательская программа по этой теме определила сотрудничество как интуитивный ответ в анонимных одноразовых экспериментах с социальной дилеммой, с дальнейшим размышлением, ведущим к более эгоистичному выбору [Rand D.G. et al., 2014; Rand D.G., Kraft-Todd G.T., 2014; Evans A.M. et al., 2015; Capraro V., Cococcioni G., 2015].

С другой стороны, часть эмпирических исследований не согласуются с идеей спонтанной просоциальности и расчетливого эгоизма [Tingho G. et al., 2013; Corgnet B. et al., 2015; Goeschl T., Lohse J., 2018]. Многие авторы отмечают методологические трудности в самой процедуре эмпирического исследования социальной эвристики [Kvarven A. et al., 2020]. Корне с коллегами, используя тест когнитивной рефлексии и методологию игр со смешанными мотивами, обнаружили, что люди с более рефлексивным когнитивным стилем решения задач с большей вероятностью будут делать выбор, соответствующий «мягкому» альтруизму в простых нестратегических решениях. Такой выбор увеличивает социальное благосостояние, способствуя выигрышу другого человека при очень низких или нулевых затратах для человека. В свою очередь дефицит когнитивной рефлексии с большей вероятностью был связан либо с эгалитарными, либо с злобными мотивами [Corgnet B. et al., 2015].

Противоречия в обсуждаемых исследованиях могут объясняться тем, что просоциальное поведение может основываться как на интернализированном опыте, так и на устойчивых личностных ценностях [Rand D.G. et al., 2014]. Кроме того, интернализированный опыт человека может быть и негативным. Субъекты, чьи интуиции были сформированы в жизненных контекстах, где сотрудничество и поддержка не поощрялись, будут интернализировать эгоистичные выборы как интуитивную реакцию по умолчанию. Таким образом, интуитивность или рефлексивность будет связана с рано усвоенными социальными нормами и ценностями.

Цель и гипотезы статьи. Исходя из анализа литературы, выявляется дефицит в научных данных о связи ценностей, просоциальных и эгоистических, с одной стороны, и склонностей к рефлексивной или интуитивной обработке информации в рамках дуальной теории мышления — с другой. Таким образом, целью данной статьи является выявление связи когнитивной рефлексии и ценностей. Дополнительные данные о такой связи могут внести вклад в дискуссию о соотношении интуитивного/рефлексивного и эгоистичного/альтруистичного.

Гипотезы исследования:

Первая гипотеза. Если гипотеза о социальной эвристике верна, то податливость к интуитивным ловушкам должна сопровождаться выбором ценностей универсализма. В связи с этим первая гипотеза нашего исследования — дефициты когнитивной рефлексии будут сопровождаться большим выбором ценностей заботы о людях и сохранения и меньшим выбором ценностей самоутверждения и открытости изменениям, по Ш. Шварцу.

Вторая гипотеза. Интернализированный позитивный опыт может проявляться в выборе просоциальных копинг-стратегий при столкновении с трудностями. В связи с этим вторая гипотеза предполагает, что дефициты когнитивной рефлексии связаны с просоциальными копинг-стратегиями.

Третья гипотеза предполагает, что позитивный просоциальный опыт, проявляющийся в предпочтении просоциальных копинг-стратегий, является фактором усиления положительных взаимосвязей просоциальных ценностей и интуитивного способа решения задач. Проверка данного предположения может продемонстрировать, что негативный интернали-

зованный опыт может изменять механизм социальной эвристики.

Методология (материалы и методы)

В исследовании приняли участие 85 респондентов женского пола в возрасте от 17 до 25 лет ($M = 19,1$; $SD = 0,96$), обучающиеся в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете на филологическом факультете и факультете иностранных языков. Исследование проходило в начале 2023 г. в очном формате в учебных аудиториях в присутствии психолога-диагноста.

Тестовая тетрадь респондента содержала три психодиагностических методики.

Диагностика когнитивной рефлексии и склонности выбирать интуитивные ошибки осуществлялась с помощью комплекта заданий с интуитивными ловушками — CRT-7. Фиксировались четыре варианта оценок когнитивной рефлексии и ее дефицитов: количество правильных ответов (CRT-r), количество выбранных интуитивных ошибок (CRT-i), доля интуитивных ошибок среди всех неправильных ответов (CRT-PI), сумма неверных интуитивно непривлекательных ответов (CRT-n). Валидность и надежность используемого комплекта заданий когнитивной рефлексии была доказана в предыдущем исследовании [Вихман А.А., 2025].

С целью диагностики выраженности ценностных ориентаций применялась методика «Портретный ценностный опросник – Пересмотренный» Ш. Шварца (Portrait Values Questionnaire – Revised, PVQ-R в адаптации Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова [Шварц Ш. и др., 2012]). Данная методика определяет 10 ценностей или мотивационных направленностей человека: саморегуляция, стимулирование, гедонизм, достижение, власть, безопасность, конформность, традиция, благожелательность, универсализм. Они проявляются на двух основных уровнях: как нормативные идеалы и как индивидуальные приоритеты.

Для диагностики совладающего поведения использовался опросник способов копинга (WCQ) на основе теории Р. Лазаруса и С. Фолкман, адаптированный на русский язык Е.В. Битюцкой [Битюцкая Е.В., 2015]. Шкалы методики: планомерное решение проблемы, обращение за поддержкой к социальному окружению, позитивная переоценка, противо-

стояние, самоконтроль, самообвинение, фантазирование и надежда на внешние силы, дистанцирование, уход и избегание.

Дескриптивная статистика и корреляционный анализ выполнялся с помощью программы Jamovi.Version 2.5.

Результаты

На первом этапе эмпирического исследования была получена дескриптивная статистика по четырем шкалам когнитивной рефлексии и ее дефицитов (табл. 1).

Таблица 1. Дескриптивная статистика когнитивной рефлексии/интуитивных ошибок

Table 1. Descriptive statistics of cognitive reflection/intuitive errors

	Среднее	Медиана	SD	Шapiro–Уилк	
				W	p
Когнитивная рефлексия (CRT-r)	2,91	2	1,8	0,831	<0,001
Интуитивные ошибки (CRT-i)	3,42	4	1,53	0,919	<0,001
Не интуитивные ошибки (CRT-n)	1,5	2	0,93	0,878	<0,001
Доля интуитивных ошибок (CRT-PI)	0,69	0,71	0,2	0,947	0,003

Анализ средних значений и медиан показывает, что наиболее популярный ответ для респондентов данного исследования — интуитивный, но неверный ответ (среднее 3,4; медиана 4). В среднем половина ответов на тест когнитивной рефлексии — это интуитивные ловушки. На втором месте по популярности — правильные ответы (среднее 2,9; медиана 2). И на третьем месте по популярности — не интуитивные ошибки (среднее 1,5; медиана 2). Доля интуитивных ошибок среди всех неверных ответов больше половины (среднее 0,69; медиана 0,71). Среднее значение правильных ответов теста когнитивной рефлексии низкое — только 2,91 из 7 возможных. В целом результаты дескриптивной статистики когнитивной рефлексии свидетельствует о соответствии диагностических материалов требованиям к заданиям с интуитивными ловушками. Задачи на когнитивную рефлексия отличаются от обычных когнитивных заданий наличием привлекательной

интуитивной реакции, которую выбирают большинство респондентов, что и демонстрируется в нашем исследовании.

Все четыре шкалы когнитивной рефлексии и ее дефицитов распределяются не нормально, что видно из высокой степени значимости показателя W Шапиро–Уилка. Учитывая данный факт, в дальнейшем использовалась непараметрическая статистика.

Для проверки первой гипотезы о связи дефицитов когнитивной рефлексии и просоциальных ценностей был проведен непараметрический ранговый корреляционный анализ по Спирмену (табл. 2). К просоциальным ценностям можно отнести ценности по модели Ш. Шварца из областей заботы о людях и природе (универсализм, доброта) и сохранения (конформизм, традиции, безопасность). К эгоистичным ценностям соответственно относятся ценности из области самоутверждения (власть, достижения, гедонизм).

Таблица 2. Корреляционные связи когнитивной рефлексии и ценностей на выборке девушек юношеского возраста (n = 85)

Table 2. Correlations between cognitive reflection and values in a sample of adolescent girls (n = 85)

		Интуитивные ошибки CRT-i	Доля интуитивных ошибок CRT-PI	Когнитивная рефлексия CRT-r
Забота о людях и природе	Универсализм	0,168	-0,033	-0,159
	Доброта	0,245*	0,091	-0,153
Сохранение	Конформизм	0,284**	0,120	-0,244*
	Традиции	0,273**	0,095	-0,194*
	Безопасность	0,178	0,051	-0,112
Самоутверждение	Власть	0,098	-0,028	0,025
	Достижения	0,113	0,051	-0,047
	Гедонизм	0,063	0,079	0,010
Открытость изменениям	Стимуляция	0,064	0,026	-0,028
	Самостоятельность	0,135	-0,040	-0,111

Примечание/Note: *— $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Из 30 возможных корреляций между ценностями и когнитивной рефлексией только 5 оказались статистически достоверными. Склонность к интуитивным ошибкам при решении теста когнитивной рефлексии сопровождается высокими значениями некоторых просоциальных ценностей — конформизма, традиций и доброты. Успешное решение теста сопровождается снижением у девушек юношеского возраста

ценностей конформизма и традиций. Наиболее сильная положительная линейная корреляционная связь дефицита когнитивной рефлексии наблюдается с ценностью конформизма.

Для проверки второй гипотезы о том, что дефициты когнитивной рефлексии связаны с просоциальными копинг-стратегиями, был проведен непараметрический корреляционный анализ на общей выборке (табл. 3).

Таблица 3. Корреляционные связи когнитивной рефлексии и копинг-стратегиями на выборке девушек юношеского возраста ($n = 85$)

Table 3. Correlations between cognitive reflection and coping strategies in a sample of adolescent girls ($n = 85$)

		Интуитивные ошибки CRT-i	Доля интуитивных ошибок CRT-PI	Когнитивная рефлексия CRT-r
Проблемно-ориентированный копинг	Планомерное решение проблемы	0,018	0,142	0,002
	Обращение за поддержкой к социальному окружению	0,156	0,199*	-0,082
	Позитивная переоценка	-0,001	-0,024	-0,133
	Противостояние	-0,032	0,090	0,009
Эмоционально-ориентированный копинг	Самоконтроль	-0,085	-0,006	0,141
	Самообвинение	0,065	0,104	-0,011
	Фантазирование и надежда на высшие силы	-0,166	-0,099	0,108
	Дистанцирование	-0,134	-0,171	-0,103
	Уход, избегание	-0,116	-0,127	0,081

Примечание/Note: * — $p < 0,05$.

Непараметрический корреляционный анализ показал, что между шкалами когнитивной рефлексии и различными копинг-стратегиями проявляется лишь одна статистически достоверная взаимосвязь. Просоциальный способ преодоления трудностей, выражающийся в обращении за поддержкой к социальному окружению, положительно связан с долей интуитивных ошибок по результатам теста когнитивной рефлексии. Учитывая, что только доля интуитивных ошибок достоверно связана с просоциальным копингом, следует констатировать, что вторая гипотеза лишь частично подтверждается. Также необходимо отметить низкую степень статистической значимости единственной неслучайной корреляционной связи.

Для проверки третьей гипотезы о том, что позитивный просоциальный опыт, проявляющийся в предпочтении просоциальных копинг-стратегий, является фактором усиления положительных взаимосвязей просоциальных ценностей и интуитивного способа решения задач, был проведен непараметрический корреляционный анализ с учетом разделения выборки на группы респондентов с разным преобладанием копинга. С помощью процедуры кластерного анализа (k-means) экспериментальная выборка была поделена на два кластера: респонденты с повышенным уровнем просоциального копинга ($n = 40$) и респонденты с пониженным уровнем просоциального копинга ($n = 45$). После этого в каждой из групп проведен непараметрический корреляционный анализ по Спирмену между шкалами когнитивной рефлексии и ценностями (табл. 4).

Корреляционный анализ показывает, что достоверные связи между интуитивностью в решениях и ценностях проявляются только в группе девушек, отмечающих у себя просоциальный копинг (склонность при возникновении проблем обращаться к окружению за поддержкой). Выявлено 5 достоверных положительных корреляционных связей склонности к интуитивным ошибкам с просоциальными ценностями: конформизм, традиции, безопасность, доброта и универсализм. Дополнительно выявлена

одна положительная связь интуитивных ошибок с ценностью стимуляции (стремление к новизне и глубоким переживаниям). Когнитивная рефлексия отрицательно связана с ценностью универсализма и конформизма в группе девушек с выраженным просоциальным копингом.

Характерно, что в группе девушек со сниженным просоциальным копингом нет ни одной достоверной корреляционной связи между ценностями и рефлексивными/интуитивными способами решения задач с интуитивными ловушками.

Таблица 4. Корреляционные связи между когнитивной рефлексией и ценностями на выборках респондентов с разным уровнем просоциального копинга

Table 4. Correlations between cognitive reflection and values in samples of respondents with different levels of prosocial coping

	Группа респондентов с повышенным просоциальным копингом (n = 40)			Группа респондентов с сниженным просоциальным копингом (n = 45)		
	Интуитивные ошибки (CRT-i)	Доля интуитивных ошибок (CRT-PI)	Когнитивная рефлексия (CRT-r)	Интуитивные ошибки (CRT-i)	Доля интуитивных ошибок (CRT-PI)	Когнитивная рефлексия (CRT-r)
Универсализм	0,375*	0,021	-0,359*	-0,038	-0,029	0,069
Доброта	0,474**	0,147	-0,216	0,054	-0,005	-0,060
Конформизм	0,553***	0,366*	-0,384*	0,121	-0,034	-0,129
Традиции	0,496**	0,263	-0,243	0,246	0,026	-0,208
Безопасность	0,474**	0,260	-0,224	-0,020	-0,101	0,020
Власть	0,057	0,097	-0,080	-0,050	0,136	0,089
Достижения	0,276	0,174	-0,134	0,039	-0,018	-0,013
Гедонизм	0,312	0,192	-0,192	-0,143	-0,064	0,194
Самостоятельность	0,296	-0,060	-0,232	0,017	0,025	0,000
Стимуляция	0,400*	0,212	-0,254	-0,201	-0,027	0,167

Примечание/Note: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

Обсуждение

Прежде всего обращает на себя внимание факт малого количества достоверных корреляционных связей между когнитивной рефлексией и ценностями у респондентов.

Вместе с тем обнаруженный ограниченный набор достоверных связей когнитивной рефлексии/интуитивных ошибок (CRT-r; CRT-i) и ценностей поддерживает гипотезу о социальной эвристике. Интуиция связана с просоциальным поведением и сотрудничеством. Наиболее сильный ценностный коррелят интуитивного стиля мышления — конформизм. Определяющая мотивационная цель конформизма — сдерживание и предотвращение действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствовать социальным ожиданиям [Ценности и поведение..., 2022]. Данная ценность является производной от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия (посредством послушания, самодисциплины, вежливости, уважения к родителям и старшим).

Вторая по степени статистической значимости корреляция интуитивного стиля мышле-

ния — ценность традиций. Традиционный способ поведения становится символом групповой солидарности, выражением единых ценностей. Мотивационная цель данной ценности — уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность), и следование им. В некотором смысле принятие решений с дефицитом рефлексивной регуляции можно назвать традиционным способом, который в первую очередь формируется в онтогенезе человека.

В этой же логике может интерпретироваться единственная статистически достоверная положительная корреляционная связь между дефицитами когнитивной рефлексии (доля интуитивных ошибок в тесте CRT) и просоциальным копингом (обращение за поддержкой к социальному окружению).

Следует отметить, что, согласно гипотезе о социальной эвристике, рефлексия должна благоприятствовать эгоизму [Rand D.G. et al., 2014], т.е. стоило ожидать достоверных связей между успешностью выполнения теста когнитивной рефлексии и ценностями самоутверждения по Ш. Шварцу. Однако ни одной такой

достоверной связи обнаружено не было. Более того, видна любопытная тенденция — все выявленные корреляции (вне зависимости от статистической достоверности) ценностей с интуитивными ошибки положительные, а корреляции ценностей с когнитивной рефлексией — отрицательные. Может ли это свидетельствовать о том, что рефлексивные респонденты менее склонны отмечать у себя наличие ценностей в принципе?

В итоге следует отметить, что фактические данные этого исследования согласуются с исследованиями о связи консерватизма и дефицитов когнитивной рефлексии. Дефицит когнитивной рефлексии связан с консервативными политическими убеждениями и взглядами [Deppe K.D. et al., 2015; Pennycook G., Rand D.G., 2019], а также консервативными моральными суждениями, основанными на эмоциях и прямолинейной интерпретации ненормативных поступков людей без последствий [Paxton J.M. et al., 2012; Pennycook G. et al., 2014; Baron J. et al., 2015].

Для проверки гипотезы о том, что дефициты когнитивной рефлексии связаны с просоциальными копинг-стратегиями, необходимо дополнительное исследование на большей выборке.

Третья гипотеза нашего исследования нашла свое эмпирическое подтверждение — предпочтение просоциальных копинг-стратегий является фактором усиления положительных взаимосвязей просоциальных ценностей и интуитивного способа решения когнитивных задач с интуитивными ловушками. Все просоциальные ценности связаны со склонностью к интуитивным ошибкам у девушек, склонных к обращению за поддержкой к социальному окружению при возникновении проблем. Положительный опыт социальной поддержки, необходимый для формирования просоциального копинга, возможно, усиливает социальную эвристику. Это может объяснять противоречивые данные в эмпирических исследованиях социальной эвристики, обсуждаемые в теоретической части данной статьи.

Ограничения

Следует обозначить, что для данного исследования существует много ограничений.

Во-первых, представленное корреляционное исследование реализовано на ограниченной выборке респондентов ($n = 85$). Кроме того, ре-

спонденты исследования — только девушки от 17 до 25 лет. Вероятно, эти два факта провоцируют ошибку второго рода, когда связь ценностей и интуитивного/рефлексивного реагирования на задачи с интуитивными ловушками ложно отрицается. Для проверки этого предположения нужно расширить выборку исследования и ее гендерный состав.

Во-вторых, авторы исследований когнитивной рефлексии отмечают сильное влияние интеллектуальных способностей и способностей к математическому счету на успешность выполнения невербального теста когнитивной рефлексии [Blacksmith N. et al., 2019]. Возможно, этим влиянием может объясняться факт отсутствия достоверных корреляций шкалы «доля интуитивных ошибок CRT-PI». Сама эта шкала была предложена для косвенного контроля когнитивных способностей при интуитивных реакциях на тест когнитивной рефлексии.

В-третьих, отрицательные результаты исследования, больше поддерживающие нулевую гипотезу об ограниченности связи интуитивности/рефлексивности и ценностей, являются следствием различий в формате диагностики феноменов. Если тесты ценностей и копинг-стратегий — это самооценочные опросники, то тест когнитивной рефлексии — это тест достижений с интуитивными ловушками. Как сказывается разность форматов диагностических процедур на статистическую проверку гипотез? Дополнительно следует отметить, что гипотеза социальной эвристики проверялась при использовании игр со смешанными мотивами. В дальнейших исследованиях социальной эвристики и связи интуитивности и ценностей необходима интеграция трех форматов исследования: игры, тесты достижений и самооценочные опросники.

Список литературы

- Битюцкая Е.В. Опросник способов копинга: метод. пособие. М.: Изд-во МГОУ, 2015. 80 с.
- Вихман А.А. Психометрическая проверка теста когнитивной рефлексии на русскоязычной выборке студентов // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2025. № 1. С. 84–92. DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2025.1.84-92>
- Пустовик В.А., Храмцова Л.М., Куликова С.П., Яйлы М. Склонность к риску при решении социальной дилеммы в условиях коллективного взаимодействия // Сибирский психологический журнал. 2024. № 93. С. 114–129. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/93/7>

Ценности и поведение: Кросс-культурный подход / под ред. С. Рокас, Л. Сагив; пер. с англ. О.В. Панасьевой. Харьков: Гуманит. центр, 2022. 332 с.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Луна-това А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.

Baron J., Scott S., Fincher K., Emlen Metz S. Why does the Cognitive Reflection Test (sometimes) predict utilitarian moral judgment (and other things)? // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2015. Vol. 4, iss. 3. P. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2014.09.003>

Blacksmith N., Yang Y., Behrend T.S., Ruark G.A. Assessing the validity of inferences from scores on the cognitive reflection test // Journal of Behavioral Decision Making. 2019. Vol. 32, iss. 5. P. 599–612. DOI: <https://doi.org/10.1002/bdm.2133>

Capraro V., Cococcioni G. Social setting, intuition and experience in laboratory experiments interact to shape cooperative decision-making // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2015. Vol. 282, iss. 1811. P. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.1098/rspb.2015.0237>

Corgnet B., Espín A.M., Hernán-González R. The cognitive basis of social behavior: cognitive reflection overrides antisocial but not always prosocial motives // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2015. Vol. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/behavioral-neuroscience/articles/10.3389/fnbeh.2015.00287/pdf> (accessed: 23.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2015.00287>

Dawkins R. The Selfish Gene. N.Y.: Oxford University Press, 1976. 384 p.

Deppe K.D., Gonzalez F.J., Neiman J.L., Jacobs C., Pahlke J., Smith K.B., Hibbing J.R. Reflective liberals and intuitive conservatives: A look at the Cognitive Reflection Test and ideology // Judgment and Decision Making. 2015. Vol. 10, iss. 4. P. 314–331. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1930297500005131>

Epstein S., Pacini R., Denes-Raj V., Heier H. Individual differences in intuitive–experiential and analytical–rational thinking styles // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71, iss. 2. P. 390–405. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.390>

Evans A.M., Dillon K.D., Rand D.G. Fast but not intuitive, slow but not reflective: Decision conflict drives reaction times in social dilemmas // Journal of Experimental Psychology: General. 2015. Vol. 144, iss. 5. P. 951–966. DOI: <https://doi.org/10.1037/xge0000107>

Evans J.St.B.T. In two minds: dual-process accounts of reasoning // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7, iss. 10. P. 454–459. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2003.08.012>

Frederick Sh. Cognitive reflection and decision making // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19, no. 4. P. 25–42. DOI: <https://doi.org/10.1257/089533005775196732>

Goeschl T., Lohse J. Cooperation in public good games. Calculated or confused? // European Economic Review. 2018. Vol. 107. P. 185–203. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2018.05.007>

Grant A.M., Franklin J., Langford P. The Self-Reflection and Insight Scale: A new measure of private self-consciousness // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2002. Vol. 30, no. 8. P. 821–835. DOI: <https://doi.org/10.2224/sbp.2002.30.8.821>

Kvarven A., Strømland E., Wollbrant C., Andersson D., Johannesson M., Tinghög G., Västfjäll D., Myrseth K.O.R. The intuitive cooperation hypothesis revisited: a meta-analytic examination of effect size and between-study heterogeneity // Journal of the Economic Science Association. 2020. Vol. 6, iss. 1. P. 26–42. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40881-020-00084-3>

Li D., Wang J., Ao M. Numerical cognitive reflection, but not verbal cognitive reflection, moderates the association between trait anxiety and affective decision-making // Journal of Behavioral Decision Making. 2024. Vol. 37, iss. 1. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/bdm.2359> (accessed: 12.03.2025). DOI: <https://doi.org/10.1002/bdm.2359>

Moore D.A., Loewenstein G. Self-interest, automaticity, and the psychology of conflict of interest // Social Justice Research. 2004. Vol. 17, iss. 2. P. 189–202. DOI: <https://doi.org/10.1023/b:sore.0000027409.88372.b4>

Pacini R., Epstein S. The relation of rational and experiential information processing styles to personality, basic beliefs, and the ratio-bias phenomenon // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76, iss. 6. P. 972–987. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.6.972>

Paxton J.M., Ungar L., Greene J.D. Reflection and reasoning in moral judgment // Cognitive Science. 2012. Vol. 36, iss. 1. P. 163–177. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2011.01210.x>

Pennycook G., Cheyne J.A., Barr N., Koehler D.J., Fugelsang J.A. The role of analytic thinking in moral judgements and values // Thinking & Reasoning. 2014. Vol. 20, iss. 2. P. 188–214. DOI: <https://doi.org/10.1080/13546783.2013.865000>

Pennycook G., Cheyne J.A., Seli P., Koehler D.J., Fugelsang J.A. Analytic cognitive style predicts religious and paranormal belief // *Cognition*. 2012. Vol. 123, iss. 3. P. 335–346. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.03.003>

Pennycook G., Rand D.G. Lazy, not biased: Susceptibility to partisan fake news is better explained by lack of reasoning than by motivated reasoning // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.06.011>

Ponti G., Rodriguez-Lara I. Social preferences and cognitive reflection: evidence from a dictator game experiment // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 2015. Vol. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/behavioral-neuroscience/articles/10.3389/fnbeh.2015.00146/pdf> (accessed: 23.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2015.00146>

Rand D.G., Brescoll V.L., Everett J.A.C., Capraro V., Barcelo H. Social heuristics and social roles: Intuition favors altruism for women but not for men // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2016. Vol. 145, iss. 4. P. 389–396. DOI: <https://doi.org/10.1037/xge0000154>

Rand D.G., Kraft-Todd G.T. Reflection does not undermine self-interested prosociality // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 2014. Vol. 8. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/behavioral-neuroscience/articles/10.3389/fnbeh.2014.00300/pdf> (accessed: 23.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2014.00300>

Rand D.G., Peysakhovich A., Kraft-Todd G.T., Newman G.E., Wurzbacher O., Nowak M.A., Greene G.D. Social heuristics shape intuitive cooperation // *Nature Communications*. 2014. Vol. 5. URL: <https://www.nature.com/articles/ncomms4677.pdf> (accessed: 12.03.2025). DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms4677>

Shenhav A., Rand D.G., Greene J.D. Divine intuition: Cognitive style influences belief in God // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2012. Vol. 141, iss. 3. P. 423–428. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0025391>

Simon H.A. Altruism and economics // *American Economic Review*. 1993. Vol. 83, iss. 2. P. 156–161.

Stanovich K.E. *Rationality and the reflective mind*. N.Y.: Oxford University Press, 2010. 344 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195341140.001.0001>

Stanovich K.E., West R.F. Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Heuristics & biases: The psychology of intuitive judgment* / ed. by T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman. N.Y.: Cambridge University Press,

2002. P. 421–440. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511808098.026>

Tinghög G., Andersson D., Bonn C., Böttiger H., Josephson C., Lundgren G., Västfjäll D., Kirchler M., Johannesson M. Intuition and cooperation reconsidered // *Nature*. 2013. Vol. 498. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1038/nature12194?ysclid=mc02jxyujl107820492> (accessed: 12.03.2025). DOI: <https://doi.org/10.1038/nature12194>

Toplak M.E., West R.F., Stanovich K.E. The Cognitive Reflection Test as a predictor of performance on heuristics-and-biases tasks // *Memory & Cognition*. 2011. Vol. 39, iss. 7. P. 1275–1289. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13421-011-0104-1>

Zaki J., Mitchell J.P. Intuitive prosociality // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22, iss. 6. P. 466–470. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721413492764>

References

Baron, J., Scott, S., Fincher, K. and Emlen Metz, S. (2015). Why does the Cognitive Reflection Test (sometimes) predict utilitarian moral judgment (and other things)? *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. Vol. 4, iss. 3, pp. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2014.09.003>

Bityutskaya, E.V. (2015). *Oprosnik sposobov kopinga: metodicheskoe posobie* [Questionnaire of coping methods: a methodological manual]. Moscow: MSRU Publ., 80 p.

Blacksmith, N., Yang, Y., Behrend T.S. and Ruark, G.A. (2019). Assessing the validity of inferences from scores on the cognitive reflection test. *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 32, iss. 5, pp. 599–612. DOI: <https://doi.org/10.1002/bdm.2133>

Capraro, V. and Cococcioni, G. (2015). Social setting, intuition and experience in laboratory experiments interact to shape cooperative decision-making. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 282, iss. 1811, pp. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.1098/rspb.2015.0237>

Corgnet, B., Espín, A.M. and Hernán-González, R. (2015). The cognitive basis of social behavior: cognitive reflection overrides antisocial but not always prosocial motives. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 9. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/behavioral-neuroscience/articles/10.3389/fnbeh.2015.00287/pdf> (accessed 23.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2015.00287>

Dawkins, R. (1976). *The selfish gene*. New York: Oxford University Press, 384 p.

- Deppe, K.D., Gonzalez, F.J., Neiman, J.L., Jacobs, C., Pahlke, J., Smith, K.B. and Hibbing, J.R. (2015). Reflective liberals and intuitive conservatives: A look at the Cognitive Reflection Test and ideology. *Judgment and Decision Making*. Vol. 10, iss. 4, pp. 314–331. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1930297500005131>
- Epstein, S., Pacini, R., Denes-Raj, V. and Heier, H. (1996). Individual differences in intuitive–experiential and analytical–rational thinking styles. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 71, iss. 2, pp. 390–405. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.390>
- Evans, A.M., Dillon, K.D. and Rand, D.G. (2015). Fast but not intuitive, slow but not reflective: Decision conflict drives reaction times in social dilemmas. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 144, iss. 5, pp. 951–966. DOI: <https://doi.org/10.1037/xge0000107>
- Evans, J.St.B.T. (2003). In two minds: dual-process accounts of reasoning. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7, iss. 10, pp. 454–459. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2003.08.012>
- Frederick, Sh. (2005). Cognitive reflection and decision making. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19, no. 4, pp. 25–42. DOI: <https://doi.org/10.1257/089533005775196732>
- Goeschl, T. and Lohse, J., (2018). Cooperation in public good games. Calculated or confused? *European Economic Review*. Vol. 107, pp. 185–203. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2018.05.007>
- Grant, A.M., Franklin, J. and Langford, P. (2002). The Self-Reflection and Insight Scale: A new measure of private self-consciousness. *Social Behavior and Personality: An International Journal*. Vol. 30, no. 8, pp. 821–835. DOI: <https://doi.org/10.2224/sbp.2002.30.8.821>
- Kvarven, A., Strömland, E., Wollbrant, C., Andersson, D., Johannesson, M., Tinghög, G., Västfjäll, D. and Myrseth, K.O.R. (2020). The intuitive cooperation hypothesis revisited: a meta-analytic examination of effect size and between-study heterogeneity. *Journal of the Economic Science Association*. Vol. 6, iss. 1, pp. 26–42. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40881-020-00084-3>
- Li, D., Wang, J. and Ao, M. (2024). Numerical cognitive reflection, but not verbal cognitive reflection, moderates the association between trait anxiety and affective decision-making. *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 37, iss. 1. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/bdm.2359> (accessed 12.03.2025). DOI: <https://doi.org/10.1002/bdm.2359>
- Moore, D.A. and Loewenstein, G. (2004). Self-interest, automaticity, and the psychology of conflict of interest. *Social Justice Research*. Vol. 17, iss. 2, pp. 189–202. DOI: <https://doi.org/10.1023/b:sore.0000027409.88372.b4>
- Pacini, R. and Epstein, S. (1999). The relation of rational and experiential information processing styles to personality, basic beliefs, and the ratio-bias phenomenon. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 76, iss. 6, pp. 972–987. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.6.972>
- Paxton, J.M., Ungar, L. and Greene, J.D. (2012). Reflection and reasoning in moral judgment. *Cognitive Science*. Vol. 36, iss. 1, pp. 163–177. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2011.01210.x>
- Pennycook, G., Cheyne, J.A., Barr, N., Koehler, D.J. and Fugelsang, J.A. (2014). The role of analytic thinking in moral judgements and values. *Thinking & Reasoning*. Vol. 20, iss. 2, pp. 188–214. DOI: <https://doi.org/10.1080/13546783.2013.865000>
- Pennycook, G., Cheyne, J.A., Seli, P., Koehler, D.J. and Fugelsang, J.A. (2012). Analytic cognitive style predicts religious and paranormal belief. *Cognition*. Vol. 123, iss. 3, pp. 335–346. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.03.003>
- Pennycook, G. and Rand, D.G. (2019). Lazy, not biased: Susceptibility to partisan fake news is better explained by lack of reasoning than by motivated reasoning. *Cognition*. Vol. 188, pp. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.06.011>
- Ponti, G. and Rodriguez-Lara, I. (2015). Social preferences and cognitive reflection: evidence from a dictator game experiment. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 9. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/bdm.2359> (accessed 23.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2015.00146>
- Pustovik, V.A., Khramtsova, L.M., Kulikova, S.P. and Yayly, M. (2024). [The tendency to taking risks in solving a social dilemma in the context of collective interaction]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal]. No. 93, pp. 114–129. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/93/7>
- Rand, D.G., Brescoll, V.L., Everett, J.A.C., Capraro, V. and Barcelo, H. (2016). Social heuristics and social roles: Intuition favors altruism for women but not for men. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 145, iss. 4, pp. 389–396. DOI: <https://doi.org/10.1037/xge0000154>
- Rand, D.G. and Kraft-Todd, G.T. (2014). Reflection does not undermine self-interested prosociality. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 8. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/behavioral-neuroscience/articles/10.3389/>

fnbeh.2014.00300/pdf (accessed 23.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2014.00300>

Rand, D.G., Peysakhovich, A., Kraft-Todd, G.T., Newman, G.E., Wurzbacher, O., Nowak, M.A and Greene, G.D. (2014). Social heuristics shape intuitive cooperation. *Nature Communications*. Vol. 5. Available at: <https://www.nature.com/articles/ncomms4677.pdf> (accessed 12.03.2025). DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms4677>

Rokas, S. and Sagiv, L. (eds.) (2022). *Tsenosti i povedenie: kross-kul'turnyy podkhod* [Values and behavior: Taking a cross cultural perspective]. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr Publ., 332 p.

Shenhav, A., Rand, D.G. and Greene, J.D. (2012). Divine intuition: Cognitive style influences belief in God. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 141, iss. 3, pp. 423–428. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0025391>

Simon, H.A. (1993). Altruism and economics. *American Economic Review*. Vol. 83, iss. 2, pp. 156–161.

Shvarts, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S and Lipatova, A.S. (2012). [Theory of basic personal values: validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 9, no. 2, pp. 43–70.

Stanovich, K.E. (2010). *Rationality and the reflective mind*. New York: Oxford University Press, 344 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195341140.001.0001>

Stanovich, K.E. and West, R.F. (2002). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman (eds.) Heuristics & biases: The psychology of intuitive judgment*. New York: Cambridge University Press, pp. 421–440. DOI:

<https://doi.org/10.1017/cbo9780511808098.026>

Tinghög, G., Andersson, D., Bonn, C., Böttiger, H., Josephson, C., Lundgren, G., Västfjäll, D., Kirchler, M. and Johannesson, M. (2013). Intuition and cooperation reconsidered. *Nature*. Vol. 498. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1038/nature12194?ysclid=mc02jxyujl107820492> (accessed 12.03.2025). DOI: <https://doi.org/10.1038/nature12194>

Toplak, M.E., West, R.F. and Stanovich, K.E. (2011). The Cognitive Reflection Test as a predictor of performance on heuristics-and-biases tasks. *Memory & Cognition*. Vol. 39, iss. 7, pp. 1275–1289. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13421-011-0104-1>

Vikhman, A.A. (2025). [Psychometric validation of the cognitive reflection test on a russian-speaking sample of students]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Herald of Omsk University. Series: Psychology]. No. 1, pp. 84–92. DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2025.1.84-92>

Zaki, J. and Mitchell, J.P. (2013). Intuitive prosociality. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 22, iss. 6, pp. 466–470. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721413492764>

Об авторе

Вихман Александр Александрович

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: vixmann@mail.ru
ResearcherID: CAI-8696-2022

About the author

Aleksander A. Vikhman

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaia st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vixmann@mail.ru
ResearcherID: CAI-8696-2022

УДК 159.942

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-229-244>

EDN: PBBRNL

Поступила: 18.02.2024

Принята: 05.06.2025

Опубликована: 03.07.2025

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ПРОЯВЛЕНИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

*Чулошников Алексей Игоревич**(Пермь)*

Статья посвящена разработке классификации проявлений психологического насилия. В работе проблематизируется актуальное состояние темы классификации психологического насилия, обсуждаются вопросы терминологии и атрибутов насильственной активности, предлагается модель процесса осуществления насилия как деятельности, имеющей соответствующую структуру. Психологическое насилие рассматривается как коммуникативный процесс или деятельность, в ходе которой коммуникатор разнообразными способами реализует такие задачи: а) трансляция деструктивного послания, деформирующего психические условия осуществления субъектных функций; б) нейтрализация «шумов», т.е. повышение восприимчивости реципиента к данным посланиям и управлению иными источниками информации. На основании теоретического анализа литературы и обобщений эмпирического материала (описание конкретных вариантов осуществления психологического насилия, представленных в 49 тематических публикациях) были сформированы две основные оси, позволяющие описать формы психологического насилия. Первая ось группирует проявления насилия по конкретному способу донесения деструктивного содержания объекту насилия, вторая — структурная сложность этого проявления, ее место в структуре насильственной деятельности. Основными результатами можно считать: описание многообразия действий, осуществляемых субъектом насилия как реализации коммуникативных задач; выделение депривирующего воздействия как типа психологического насилия наряду с прямыми (direct) и косвенными его вариантами (indirect); вывод о минимальной единице анализа насильственной активности как действия, имеющего соответствующую интенцию. Полученные результаты могут быть полезны для разработки методологии идентификации и оценки последствий перенесенного психологического насилия, а также в качестве конкретного содержания исследовательских анкет.

Ключевые слова: насилие, психологическое насилие, классификация насилия.

Для цитирования:

Чулошников А.И. Проблема классификации проявлений психологического насилия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 229–244. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-229-244>. EDN: PBBRNL

THE PROBLEM OF CLASSIFYING THE MANIFESTATIONS OF PSYCHOLOGICAL VIOLENCE

Alexey I. Chuloshnikov

(Perm)

The article develops a classification of manifestations of psychological violence. The study problematizes the current state of the classification of psychological violence, discusses the terminology and the attributes of violent activity, suggests a model of the psychological violence process, considers empirical prerequisites for the classification, and formulates the main «axes» describing various forms of psychological violence. Psychological violence is seen as a communicative process or activity in which the communicator implements the following tasks in a variety of ways: a) delivery of a destructive message that violates the psychological conditions for the realization of subjective functions; b) neutralization of «noises», i.e., increasing the receiver's receptivity to these messages and to controlling other sources of information. Based on the theoretical analysis of the literature and on empirical material (description of specific forms of psychological violence presented in 49 relevant publications), two main «axes» have been formed that describe the forms of psychological violence. One «axis» groups the forms of violence according to a specific method of delivering destructive content to the object of violence, the other one represents the structural complexity of this form, its place in the structure of violent activity. The main results are as follows: description of the variety of actions carried out by a subject of violence as a means of implementing communicative tasks; identification of deprivation as a type of psychological violence, along with its «direct» and «indirect» versions; conclusion about the minimal unit of analysis of violent activity as an action with a corresponding intention. These results can serve as a basis for developing a methodology for identification and assessment of the impact of psychological violence as well as can be used in research questionnaires.

Keywords: violence, psychological violence, classification of violent behavior.

To cite:

Chuloshnikov A.I. [The problem of classifying the manifestations of psychological violence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 229–244 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-229-244>, EDN: PBBRNL

Введение

Потребность в десубъективации другого человека возникает по мере того, как другой человек и потребности, удовлетворяемые им, появляются в нашей жизни, а его субъектность становится преградой и источником фрустрации. И если по мере развития общества постепенно снижается толерантность к физическому насилию, то возникает необходимость в новых, более изощренных способах лишить другого его субъектности [Mannell J., Guta A., 2018]. Но и с физическим насилием не так-то все просто: случайный толчок, реактивную агрессию, неловкое грубое движение можно спутать с наме-

ренным действием. Распознавание психологического насилия и вовсе становится весьма нетривиальным делом [Sikström S. et al., 2021]. Можно сказать, что психологическое насилие возникло в результате эволюции человеческой культуры, условий совместного существования как более тонкий способ сломить волю другого без явного применения силы или же в отсутствии возможности силового воздействия [Langone M.D., 1992]. Если допустить сравнение в духе «теории оседлого бандита» М. Макгуайра и М. Олсона, субъект насилия постепенно ищет такую форму десубъективации, при которой репутационные издержки минимизируются, а выгодоприобретение становится ста-

бильным. Для этого насильственная активность может трансформироваться из «острой» формы в «хроническую», становясь сложной деятельностью, скрывающейся за множеством внешне не связанных действий в единый мотив.

Описывая проявления психологического насилия, исследователи зачастую ограничиваются перечислением гетерогенных (по сложности) практик и отдельных поведенческих актов [Аптикиева Л.Р., 2020; Волков Е.Н., 2002; Волкова Е.Н. и др., 2016; Казымова Н.Н. и др., 2019]. В некоторых случаях классификации появляются в результате обобщения эмпирического материала [Хаидов С.К., 2020; Rodríguez-Carballeira A. et al., 2014]. Каждая такая классификация несет в себе признаки следующих проблем. Первая — дефицитарность фундаментального и ясно сформулированного теоретического понимания насилия, а именно рассмотрения насилия как активности, имеющей специфическое мотивационное основание. Без этого классификация становится бесконечным коллекционированием различных по структуре элементов, выключенных из системы (деятельности), наделяющих их именно тем системным свойством, которое разделяет насилие и ненасилие. Вторая проблема также исходит из дефицитов теории — нечто важное не включается в классификации, т.к. не всегда обладает формальными признаками насилия. При этом ряд формально безобидных действий субъекта насилия обеспечивает возможность насилия, его вредоносность и действенность [Чеверикина Е.А., Фатина М.Л., 2017; Sikström S. et al., 2021]. Однако при их рассмотрении в рамках деятельности, направленной на десубъективацию они могут обрести смысл.

Предметом работы является описание проявлений психологического насилия, представленных в тематической литературе.

Целью данной работы является разработка классификации проявлений психологического насилия с точки зрения их места в реализации насилия как коммуникативной деятельности.

Психологическое насилие: определение и критерии

Эффективность классификаций проявлений какого-либо феномена, в том числе и насилия, заключается в правильности и точности определения этого феномена. *Насилие* — феномен сложный для определения и не всегда на пря-

мую связан с агрессией, агрессивным поведением или явным причинением вреда [Чеверикина Е.А., Фатина М.Л., 2017; Устинов В.П., 2005; Langone M.D., 1992]. Психологическое насилие и вовсе может осуществляться в рамках конвенциональных форм интеракций [Бочавер А.А., Хломов К.Д., 2013; Чуганский С.А., 2019; Jones Sh. et al., 2005], проявляясь в формально безобидных мелочах, постепенно растворяя у реципиента остатки его субъектности.

Конвенциональная и неконвенциональная десубъективация. Критерий подавления субъектности также требует некоторого уточнения посредством следующих терминов: *конвенциональная и неконвенциональная десубъективация*. *Конвенциональной десубъективацией* можно считать практики, осуществляемые с прямого или косвенного согласия объекта воздействия, результатом которого является частичное подавление субъектных функций. Примером таких практик можно рассматривать практики BDSM, введения в гипноз или иных форм временного, добровольного понижения собственных субъектных функций в процессе приобретения новых навыков [Тхостов А.Ш., 2010]. *Неконвенциональной десубъективацией* можно считать воздействие, осуществляемое без согласия или полного информирования объекта воздействия, при котором степень подавления субъектных функций находится вне его контроля.

Определение насилия. Можно вывести следующее определение насилия в целом и психологического насилия в частности. *Насилие* — это: 1) форма социально-психологического взаимодействия субъектов [Mikołajczuk K., 2020; Гусейнов А.И., 2006], 2) характеризующаяся наличием направленности хотя бы одного из участников этого взаимодействия на снижение актуальных или потенциальных проявлений субъектности другого участника или группы лиц (их десубъективации) [Чулошников А.И., 2023], 3) осуществляющаяся неконвенционально, против воли объекта воздействия [Ильин Е.П., 2013; Тхостов А.Ш., 2010; Апткиева Л.Р., 2020], 4) путем нарушения его переживания безопасности или попыток, направленных на это [Волков Е.Н., 2002; Чулошников А.И., 2024].

Психологическим насилием (своеобразной родовой категорией, включающей *психическое, психологическое, эмоциональное насилие*) мож-

но считать такую форму десубъективации, при которой воздействие осуществляется преимущественно информационным способом [Langone M.D., 1992]. Мишенями воздействия становятся психические факторы (процессы, состояния, свойства), обеспечивающие реализацию проявлений субъектности. Слово «преимущественно» призвано подчеркнуть тот факт, что воздействие на психические условия субъектности могут осуществляться и опосредованно, к примеру, через модификацию или индукцию соматических процессов в теле объекта насилия [Чулошников А.И., 2024].

Психологическое насилие в большинстве случаев, в отличие от физического насилия, представляется как более «растянутый процесс», с более продолжительным эффектом. Если разделить процесс насилия на два этапа: «десубъективирование» и *эксплуатацию* десубъективированного другого, то для физического насилия данные этапы могут быть реализованы либо в существенно более короткие сроки, либо вовсе слиты. Десубъективирование при психологическом насилии, напротив, может быть реализовано как в короткие сроки, так и растянуто, осуществляемо поэтапно.

Психологическое насилие как коммуникативная деятельность

Если рассматривать в качестве мишеней психологического насилия *феномены психики*, которые прямо или косвенно оказывают влияние на способность субъекта к реализации субъектных функций (активной или пассивной волевой регуляции, выбору, переживанию собственной активности) [Стахнева Л.А., 2010], то формой психологического насилия должно быть то, что способно на них повлиять, а именно — информация [Baron R.S., 2000]. Информацией можно считать любую обратную связь, дающую представление о соотношении индивида и среды (физической, социальной, интрапсихической). Важным моментом выступает степень ее *постоянства* и безальтернативности поступающей информации, которые формируют отношения к ней как к релевантной. Мера постоянства также определяет то, будет ли информация формировать чисто функциональное состояние адаптации к среде, или же структуры для продолжительного взаимодействия с ней. Иными словами, постоянство информационного насиль-

ственного воздействия может определять класс деформируемых психических явлений (состояние или свойство).

В качестве «деформируемых» свойств в первую очередь можно рассматривать *отношения* (к себе, другим людям, миру) [Аптикиева Л.Р., 2020; Бандура О.О. и др., 2019; Земляных М.В., Изотова М.Х., 2019] как гораздо более гибкие свойства, нежели темперамент или характер.

Схема коммуникативного акта как описание задач трансляции сигнала. Мы будем рассматривать психологическое насилие как трансляцию информации преимущественно в рамках коммуникативного акта, но при этом не ограниченном им. Сам же коммуникативный акт в соответствии с моделями коммуникации (К. Шеннон, У. Уивер, Г. Малецке, Г. Ласуэлл) можно в самом обобщенном варианте представить следующими структурными элементами: а) отправитель (кто и как отправляет), б) содержание (что отправляется), в) канал (в каких условиях), г) кому (отношение к информации, состояние).

Так, психологическое насилие можно представить не только как процесс трансляции информации. Это реализация таких целей в структуре насильственной деятельности, как: повышение референтности отправителя (*стать значимым источником*); подбор эффективных каналов трансляции сообщения, устранение шумов и их монополизация (*оградить от других источников*); воздействие на получателя для «улучшения» восприятия им этой информации (*лишить ресурсов, обеспечивающих критическую оценку*).

Классические модели коммуникативного процесса также можно дополнить *теорией сигналов* (М. Спенс, А. Захави). Данная группа концепций делает акцент на форме или самом факте трансляции сообщения. Таким образом, они расширяют спектр анализируемых насильственных действий до: их формы, эмоционального сопровождения, конгруентности (*«важно не то, что я говорю, а как я это говорю»*); через демонстрацию поведения, факт которого может нести определенное сообщение (*«если я так делаю, значит я могу себе это позволить, а ты не можешь запретить»*); через отсутствие референтного поведения, свидетельствующего, к примеру, о «сохранности привязанности», акту-

ального «дружественного отношения», «рабочего контакта» и т.д. [Heise L. et al., 2019].

Исходя из этого, психологическое насилие можно представить не столько как конкретное действие, но как систему действий, ведомых мотивом десубъективации. Она может быть подвергнута анализу в рамках соответствующей терминологии (операция – действие – деятельность), а все разнообразие наблюдаемой феноменологии может быть интерпретировано в рамках целей и задач, выполнение которых обеспечивает «успешную» трансляцию десубъективирующих посланий. Процесс осуществления психологического насилия может быть разбит на множество частей, смысл которых можно понять при динамическом наблюдении, знании конкретного межличностного контекста и предполагаемого образа результата.

О классификациях психологического насилия

Прежде чем приступить к описанию эмпирической части исследования, опишем найденные нами классификации вариантов осуществления психологического насилия, как тот бэкграунд, на основании которого мы строили свою. Под такими классификациями мы имеем в виду то, как тот или иной автор пробовал обобщить, подвести под единое основание или сгруппировать различные действия, которыми один индивид пытается деформировать субъектность другого.

Из обнаруженной литературы, посвященной этой теме, можно сделать вывод о том, что подлинных классификаций, т.е. инструмента логического деления феномена на классы и подклассы, не так уж много [Волкова Е.Н. и др., 2016; Гаязова Л.А., 2007; Jones Sh. et al., 2005; Rodríguez-Carballeira A. et al., 2014]. Чаще всего встречаются классификации *ситуаций насилия* (в зависимости от типа социальной коммуникации) [Андрианова Р.А., и др., 2021; Борисов С.Н. и др., 2020; Mikołajczuk K., 2020], *типов насилия* (психологическое, эмоциональное, физическое) [Садыков Р.М., Большакова Н.Л., 2022; Фирсова Е.В., 2015], *причин и типологий субъектов и объектов насилия* (истинное, оборонительное) [Ali P.A. et al., 2016].

В настоящее время для нас представляет интерес классификация тактик психологического насилия, разрабатываемых исследовательской

группой Á. Rodríguez-Carballeira, O. Saldaña, C. Porrúa-García и их коллег [Rodríguez-Carballeira A. et al., 2014]. Эта классификация, на наш взгляд, является наиболее эмпирически и теоретически разработанной. На ее базе разрабатываются и валидизируются ряд опросников [Antelo E. et al., 2021; Porrúa-García C. et al., 2016; Saldaña O. et al., 2023].

Примерами таких опросников являются Scale of psychological abuse in intimate partner violence (EAPA-P – Шкала психологического насилия в близких отношениях) [Longares L. et al., 2018], Psychological Abuse Perpetrated in Groups Scale (PAPGS – Шкала психологического насилия, совершаемого в группах) [Saldaña O. et al., 2023] и др. Классификация была разработана на результатах интервью специалистов, работающих с данной проблематикой. Она также включает в себя идею разделения тактик психологического насилия на явные и неявные, направленно деформирующие те или иные психические мишени (direct — направленные на изменение эмоционального состояния, когний, поведения), или обеспечивающие его трансляцию (indirect — управление средой, контекстом) [Rodríguez-Carballeira A. et al., 2014; Porrúa-García C. et al., 2016]. Также была произведена попытка ранжирования «вредоносности» каждого из способов осуществления насилия [Rodríguez-Carballeira A. et al., 2015]. Тем не менее, не смотря на достоинства этой классификации, ее критерии и содержание определенно обладают потенциалом к доработке путем и большей детализации, и, одновременно, большего обобщения.

Эмпирические основания классификации проявлений психологического насилия

Методология исследования

Эмпирический материал и способ его поиска. Объектом нашего исследования стали статьи, посвященные психологическому насилию. Поиск осуществлялся на базе таких электронных ресурсов, как eLibrary, Cyberleninka, Google Scholar, Sci-Hub, по ключевым словам «насилие», «психологическое насилие», «эмоциональное насилие», «абьюз», «violence», «abuse», «intimate partner violence». По данным запросам нами было обнаружено 49 публикаций. Из них 33 русскоязычных и 19 зарубежных, за последние 10 лет — 36, и 13 более ранних.

Предметом исследования стали варианты классификации, а также основания классифицирования того, что авторы идентифицируют как проявления «нефизического» насилия.

Цель. Осуществить классифицирование описываемых проявлений психологического насилия, как в их формальном, так и в структурном аспекте, рассматривая их как элементы процесса осуществления деятельности.

Методы обработки и верификации исследовательских обобщений. В качестве методов обработки материала (единицей которого являлось название насильственного действия, либо его описание) мы использовали контент-анализ. Он был верифицирован экспертными оценками трех клинических психологов, специализиру-

ющихся или работающих с людьми, ставшими объектами психологического насилия.

Обобщение эмпирического материала происходило в два этапа: *первый* — идентификация повторяющихся критериев; *второй* — построение авторской классификации на основании идентифицированных критериев.

Первично выявленные критерии

Результатом первичного анализа проявлений психологического можно считать выявление нескольких полярных критериев для его структурирования (табл. 1). Данные группы критериев можно представить, как своеобразные измерения, описывающие *организацию* и конкретные *инструменты*.

Таблица 1. Первичные группы критериев структурирующие проявления психологического насилия

Table 1. Primary groups of criteria structurizing manifestations of psychological violence

Группа	Описание критерия	Примеры полярностей	
Инструментальные критерии	По инструментам воздействия: вербальные – невербальные	Вербальные: придумывание обидного прозвища, словесное отвержение, критика	Невербальные: неприличные жесты, плевки, грубое нарушение телесных границ
	По степени опосредованности: непосредственное воздействие – опосредованное (через окружающую)	Непосредственное: критика, личное оскорбление, отвержение	Опосредованное: порча имущества жертвы, пользование вещами без спроса, изоляция, финансовое ограничение
	По степени активности субъекта насилия: послание формируется активными действиями – бездействием.	Активные: издевательства, оставление унижающих комментариев в социальных сетях, притеснение	Пассивные: игнорирование, эмоциональная холодность, предъявление невыполнимых требований, отсутствие ухода
	По степени определенности содержания послания: определенные – не определенные	Определенные: озвучивание негативного отношения, угроза, нанесение ударов	Неопределенные: оставление пустых записок в личных вещах, неожиданные нарушения личного пространства, пародирование; депривация сна.
Критерии структуры	По частоте: ситуативное – повторяющееся	Ситуативное: угроза, обесценивание, удар	Регулярное: уничижительное отношение, травля, терроризирование, третирование
	По сложности воздействия: простое – составное	Простое: толчок, обзывательство, повышение голоса, презрительный взгляд	Сложное: необоснованная критика, шантаж, жестокое обращение, размещение обидной информации в интернете

Итоговая система критериев классификации проявлений психологического насилия

В отличие от исследовательской группы Á. Rodríguez-Carballeira, в разработке классификации мы хотели сделать упор на большую детализацию группы не прямых (indirect) методов воздействия. Так, помимо прямой «индоктринации», есть способы воздействия, заключающиеся в отсутствии некоторого поведения, в тех ситуациях, где оно должно быть. Это

стратегии игнорирования, отсутствие ухода и эмоциональной обратной связи в детско-родительских или партнерских отношениях. Также это могут быть чрезмерно высокие требования, предъявляемые к объекту насилия значимым для него человеком [Dokkedahl S. et al., 2019; Kimber M. et al., 2017].

Система представляет собой описание проявлений психологического насилия по двум осям: *содержательной* (каким конкретным образом осуществляется трансляция) и *структурной* (критерий частоты и сложности).

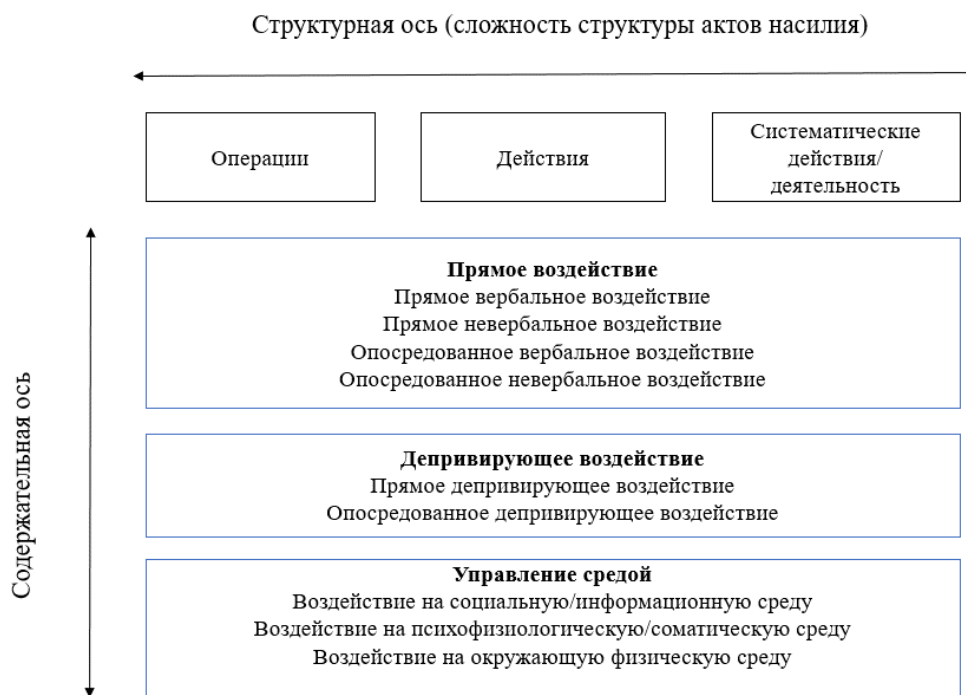
Содержательная ось классификации проявлений насилия. В качестве основного критерия, структурирующего различные варианты насилия, мы выбрали критерий *определенности транслируемого содержания*, а именно ясности и однозначности послания субъекта насилия его объекту. На рисунке данная ось обозначена вертикально: сверху — будут располагаться классы, наиболее определенно транслирующие то или иное послание (*пример*: критика, прямое сообщение негативного отношения), внизу — наименее (*пример*: напрошенные советы, ограничение питания, вторжение в личное пространство). Исходя из этого критерия, мы сформировали три группы проявлений насилия: *прямое воздействие; депривизирующее воздействие; воздействие на среду*. Первые две группы выполняют задачу либо активной трансляции деструктивного послания, либо отсутствия трансляции конструктивного послания. Третья группа преимущественно реализует задачу улучшения условий трансляции послания, либо их косвенного или неявного дублирования. В качестве дополнительного критерия, структурирующего проявления насилия, выступает критерий *степени опосредованности трансляции*, а именно — наличия проме-

жуточных средств, выступающих носителями послания (другие люди, социальные сети, вещи, поступки).

Структурная ось классификации проявлений насилия. На рисунке данная ось располагается вертикально и распределяет проявления насилия в зависимости от их сложности: а) операции, акты без явного обозначения интенции; б) действия, комбинация актов с более ясным обозначением интенции; в) системы действий — регулярно осуществляемые сходные действия, либо система гетерогенных действий, в той или иной степени соответствующих уровню *деятельности*.

На наш взгляд, многие варианты психологического насилия могут иметь сложный, составной характер и могут быть зафиксированы лишь в динамическом наблюдении, при рассмотрении их как действий или системы действий (деятельности) при сопоставлении с итоговым результатом, если таковой имеется.

Ниже, на рисунке представлена общая структура классификации, которая раскрывается в трех таблицах (табл. 2, 3 и 4), которые представляют из себя три группы проявлений психологического насилия, структурированных в соответствии с обозначенными осями.

Общая структура классификации проявлений насилия
The main structure of classification of psychological violence manifestations

Таблица 2. Описание методов прямого насильственного воздействия

Table 2. Description of methods of direct violence

		<i>Операция</i>	<i>Действие</i>	<i>Система действий</i>	
Прямое воздействие	<i>Прямое вербальное воздействие</i> — субъект насилия вербально транслирует ясное и однозначное послание	обзывательство; насмешка; гневный крик; упрек; грубое слово; жесткая оценка; некорректное замечание; негативное сравнение	оскорбление личностных качеств; слова, заставляющие чувствовать себя неловко; угроза; принижение прав, умаление ценности и компетентности; несправедливое обвинение; вербальное выражение презрения; высмеивание черт характера; убеждение в психическом заболевании; деструктивное морализаторство; сексуально окрашенные комментарии; присвоение обидного прозвища; открытое признание в нелюбви	постоянная критика; постоянные (беспочвенные) обвинения; неоднократные вербальные унижения; шантаж;	травля; психологическое притеснение; вымогательство; домогательства; издевательства; газлайтинг; бойкот; унижение и запугивание
	<i>Прямое невербальное воздействие</i> — субъект насилия своим поведением транслирует ясное и однозначное послание	толчок; удар; плевков; пинок; неприличный жест; презрительный взгляд	действие, заставляющее чувствовать себя неловко; домогательства; намеренное блокирование действий жертвы; жестокое наказание за неправильные действия;	систематические избиения	
	<i>Опосредованное вербальное послание</i> — субъект осуществляет трансляцию послания опосредованно, через социальную или иную информационную среду	обидный комментарий/сообщение; прилюдное прерывание речи	очернение репутации/унижение при людях/распускание сплетен; настраивание окружения против/формирование согласного с насильником окружения; раскрытие неоднозначной информации на публике; удаление из значимой группы;	унижения и запугивания через интернет и анонимные мессенджеры	
	<i>Опосредованное невербальное послание</i> — субъект осуществляет трансляцию посланий невербально, через воздействие на значимую для объекта среду	(не обнаружено на уровне операций)	угрозы близким; нанесение ущерба имуществу; отбирание денег, вещей; размещение провокативных картинок; выражение ненависти к значимым людям/вещам жертвы; массированная атака устройств жертвы спамом	(те же действия, но существующие на регулярной основе)	

Методы психологического воздействия в группе, представленной в табл. 2, в первую очередь характеризуются агрессивностью и в большей степени соответствуют тому, что обозначается как насилие. В этой группе можно выделить как методы, транслирующие негатив-

ную обратную связь относительно субъектных качеств объекта насилия, так и ситуативно дезинтегрирующие, разрушающие более глобальное переживание безопасности.

Группа воздействий, представленная в табл. 3, несет фрустрирующее послание без яв-

ной демонстрации агрессии. Однако подобные воздействия в полной мере могут быть реализованы лишь при наличии отношений между субъектом и объектом насилия, в которых у последнего есть те или иные ожидания и потреб-

ности, в удовлетворении которых включен субъект насилия. Принимая на себя роль значимого Другого, фигура субъекта насилия также может быть интериризирована и тем самым потенциально делая фрустрацию перманентной.

Таблица 3. Описание методов депривующего насильственного воздействия

Table 3. Description of methods of depriving violence

		Операция	Действие	Система действий	
Депривующее воздействие	Прямое депривующее воздействие — субъект насилия либо ситуативно прекращает то или иное потребное поведение в адрес объекта насилия, либо не осуществляет его вовсе	(не идентифицируются на уровне операций)	уход от контакта (вербального/эмоционального); сексуальное пренебрежение; враждебное игнорирование; демонстрация безразличия; наказание путем сокрытия чувств; не проявление сочувствия/интереса в близких отношениях; отказ от сотрудничества; отказ от обсуждения проблем/значимых эмоций; отказ в контакте; невыполнение обещания	отвергающий стиль поведения; систематическое неуважение; эмоциональная холодность; регулярная невнимательность к нуждам; чередование любви и угроз, мягкости и жестокости; непредсказуемое поведение; периодическое лишение любви; постоянное игнорирование свободы и мнения; безответственность попустительское отношение к когнитивному и эмоциональному развитию; постоянная недостаточность любви и ласки; регулярное отсутствие защиты и руководства;	жестокое обращение; инфантилизация/гиперопека (отсутствие поведения, ведущего к развитию); постоянная подозрительность и недоверие к жертве; разрушение привязанности
	Опосредованное депривующее воздействие — субъект насилия конструирует условия взаимодействия с ним, по которым то или иное потребное поведение в адрес объекта может быть прекращено	(не идентифицируются на уровне операций)		предъявление нереалистичных/завышенных требований; чрезмерно условное принятие; избирательное награждение и наказание; требования отчитываться обо всем; запрет на проявление эмоций; шантажирование любовью; отказ в положительном подкреплении изначально оговоренных действий; непоследовательность (постоянная смена правил и условий поведения); создание несправедливой системы оценок; поддержание закрытой системы логики поведения и принятия решений	

Группа, представленная в табл. 4, внешне характеризуется отсутствием явной трансляции посланий о субъектных свойствах объекта насилия, а также отсутствием явной агрессии. Тем не менее, методы данной группы скорее

истощают «ресурсную» базу для сопротивления деструктивным воздействиям — социально-информационную, соматическую, экологическую.

При наличии ряда существенных оговорок, связанных с тем, что сама таблица(цы), ее кри-

терии являются, по сути, артефактом, можно сделать ряд обобщений.

Таблица 4. Описание методов управления средой
Table 4. Description of methods of managing the environment

		<i>Операция</i>	<i>Действие</i>	<i>Система действий</i>	
Управление средой	Воздействие на социальную/информационную среду — предметом контроля становится социальное окружение и источники информации, окружающие объект насилия	(не идентифицируются на уровне операций)	дезинформирование; очернение окружения жертвы в ее глазах; сокрытие информации; перевирание фактов	ограничение доступа к друзьям и семье; контроль ближайшего окружения; ограничение контактирования	контроль над личной жизнью; гиперопека; лишение свободы
	Воздействие на психофизиологическую среду — предметом контроля становится то, что влияет на психофизиологическое состояние объекта насилия	(не идентифицируются на уровне операций)	доведение жертвы до бессознательного/диссоциативного или астенизированного состояния химическим, хирургическим путем или физически изматыванием	систематическое ограничение в питании/сне/отдыхе; принуждение к изматывающим тренировкам/работам; постоянные тревожащие, поддерживающие жертву в постоянной активности действия; создание условий постоянно вызывающих сильные (и полярные) эмоции; депривация медицинским уходом; содержание в антисанитарных условиях; сенсорная депривация; физическая инвалидизация жертвы	
	Воздействие на окружающую физическую среду — предметом контроля становится окружающие объект насилия вещи и ситуации	(не идентифицируются на уровне операций)	совершение действий без добровольного согласия (наблюдение, пользование вещами, их перемещение, сокрытие, чтение личной переписки/контента личных устройств, съемка на телефон); демонстрация уязвимости личного, приватного пространства	ограничение финансовых ресурсов (лишение денег, запрет на работу) и иных значимых ресурсов (жилищные неудобства) необходимых для активности жертвы; контроль над детьми жертвы; stalking (преследование); содержание в условиях, не соответствующих социальному уровню	

Различные объемы понятия «насилие». Исходя из структурного деления единиц психологического насилия, можно прийти к «широкому» и «узкому» пониманию того, что входит в это понятие. Широкое понимание психологического насилия включает в себя и действия (насилие как инструмент), и системы действий (насилие как цель) безотносительно к конеч-

ному мотиву и систематичности, но производящие в той или иной степени десубъективирующий эффект. Узкое же определение сводится к регулярным, сложным и соответствующе мотивированным действиям, представленным в третьем столбце.

Однако данные результаты можно трактовать и иначе — они могут отображать неодно-

родность ситуаций психологического насилия, своеобразное его разделение на «*быстрое*» и «*растянутое, сложно организованное*».

Степень актуальной десубъективированности как дополнительный параметр. Каждая группа методов косвенно предполагает определенный тип отношений между субъектом и объектом насилия, при котором они становятся доступны и возможны. Так, первая группа не предполагает наличия близких, интимных и регулярных отношений. Вторая группа уже требует наличия таковых отношений, в которых есть «обязательства» по удовлетворении потребностей другого. Третья группа в той или иной степени предполагает отношения зависимости, при которых возможна как регулярность, так и контроль.

В ходе анализа материала мы сталкивались с такими методами насилия, которые уже предполагают ту или иную степень десубъективированности, власти над объектом. Примером могут выступать *принуждение* к тому, что человек не хочет выполнять (по отношению к себе, другим людям, вещам, правовым и моральным нормам, образу жизни и мыслей), действия, *подчеркивающие актуальную беспомощность* (глумление над беспомощностью; демонстрация вседозволенности субъекта насилия; воспроизведение ситуаций беспомощности объекта). Помимо этого, встречались практики принуждения к «самоподавлению»: к примеру, побуждение к самокритике, самобичеванию, самообесцениванию, самоограничению и поддержанию тех практик, которые бы соответствовали группе Контроля среды. Таким образом, в фазе «пост-насилия» происходит своеобразная интериоризация фигуры субъекта насилия. Функция этих действий выглядит как поддержание и углубление десубъективированности и может быть названа как «пост-насилие».

Выводы

1. Психологическое насилие можно представить как сложную коммуникативную деятельность по десубъективации (углублению и стабилизации этого эффекта), осуществляемую разнообразными, гибкими стратегиями, обеспечивающими трансляцию и формирующими восприимчивость к ней. Однако минимальной единицей психологического насилия

также может быть и действие как структурная единица деятельности, обусловленная конкретной интенцией. Таким образом, психологическое насилие может реализовываться в формах, различающихся по степени своей сложности, рассматриваться как тактика или стратегия (и как стратегии разные по временной протяженности).

2. Все многообразие методов психологического насилия можно описать в рамках двух взаимосвязанных осей: а) содержание воздействия (явное/косвенное; эмоциональная дезинтеграция/трансляция десубъективирующего послания), б) сложность, структурированность и, соответственно, протяженность во времени. Не менее поразительным, в отрицательном смысле, является потенциальная технологичность психологического насилия, возможность многоуровневого дублирования воздействий и разделения на этапы по мере вовлеченности и масштабирования, углубления десубъективированности его объекта.

3. Идея рассмотрения процесса психологического насилия как коммуникативной деятельности может быть в той или иной мере верифицированной. Абстрактное же разделение насильственных действий на те, что реализуют задачу «трансляции», и те, что «обеспечивающие» ее косвенно, могут указывать на две группы психических мишеней, гипотетически связанных с резистентностью к воздействиям разного рода и непосредственно с тем субъективным содержанием, обеспечивающим реализацию субъектных функций.

4. Описанные методы, формы воздействия можно в той или иной степени рассматривать и вне конкретной задачи десубъективации, т. е. описанные категории и подкатегории можно представить как своеобразную форму трансляции какого угодно содержания, в том числе и способствующему ресубъективации как процесса восстановления субъектности в рамках данных форм, но с принципиально иным содержанием.

Список литературы

Андреанова Р.А., Шемиурин А.А., Чернов В.А., Селиванова Е.И. Проблемы и ресурсы комплексной профилактики агрессивного поведения в образовательной организации // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13,

№ 4. С. 107–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130407>

Антикиева Л.Р. Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 1(224). С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.25198/1814-6457-224-6>

Бандура О.О., Усова А.В., Ольховский М.Д. Насилие в семье: отсроченные последствия насилия над детьми // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. Т. 32, вып. 2. С. 171–179.

Борисов С.Н., Волкова О.А., Бессчетнова О.В., Доля Р.Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866x-2020-28-1-68-73>

Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159.

Волков Е.Н. Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. 2002. № 6. С. 183–199.

Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М. Оценка распространенности насилия над детьми // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.17759/sp.s.2016070202>

Гаязова Л.А. Личностные особенности пожилого человека, переживающего психологическое насилие в семье // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 8(27). С. 112–115.

Гусейнов А.А. Мораль и насилие: Понятие насилия // Этика: учебник для философских факультетов / под общ. ред. А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко. М.: Гардарики, 2006. С. 393–417.

Земляных М.В., Изотова М.Х. Система отношений к себе, значимым людям и миру у подростков, подвергающихся жестокому обращению в семье // Педиатр. 2019. Т. 10, № 5. С. 87–92. DOI: <https://doi.org/10.17816/ped10587-92>

Ильин Е.П. Насилие как психологический феномен // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 1. С. 167–174.

Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дымова Е.Н. Психотравмирующие последствия переживания

эмоционального насилия женщинами раннего взрослого возраста // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25, № 4. С. 78–83. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-4-78-83>

Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Насилие в семье: сущность и виды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7–2(70). С. 81–84. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-2-81-84>

Стахнева Л.А. Понимание субъекта и субъектности в современной психологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 345–349.

Тхостов А.Ш. Психологическая многозначность понятия насилия // Национальный психологический журнал. 2010. № 2(4). С. 56–59.

Устинов В.П. Психологические последствия насилия и их влияние на обучаемость младших школьников: дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2005. 159 с.

Фирсова Е.В. Жестокое обращение с детьми: проблемы терминологии и классификации // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 2(42). С. 120–133. URL: <https://human.snauka.ru/2015/02/9840> (дата обращения: 12.02.2024).

Чеверикина Е.А., Фатина М.Л. Психологическое манипулирование, психологическое насилие, психотерроризм в образовательной среде: к вопросу об определении понятий // Матрица научного познания. 2017. № 1–2. С. 89–99.

Чуганский С.А. Трехкомпонентная модель злоупотребления в межличностной коммуникации // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 3. С. 87–101. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.3.7>

Чулошников А.И. Психологическое насилие сквозь призму деятельностного подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 84–97. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

Чулошников А.И. Континуум форм неравноценного социального обмена // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2024. Вып. 2(9). С. 57–66.

Хаидов С.К. Эмоциональное и психологическое насилие в семье над мужчинами // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).

Ali P.A., Dhingra K., McGarry J. A literature review of intimate partner violence and its classifica-

tions // *Aggression and Violent Behavior*. 2016. Vol. 31. P. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2016.06.008>

Antelo E., Saldaña O., Guilera G., Rodríguez-Carballeira A. Psychosocial difficulties in survivors of group psychological abuse: Development and validation of a new measure using classical test theory and item response theory // *Psychology of Violence*. 2021. Vol. 11, iss. 3. P. 286–295. DOI: <https://doi.org/10.1037/vio0000307>

Baron R.S. Arousal, capacity, and intense indoctrination // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. Vol. 4, iss. 3. P. 238–254. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0403_3

Dokkedahl S., Kok R.N., Murphy S., Kristensen T.R., Bech-Hansen D., Elklit A. The psychological subtype of intimate partner violence and its effect on mental health: protocol for a systematic review and meta-analysis // *Systematic Reviews*. 2019. Vol. 8. URL: <https://systematicreviewsjournal.biomedcentral.com/counter/pdf/10.1186/s13643-019-1118-1.pdf> (accessed: 12.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.1186/s13643-019-1118-1>

Heise L., Pallitto Ch., García-Moreno C., Clark C.J. Measuring psychological abuse by intimate partners: Constructing a cross-cultural indicator for the Sustainable Development Goals // *SSM – Population Health*. 2019. Vol. 9. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352827318302490/pdf?md5=55d08ede92481e43db98c50d6af1d876&pid=1-s2.0-S2352827318302490-main.pdf> (accessed: 12.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100377>

Jones Sh., Davidson W.S., Bogat G.A., Levensky A., Eye A. von. Validation of the subtle and overt psychological abuse scale: an examination of construct validity // *Violence and Victims*. 2005. Vol. 20, iss. 4. P. 407–416. DOI: <https://doi.org/10.1891/0886-6708.20.4.407>

Kimber M., McTavish J.R., Couturier J., Boven A., Gill S., Dimitropoulos G., MacMillan H.L. Consequences of child emotional abuse, emotional neglect and exposure to intimate partner violence for eating disorders: A systematic critical review // *BMC Psychology*. 2017. Vol. 5. URL: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com/counter/pdf/10.1186/s40359-017-0202-3.pdf> (accessed: 12.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40359-017-0202-3>

Langone M.D. Psychological abuse // *Cultic Studies Journal*. 1992. Vol. 9, no. 2. P. 206–218.

Longares L., Saldaña O., Escartín J., Barrientos J., Rodríguez-Carballeira A. Evaluación del abuso psicológico en parejas del mismo sexo: evi-

dencias de validez de la EAPA-P en una muestra de habla hispana // *Anales de Psicología*. 2018. Vol. 34, no. 3. P. 555–561. DOI: <https://doi.org/10.6018/analesps.34.3.306281>

Mannell J., Guta A. The ethics of researching intimate partner violence in global health: A case study from global health research // *Global Public Health*. 2018. Vol. 13, iss. 8. P. 1035–1049. DOI: <https://doi.org/10.1080/17441692.2017.1293126>

Mikolajczuk K. Different forms of violence — selected issues // *Review of European and Comparative Law*. 2020. Vol. 43, no. 4. P. 103–118. DOI: <https://doi.org/10.31743/recl.10035>

Porrúa-García C., Rodríguez-Carballeira Á., Escartín J., Gómez-Benito J., Almendros C., Martín-Peña J. Development and validation of the scale of psychological abuse in intimate partner violence (EAPA-P) // *Psicothema*. 2016. Vol. 28, no. 2. P. 214–221. DOI: <https://doi.org/10.7334/psicothema2015.197>

Rodríguez-Carballeira A., Porrúa-García C., Escartín J., Martín-Peña J., Almendros C. Taxonomy and hierarchy of psychological abuse strategies in intimate partner relationships // *Anales de Psicología*, 2014. Vol. 30, no. 3. P. 916–926. DOI: <https://doi.org/10.6018/analesps.30.3.154001>

Rodríguez-Carballeira A., Saldaña O., Almendros C., Martín-Peña J., Escartín J., Porrúa-García C. Group psychological abuse: Taxonomy and severity of its components // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2015. Vol. 7, no. 1. P. 31–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2014.11.001>

Saldaña O., Antelo E., Rodríguez-Carballeira Á. Group psychological abuse perpetration: Development and validation of a measure using classical and modern test theory // *Psychology of Violence*. 2023. Vol. 13, iss. 4. P. 338–347. DOI: <https://doi.org/10.1037/vio0000455>

Sikström S., Dahl M., Lettmann H., Alexandersson A. et al. What you say and what I hear — Investigating differences in the perception of the severity of psychological and physical violence in intimate partner relationships // *PLoS One*. 2021. Vol. 16, iss. 8. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0255785&type=printable> (accessed: 12.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255785>

References

Ali, P.A., Dhingra, K. and McGarry, J. (2016). A literature review of intimate partner violence and its classifications. *Aggression and Violent Behavior*.

Vol. 31, pp. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2016.06.008>

Andrianova, R.A., Shemshurin, A.A., Chernov, V.A. and Selivanova, E.I. (2021). [Problems and resources of comprehensive prevention of aggressive behavior in an educational organization]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies]. Vol. 13, no. 4, pp. 107–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130407>

Antelo, E., Saldaña, O., Guilera, G. and Rodríguez-Carballeira, Á. (2021). Psychosocial difficulties in survivors of group psychological abuse: Development and validation of a new measure using classical test theory and item response theory. *Psychology of Violence*. No. 11, iss. 3, pp. 286–295. DOI: <https://doi.org/10.1037/vio0000307>

Aptikieva, L.R. (2020). [Psychological violence consequences for different age categories]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University]. No. 1(224), pp. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.25198/1814-6457-224-6>

Bandura, O.O., Usova, A.V. and Ol'khovskiy, M.D. (2019). [Domestic violence: after-effects of abuse of children]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty* [Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. Vol. 32, iss. 2, pp. 171–179.

Baron, R.S. (2000). Arousal, capacity, and intense indoctrination. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 4, iss. 3, pp. 238–254. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0403_3

Bochaver, A.A. and Khlomov, K.D. (2013). [Bullying as a research object and a cultural phenomenon]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. Vol. 10, no. 3, pp. 149–159.

Borisov, S.N., Volkova, O.A., Besschetnova, O.V. and Dolya, R.Yu. (2020). [The domestic violence as factor of disorder of social and mental health]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]. Vol. 28, no. 1, pp. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866x-2020-28-1-68-73>

Cheverikina, E.A. and Fatina, M.L. (2017). [Psychological manipulation, psychological violence, psychoterrorism in the educational environment: to the question of determination of concepts]. *Matritsa nauchnogo poznaniya* [Matrix of Scientific Knowledge]. No. 1–2, pp. 89–99.

Chugansky, S.A. (2019). [Three-component model of abuse in interpersonal communication]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian Psychological Journal]. Vol. 16, no. 3, pp. 87–101. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.3.7>

Chuloshnikov, A.I. (2023). [Psychological abuse through the prism of the activity approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 84–97. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-84-97>

Chuloshnikov, A.I. (2024). [Continuum of forms of unequal social exchange]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice]. Iss. 2(9), pp. 57–66.

Dokkedahl, S., Kok, R.N., Murphy, S., Kristensen, T.R., Bech-Hansen, D. and Elklit, A. (2019). The psychological subtype of intimate partner violence and its effect on mental health: protocol for a systematic review and meta-analysis. *Systematic Reviews*. Vol. 8. Available at: <https://systematicreviewsjournal.biomedcentral.com/counter/pdf/10.1186/s13643-019-1118-1.pdf> (accessed 12.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.1186/s13643-019-1118-1>

Firsova, E.V. (2015). [Child abuse: problems of terminology and classification]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities scientific researches]. No. 2(42), pp. 120–133. Available at: <https://human.snauka.ru/2015/02/9840> (accessed 12.02.2024).

Gayazova, L.A. (2007). [Personal features of the elderly person experiencing psychological abuse over family]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 8(27), pp. 112–115.

Guseynov, A.A. (2006). [Morality and violence: The concept of violence]. *Etika: uchebnik dlya filosofskikh fakul'tetov, pod red. A.A. Guseynova, E.L. Dubko* [A.A. Guseynov, E.L. Dubko (eds.) Ethics: Textbook for philosophy faculties]. Moscow: Gardariki Publ., pp. 393–417.

Heise, L., Pallitto, Ch., García-Moreno, C., Clark, C.J. (2019). Measuring psychological abuse by intimate partners: Constructing a cross-cultural indicator for the Sustainable Development Goals. *SSM – Population Health*. Vol. 9. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352827318302490/pdf?md5=55d08ede92481e43db98c50d6af1d876&pid=1-s2.0-S2352827318302490-main.pdf> (accessed 12.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100377>

- Il'in, E.P. (2013). [Violence as a psychological phenomenon]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Universum: Bulletin of the Herzen University]. No. 1, pp. 167–174.
- Kazymova, N.N., Bykhovets, Yu.V. and Dymova, E.N. (2019). [Psychotraumatic consequences of emotional abuse experienced by women in early adulthood]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 25, no. 4, pp. 78–83. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-4-78-83>
- Khaidov, S.K. (2020). [Emotional and psychological violence in the family against men]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. Vol. 8, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/78PSMN620.pdf> (accessed 12.02.2024).
- Jones, Sh., Davidson, W.S., Bogat, G.A., Leven-dosky, A., Eye, A. von (2005). Validation of the subtle and overt psychological abuse scale: an examination of construct validity. *Violence and Victims*. Vol. 20, iss. 4, pp. 407–416. DOI: <https://doi.org/10.1891/0886-6708.20.4.407>
- Kimber, M., McTavish, J., Couturier, J., Boven, A., Gill, S., Dimitropoulos, G. and MacMillan, H.L. (2017). Consequences of child emotional abuse, emotional neglect and exposure to intimate partner violence for eating disorders: A systematic critical review. *BMC Psychology*. Vol. 5. Available at: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com/counter/pdf/10.1186/s40359-017-0202-3.pdf> (accessed 12.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40359-017-0202-3>
- Langone, M.D (1992). Psychological abuse. *Cultic Studies Journal*. Vol. 9, no. 2, pp. 206–218.
- Longares, L., Saldaña, O., Escartín, J., Barrientos, J. and Rodríguez-Carballeira, A. (2018). [Measuring psychological abuse in same-sex couples: Evidence of validity of the EAPA-P in a Spanish-speaking sample]. *Anales de Psicología* [Annals of Psychology]. No. 34, pp. 555–561. DOI: <https://doi.org/10.6018/analesps.34.3.306281>
- Mannell, J. and Guta, A. (2018). The ethics of researching intimate partner violence in global health: A case study from global health research. *Global Public Health*. Vol. 13, iss. 8, pp. 1035–1049. DOI: <https://doi.org/10.1080/17441692.2017.1293126>
- Mikołajczuk, K. (2020). Different forms of violence — selected issues. *Review of European and Comparative Law*. Vol. 43, no. 4, pp. 103–118. DOI: <https://doi.org/10.31743/recl.10035>
- Porrúa-García, C., Rodríguez-Carballeira, Á., Escartín, J., Gómez-Benito, J., Almendros, C. and Martín-Peña, J. (2016). Development and validation of the scale of psychological abuse in intimate partner violence (EAPA-P). *Psicothema*. Vol. 28, no. 2, pp. 214–221. DOI: <https://doi.org/10.7334/psicothema2015.197>
- Rodríguez-Carballeira, A., Porrúa-García, C., Escartín, J., Martín-Peña, J. and Almendros, C. (2014). Taxonomy and hierarchy of psychological abuse strategies in intimate partner relationships. *Anales de Psicología* [Annals of Psychology]. Vol. 30, no. 3, pp. 916–926. DOI: <https://doi.org/10.6018/analesps.30.3.154001>
- Rodríguez-Carballeira, A., Saldaña, O., Almendros, C., Martín-Peña, J., Escartín, J. and Porrúa-García, C. (2015). Group psychological abuse: Taxonomy and severity of its components. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2014.11.001>
- Saldaña, O., Antelo, E. and Rodríguez-Carballeira, Á. (2023). Group psychological abuse perpetration: Development and validation of a measure using classical and modern test theory. *Psychology of Violence*. Vol. 13, iss. 4, pp. 338–347. DOI: <https://doi.org/10.1037/vio0000455>
- Sadykov, R.M. and Bol'shakova, N.L. (2022). [Domestic violence: essence and types]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. No. 7–2(70), pp. 81–84. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-2-81-84>
- Sikström, S., Dahl, M., Lettmann, H., Alexandersson, A. et al. (2021). What you say and what I hear — Investigating differences in the perception of the severity of psychological and physical violence in intimate partner relationships. *PLoS One*. Vol. 16, iss. 8. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0255785&type=printable> (accessed 12.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255785>
- Stakhneva, L. (2010). [Understanding of subject and subjectivity in modern psychology]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences]. No. 1, pp. 345–349.
- Tkhostov, A.Sh. (2010). [Psychological ambiguity of the concept of violence]. *Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 2(4). pp. 56–59.

Ustinov, V.P. (2005). *Psikhologicheskie posledstviya nasiliya i ikh vliyanie na obuchaemost' mladshikh shkol'nikov: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological consequences of violence and their influence on the learning ability of younger school-children: dissertation]. Irkutsk, 159 p.

Volkov, E.N. (2002). [Criteria, signs, definitions and classifications of harmful psychological impact: psychological trauma, psychological aggression and psychological violence]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of Practical Psychology]. No. 6, pp. 183–199.

Volkova, E.N., Volkova, I.V. and Isaeva, O.M. (2016). [Estimating spread of violent behaviour with children]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 7, no. 2, pp. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070202>

Zemlianykh, M.V. and Izotova, M.H. (2019). [The system of self-attitude, attitude towards significant people and the world of adolescents who are maltreated in the family]. *Pediatr* [Pediatrician]. Vol. 10, no. 5, pp. 87–92. DOI: <https://doi.org/10.17816/ped10587-92>

Об авторе

Чулошников Алексей Игоревич
независимый исследователь

614007, Пермь
e-mail: sintekatzy@rambler.ru
ResearcherID: HNK-7434-2023

About the author

Alexey I. Chuloshnikov
Independent Researcher

Perm, 614007, Russia;
e-mail: sintekatzy@rambler.ru
ResearcherID: HNK-7434-2023

УДК 159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-245-261>

EDN: SUQTOP

Поступила: 10.05.2024

Принята: 13.05.2025

Опубликована: 03.07.2025

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОГРАФИКИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

*Китаева Мария Петровна**Московский институт психологии (Москва)*

Несмотря на то, что нейрографика является относительно молодым методом, десятилетняя история его применения показала его эффективность в решении ряда психологических проблем человека. Одной из значимых проблем современности является психологическое отчуждение (от себя, других людей и мира), которое может привести человека в состояние болезни, связанное с психосоматическими нарушениями функционирования организма, к совершению девиантных поступков, преступлений, самоубийства, различным формам зависимого поведения. Целью нашего исследования являлось изучение возможностей и ограничений метода нейрографика для достижения человеком целостности в процессе преодоления психологического отчуждения от себя, других людей и мира. Группа исследовательского курса НейроГрафика состояла из 24 женщин (средний возраст — 45,8 лет, стандартное отклонение — 8,3 лет). Контрольная группа состояла из 23 женщин (средний возраст — 46,4 лет, стандартное отклонение — 10,3 лет). Все женщины контрольной и экспериментальной групп склонны к творческой деятельности, связанной с саморазвитием (активно используют арт-терапевтические практики в своей жизни, занимаются на курсах личностного роста). Для оценки уровня психологического отчуждения были использованы следующие психологические методики: методика исследования самоотношения, шкала одиночества, короткий опросник Темной триады, шкала локуса контроля, шкала аномии, тест Метамодерн, определитель архетипа Пирсон–Марр. В качестве результатов нашего исследования мы можем отметить следующие значимые изменения в личности участников курса НейроГрафика: 1) достижение более глубокого осознания себя, внутренней честности и открытости по отношению к самому себе; 2) понижение саморуководства; 3) выраженное понижение внутренней конфликтности; 4) понижение склонности манипулировать другими людьми; 5) понижение общего эгоцентризма, восприятия себя как наиболее значимого по сравнению с другими незначимыми людьми, стремления постоянно получать положительную обратную связь, подтверждающую выдающиеся особенности своей личности; 6) понижение выраженности чувства одиночества; 7) повышение направленности на результативность своей деятельности; 8) общее повышение баланса трех сторон в личности — направленности на духовное самосовершенствование, на получение эффективности выполняемой деятельности и на изучение мира и самого себя; 9) повышение ответственности за себя и свою жизнь; 10) повышение общей устойчивости в используемых и декларируемых нормах и ценностях; 11) повышение стремления делать что-то особенное, отличное от того, что делают другие; 12) удержание на том же уровне понимания мира как непростого; 13) понижение стремления управлять своим окружением. Результаты исследования могут быть применимы в помогающих практиках: психологическом консультировании, психотерапии, групповом и индивидуальном обучении, коучинге.

Ключевые слова: НейроГрафика, Алгоритм Снятия Ограничений, психологическое отчуждение, самоотчуждение, отчуждение от себя, отчуждение от других людей, отчуждение от мира, самоотношение, Темная триада, аномия, одиночество, локус контроля, тест Метамодерн, архетипы, архетипы Пирсон–Марр.

Для цитирования:

Китаева М.П. Применение нейрографики для преодоления психологического отчуждения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 245–261. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-245-261>. EDN: SUQTOP

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-245-261>

Received: 10.05.2024

Accepted: 13.05.2025

Published: 03.07.2025

THE USE OF NEUROGRAPHICA TO OVERCOME PSYCHOLOGICAL ALIENATION

Maria P. Kitaeva

Tyumen State University (Tyumen)

Despite the fact that neurographica is a relatively young method, the ten-year history of its application has shown its effectiveness in solving a number of human psychological problems. One of the significant problems of our time is psychological alienation (from oneself, other people, and the world), which can bring a person into a state of illness associated with psychosomatic disorders, trigger the commission of deviant acts, crimes, suicide, cause various forms of dependent behavior. The purpose of the study was to explore the possibilities and limitations of the method of neurographica for achieving human integrity in the process of overcoming psychological alienation from oneself, other people, and the world. The group of the Neurographica research course consisted of 24 women (average age — 45.8 years, standard deviation — 8.3 years). The control group consisted of 23 women (average age — 46.4 years, standard deviation — 10.3 years). All women in the control and experimental groups were prone to creative activities related to self-development (they actively use art therapy practices in their lives and take personal growth courses). The following psychological methods were used to assess the level of psychological alienation: self-attitude research methodology, the loneliness scale, the short questionnaire of the Dark Triad, the locus of control scale, the anomie scale, the Metamodern test, the Pearson–Marr archetype indicator. As the results of the research, it is possible to note the following significant changes in the personality of the participants: 1) achieving a deeper awareness of oneself, inner honesty, and openness toward oneself; 2) lowering self-leadership; 3) a marked decrease in internal conflict; 4) a decrease in the tendency to manipulate other people; 5) a decrease in general egocentrism and in perception of oneself as the most significant compared to other insignificant people, a lessened desire to constantly receive positive feedback confirming the outstanding features of one's own personality; 6) a decrease in the severity of the feeling of loneliness; 7) an increased focus on the effectiveness of one's own activities; 8) an improved balance of the three sides in the personality — the focus on spiritual self-improvement, on achieving the effectiveness of activities performed, and on exploring the world and oneself; 9) increased responsibility for oneself and one's own life; 10) increased overall stability in terms of the norms and values, used and declared; 11) increased desire to do something special, different from what others do; 12) maintaining the same level of understanding the world as difficult; 13) reduced desire to manage one's environment. The results of the study can be applied in helping practices: psychological counseling, psychotherapy, group and individual training, coaching.

Keywords: Neurographica, algorithm for removing limitations, psychological alienation, self-alienation, alienation from oneself, alienation from other people, alienation from the world, self-attitude, Dark Triad, anomie, loneliness, locus of control, Metamodern test, archetypes, Pearson–Marr archetypes.

To cite:

Kitaeva M.P. [The use of neurographica to overcome psychological alienation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 245–261 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-245-261>, EDN: SUQTOP

Введение

Современный человек живет в условиях избыточности информации: о мире, о других людях и о том, каковы ожидания общества от того человека, которого оно может назвать своим полноценным членом. Человеку в таких условиях очень несложно потеряться в нормах и ценностях, которые он готов поддерживать, стать маргинальным человеком [Китаева М.П., 2023b], пребывающем в состоянии аномии, очень сложно понять свои истинные потребности, вопреки тому, какие потребности с точки зрения общества потребления должны быть для него ведущими, сложно выдержать напор общественного мнения и удержать свое личное, настоящее, не впадая в конформное поведение и социальную желательность. Описанные условия жизни могут ввести современного человека в очень некомфортное для него состояние психологического отчуждения, которое можно подразделить на три основные формы: самоотчуждение [Китаева М.П., 2024b], психологическое отчуждение от других людей [Китаева М.П., 2023а, 2024d], психологическое отчуждение от мира в целом. Последствиями психологического отчуждения могут быть психосоматические проблемы со здоровьем человека, девиантные поступки, преступления, самоубийство, различные формы зависимого поведения. Поэтому одной из задач помогающих сфер общественной деятельности, включающей психологическое консультирование, психотерапию, коучинг, социальную работу, групповое и индивидуальное воспитание и обучение, а также самовоспитание и самообучение, является преодоление психологического отчуждения. Одним из перспективных направлений профилактики психологического отчуждения и восстановления единения личности с собой, другими людьми и миром является арт-терапия и арт-коучинг, в том числе и метод нейрографики [Китаева М.П., 2024а].

Философско-психологической основой метода нейрографики, разработанного П.М. Пискаревым, являются следующие концепции: культурно-исторический подход Л.С. Выготского (формирование внутреннего символического пространства и способности к символизации), теория архетипов К. Юнга, психоаналитический подход Ж. Лакана (понятие о воображаемом, символическом и реальном), теория доминант

А.А. Ухтомского, нейропсихологическая концепция А.Р. Лурия (пластичность психологических функций, определяющихся деятельностью мозга), концепция цикла контакта П. Гудмена, феноменология Э. Гюссерля, теория поля К. Левина [Пискарев П.М., 2020]. Автор метода выделяет следующие функции нейрографики как помогающего метода: 1) диагностика; 2) интеграция сложного комплекса аналитико-синтетических процессов посредством перевода активности в премоторную кору в процессе работы; 3) анализ и самоанализ; 4) интеграция трансформированного результата в картину мира [Пискарев П.М., 2016]. Диагностический аспект метода «направлен на исследование глубинных неосознаваемых переживаний, связанных как с ситуативно обусловленным состоянием, так и с базовыми индивидуально типологическими особенностями конкретного человека» [Савельева О.А., 2018, с. 334]. Выявлены возможности нейрографики как метода, позволяющего диагностировать обсессивно-компульсивное расстройство [Авербух А.И., 2022]. Первые исследования применения метода нейрографики позволили обнаружить следующие его практические эффекты: 1) снижение тревожности, выраженности боли и слабости, устранение депрессивного состояния онкологических пациентов [Ананьева Е.П., 2018]; 2) снижение тревожности детей-пациентов стоматологических клиник [Никольская И.А., Копецкий И.С., 2022]; 3) снижение нервно-психического напряжения, реактивной и личностной тревожности, профилактика панических атак [Усатых Г.Н., 2020]; 4) повышение уровня эмоционального интеллекта [Зорина Н.Н., 2020]; 5) балансировка самооценки личности, связанной с ее социальными ролями [Ревякина Л.В., 2021]; 6) решение межличностных конфликтов [Абрамова Л.Ю., 2021]; 7) повышение адаптивности и эффективности человека в кризисных ситуациях [Анохина В.С. и др., 2023; Парфененко Р.Д., 2023; Симонов П.А., 2022; Сорокина Е.Н., 2023]. Исследование научных публикаций за последние 10 лет [Китаева М.П., 2024b] позволило обнаружить косвенные признаки эффективности метода нейрографики в преодолении самоотчуждения за счет повышения уровня осознанности и понимания себя, своих особенностей, принятия ответственности за себя, свои решения и действия, в преодолении психологического отчуждения от

других посредством повышения эмоционального интеллекта, адаптивности, умения решать конфликтные ситуации, выходить из ситуаций кризисов, снижения личностной и ситуативной тревожности, формирования привычки рефлексировать происходящее, в преодолении отчуждения от мира за счет осознания своей роли и ролей других людей, открывающих особенности взаимодействия с миром в целом. Появилась необходимость в прямом изучении воздействия метода нейрографики на параметры психологического отчуждения. Научная проблема, которую мы пытаемся решить в исследовании, представляет собой недостаточность доказательных сведений об эффективности метода нейрографики в отношении достижения человеком целостности при преодолении им психологического отчуждения от себя, других людей и мира. В соответствии с этим целью нашего исследования являлось изучение возможностей и ограничений метода нейрографики для достижения человеком целостности в процессе преодоления психологического отчуждения от себя, других людей и мира. Для достижения цели исследования были решены следующие задачи: 1) оценка изменения психологического отчуждения от себя посредством изучения параметров самооотношения у участников исследовательского курса НейроГрафики; 2) оценка изменения психологического отчуждения от других людей посредством изучения параметров Темной триады (макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническая психопатия) и одиночества у участников исследовательского курса НейроГрафики; 3) оценка изменения психологического отчуждения от мира посредством изучения параметров локуса контроля и аномии у участников исследовательского курса НейроГрафики; 4) оценка изменения показателей теста Метамодерн как изменения общей направленности личности, способной косвенно охарактеризовать психологическое отчуждение в целом, у участников исследовательского курса НейроГрафики; 5) оценка изменения уровня архетипов Пирсон–Марр как изменения общей направленности личности, способной косвенно охарактеризовать психологическое отчуждения у целом, у участников исследовательского курса НейроГрафики.

Перед проведением исследования была предложена основная гипотеза о том, что применение нейрографики позволяет снизить степень

психологического отчуждения человека. Основная гипотеза была раскрыта в следующих рабочих гипотезах: 1) нейрографика позволяет снизить уровень психологического отчуждения от себя, оцениваемого как понижение таких параметров самооотношения, как внутренняя конфликтность и самообвинение, и повышение таких параметров самооотношения, как внутренняя честность, самоуверенность, саморуководство, самопринятие, самооценность, отраженное самооотношение (самопривязанность мы считаем характеристикой, не отражающей напрямую психологическое отчуждение, амбивалентно влияющей на этот уровень в зависимости от степени выраженности других параметров самооотношения); 2) нейрографика позволяет снизить уровень психологического отчуждения от других, оцениваемого как понижение выраженности макиавеллизма, неклинического нарциссизма, неклинической психопатии и одиночества; 3) нейрографика позволяет снизить психологическое отчуждение от мира, оцениваемого как понижение уровня экстернальности и аномичности и, соответственно, повышение уровня интернальности; 4) нейрографика позволяет снизить общую выраженность психологического отчуждения посредством повышения уровня показателя теста Метамодерн, отражающего, на наш взгляд, повышение общей целостности и неотчужденности личности; 5) нейрографика позволяет снизить выраженность таких неблагоприятных с точки зрения выраженности психологического отчуждения архетипов, как Славный Малый, Заботливый, Бунтарь, и повысить выраженность таких благоприятных с точки зрения выраженности целостности, неотчужденности личности архетипов, как Простодушный, Мудрец, Маг, Творец, Правитель.

Методы исследования

Группа исследовательского курса НейроГрафики состояла из 24 женщин. Средний возраст участниц составил 45,8 лет, стандартное отклонение — 8,3 лет. Дополнительно была введена контрольная группа для оценки влияния выполнения тестовых методик на респондентов. Она состояла из 23 женщин. Средний возраст участниц контрольной группы составил 46,4 лет, стандартное отклонение — 10,3 лет. В контрольной группе дважды проводился замер результатов тестов, тех же самых, что и в экс-

периментальной группе, через такой же период в 3 недели. И экспериментальная, и контрольная группы состояли из студентов Института психологии творчества Павла Пискарева и учеников школы развития личности «Исследователи миров». Все женщины контрольной и экспериментальной групп склонны к творческой деятельности, связанной с саморазвитием (активно используют арт-терапевтические практики в своей жизни, занимаются на курсах личностного роста).

Для оценки психологического отчуждения от себя была использована методика исследования самоотношения (МИС), разработанная С.Р. Пантеевым на основе модели иерархической структуры самоотношения В.В. Столина, позволяющая измерить девять параметров самоотношения: внутренняя честность, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самопринятие, самооценность, внутренняя конфликтность, самообвинение [Пантеев С.Р., 1993].

Для оценки психологического отчуждения от других людей были использованы две методики: 1) шкала одиночества UCLA-3 Д. Расселла, разработанная в 1996 г., адаптированная в России И.Н. Ишмухаметовым в 2006 г., направленная на диагностику субъективного ощущения одиночества и социальной изоляции человека [Ишмухаметов И.Н., 2006]; 2) короткий опросник Темной триады Д. Полхуса и К. Уильямса, разработанный в 2013 г., адаптированный в России М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой в 2015 г., направленный на диагностику макиавеллизма, неклинического нарциссизма и неклинической психопатии [Егорова М.С. и др., 2015].

Для оценки психологического отчуждения от мира были использованы две методики: 1) шкала локуса контроля Дж. Роттера, разработанная в 1966 г., адаптированная в России А.Г. Шмелевым в 1988 г., направленная на диагностику предрасположенности человека объяснять причины событий внешними (экстернальность) или внутренними (интернальность) факторами [Елисеев О.П., 2019]; 2) шкала аномии МакКлоски и Шаар, разработанная в 1965 г., переведенная на русский язык Е.И. Лыткиной в 2014 г., направленная на диагностику дезориентации человека в нормах и ценностях [Лыткина Е.И., 2014].

Дополнительно использовались две методики для общей косвенной оценки выраженности психологического отчуждения личности: 1) тест Метамодекна Д.А. Полуэктова, основанный на теории парадигмального анализа П.М. Пискарева, направленный на диагностику особенностей человека, определяющих его принадлежность к разным парадигмам в истории человечества (премодерн, модерн, постмодерн и метамодерн) [Полуэктов Д.А., 2022а, 2022б, 2022с]; 2) определитель архетипа Пирсон–Марр, разработанный К. Пирсон и Х. Марром в 2001 г., переведенный группой проекта <https://psytests.org/> в 2023 г., направленный на диагностику представленности 12 архетипов в личности человека [Марк М., Пирсон К., 2005]; каждый архетип представляет собой определенный взгляд на мир, других людей и на себя самого, и запускает определенные поведенческие реакции, характеризующие взаимодействие с собой, другими людьми и миром.

Исследовательский курс НейроГрафики включал три онлайн-занятия по 2 часа по воскресеньям 17, 24 и 31 марта 2024 г. По одному занятию в неделю. Допуском к участию в исследовательском курсе было прохождение всех тестовых методик, описанных ранее в статье. Декларируемая тема 1 занятия — «Отношения с самим собой», 2 занятия — «Отношения с другими людьми», 3 занятия — «Отношения с миром». Были выбраны именно эти темы, поскольку, во-первых, раскрытие каждой из этих тем позволяет косвенно определить наличие или отсутствие признаков отчуждения от самого себя, других людей и мира при проработке 1, 2 и 3 занятия соответственно, во-вторых, при проведении предварительного пилотного исследования было обнаружено, что слово «отчуждение» вызывает у людей негативные ассоциации, поэтому при проведении основного исследования было принято решение его избегать, чтобы формулировка была как можно более нейтральной и не влияла на эмоциональный настрой человека.

На всех занятиях использовался Алгоритм Снятия Ограничений, включающий следующие обязательные пункты работы: 1) формулировка темы (отношения с собой, другими людьми или миром); 2) практика «20 слов за 2 минуты», позволяющая актуализировать тему за счет получения первичных ассоциаций, связанных с темой, которые успевают «всплыть» на уровне созна-

ния за короткий промежуток времени в две минуты, и их рефлексии; 3) эмоциональный выброс; 4) округление; 5) добавление линий; 6) внесение цвета; 7) внесение линий удачи; 8) обозначение фигуры фиксации; 9) формулировка темы для следующего рисунка, углубляющего работу с текущей темой [Пискарев П.М., 2021]. После каждого занятия участники писали отзывы по форме, включающей в себя следующие тематические пункты: 1. Ощущения; 2. Чувства, эмоции; 3. Мысли; 4. Смыслы; 5. Дополнительно. В конце курса участники проходили повторно все те же тестовые методики, которые они проходили перед курсом.

Статистический анализ результатов тестов проводился с помощью двух программ: Microsoft Office Excel 2007 и IBM SPSS Statistics 23. Для сравнения результатов тестов, выполненных респондентами до и после курса НейроГрафики (экспериментальная группа) или через три недели (контрольная группа), использовался t-критерий Стьюдента для связанных выборок.

Отзывы, полученные от участников исследования после каждого занятия, подвергались контент-анализу, категориальная сетка которой включала четыре основных параметра (ощущения; чувства и эмоции; мысли; смыслы), построенная совместно с другими психологами-исследователями Института психологии творчества, обладающими научными степенями докто-

ра или кандидата психологических наук по специальности «Общая психология, психология личности и история психологии», на основе их экспертных оценок выбранных критериев.

Результаты исследования и их обсуждение

На всех рисунках приведены средние значения оцениваемых показателей.

На рис. 1 приведены данные по психологическому отчуждению от самого себя, измеренному у респондентов экспериментальной группы. Значимые ($p < 0,05$) изменения после прохождения исследовательского курса НейроГрафики получены по следующим показателям самоотношения: 1) внутренняя честность повысилась на 5 % (в контрольной группе по этому показателю значимых отличий не было выявлено); 2) самоуверенность повысилась на 3 % (так же, как и в контрольной группе); 3) саморуководство понизилось на 3 % (в контрольной группе этот показатель повысился на 5 %); 4) внутренняя конфликтность понизилась на 10 % (в контрольной группе по этому показателю значимых отличий не было выявлено).

Пять других показателей самоотношения остались неизменными. При этом в контрольной группе самооценку и самопривязанность повысились на 4 и 7 % соответственно, самообвинение понизилось на 6 %.

Отличия данных экспериментальной и контрольной групп значимы на уровне $p < 0,05$.

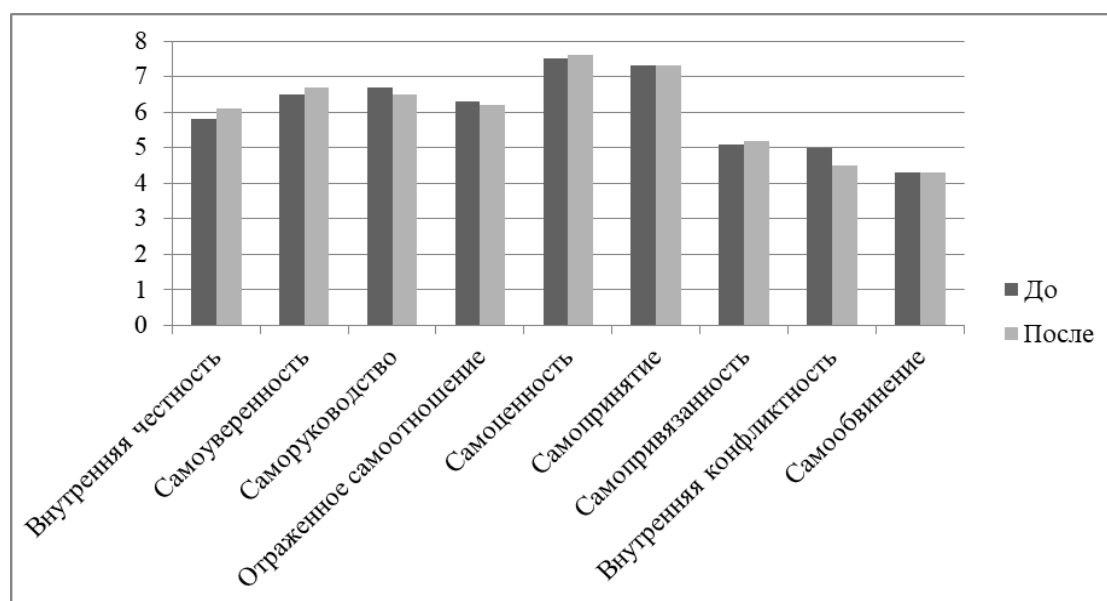

Рис. 1. Результаты методики исследования самоотношения до и после прохождения курса

Fig. 1. Results of the self-attitude research methodology before and after the course

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы об изменениях, запущенных курсом НейроГрафики в участниках исследования в области психологического отчуждения от себя: 1) достижение более глубокого осознания себя, внутренней честности и открытости по отношению к самому себе (в контрольной группе не было никаких изменений по этим признакам); 2) понижение саморегулирования; 3) выраженное понижение внутренней конфликтности [Пантилеев С.Р., 1993]. Соответственно, мы можем говорить о том, что после прохождения исследовательского курса НейроГрафики участники курса демонстрируют понижение психологического отчуждения от себя в повышении внутренней честности и понижении внутренней конфликтности, что означает, что человек проявляет большую готовность исследовать себя, быть честным с самим собой, и при этом больше ориентирован на принятия решений, чем на излишнее застревание в самокопании при попытках понять причины текущих трудностей. Эти изменения могут быть связаны с последовательным прохождением самоисследования посредством нейрографики, включающим рисование, подробное отслеживание своих эмоциональных реакций и ощущений в процессе рисования и обсуждение, анализ этих реакций, выявлением своих сильных и слабых сторон, а также поиском способов большего использования своих сильных сторон и компенсации своих слабых сторон, заложенных в Алгоритме Снятия Ограничений

нейрографики. Но есть небольшое понижение стремления руководить своей жизнью, что может свидетельствовать об ограничении метода нейрографики, на которое нужно специально обращать внимание, — есть склонность практиков метода нейрографики замещать необходимые после рисования действия по изменению текущей жизненной ситуации, по решению заявленной проблемы самим процессом рисования. Для преодоления этого ограничения необходимо обращать внимание пользователей нейрографики на то, что после рисования необходимо осуществить определенные действия, который были поняты, очерчены и запланированы во время нейрографического рисования.

На рис. 2–3 приведены данные по психологическому отчуждению от других людей, измеренному у респондентов экспериментальной группы. Значимые ($p < 0,05$) изменения после прохождения исследовательского курса НейроГрафики получены по следующим показателям: 1) макиавеллизм понизился на 6 % (в контрольной группе уровень этого показателя повысился на 3 %); 2) нарциссизм повысился на 4 % (в контрольной группе этот показатель повысился на 33 %); 3) уровень одиночества понизился на 6 % (в контрольной группе по этому показателю значимых отличий не было выявлено). Уровень психопатии остался неизменным (в контрольной группе этот показатель повысился на 13 %). Отличия данных экспериментальной и контрольной групп значимы на уровне $p < 0,05$.

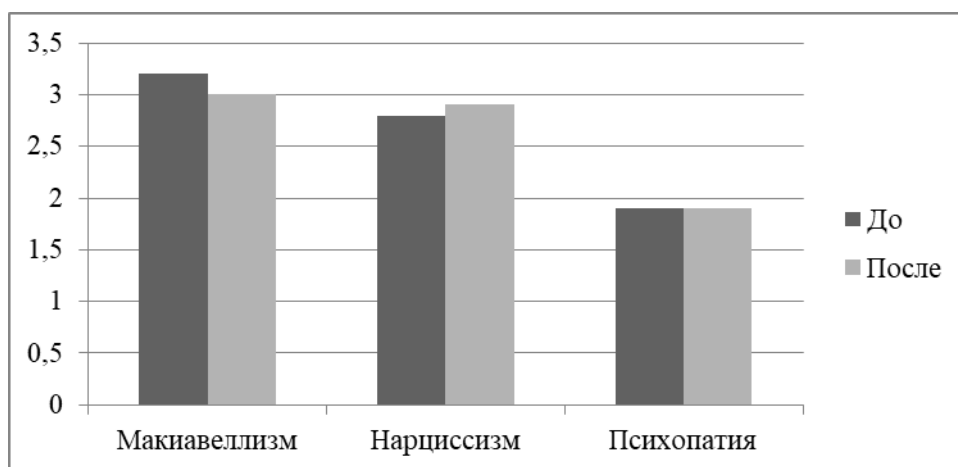

Рис. 2. Результаты короткого опросника Темной триады до и после прохождения курса

Fig. 2. Results of the short questionnaire of the Dark triad before and after the course

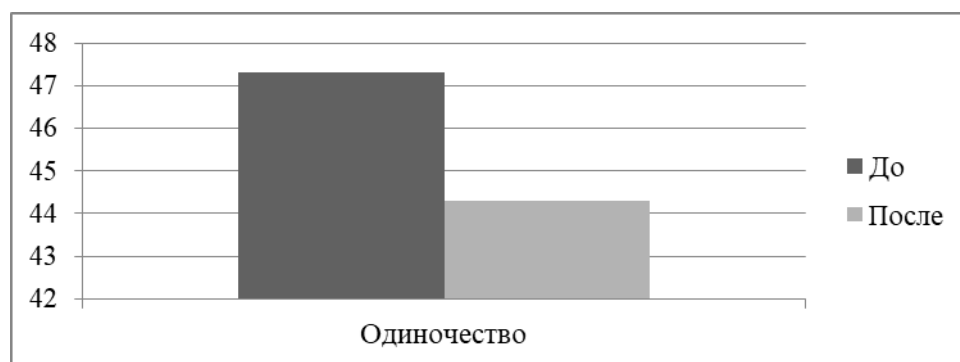

Рис. 3. Результаты шкалы одиночества до и после прохождения курса

Fig. 3. Results of the loneliness scale before and after the course

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы об изменениях, запущенных курсом НейроГрафики в участниках исследования в области психологического отчуждения от других людей: 1) понижение склонности манипулировать другими людьми; 2) понижение общего эгоцентризма, восприятия себя как наиболее значимого по сравнению с другими незначимыми людьми, стремления постоянно получать положительную обратную связь, подтверждающую выдающиеся особенности своей личности; это особенно значимое изменение, т.к. в контрольной группе было очень значительное повышение этих параметров (примерно на треть) [Егорова М.С. и др., 2015]; 3) понижение выраженности чувства одиночества [Ишмухаметов И.Н., 2006]; 4) удержание уровня импульсивности на исходном уровне при очень значительном повышении его в контрольной группе (что, возможно, связано с общей изменчивостью текущей ситуации) [Егорова М.С. и др., 2015]. Соответственно, было обнаружено понижение всех четырех параметров психологического отчуждения от других людей, измеряемых в исследовании, что свидетельствует о способности метода нейрографики справиться с преодолением психологического отчуждения от других людей.

Полученные результаты мы можем связать с тем, что одной из частей процедуры Алгоритма Снятия Ограничений нейрографики является выход осознаний на уровень социума, включающего как ближайшее окружение, так и более широкие группы людей, вплоть до уровня человечества в целом. Происходит осознание осо-

бенностей собственной принадлежности к различным социальным группам, благодаря чему понижается чувство одиночества и человек начинает больше учитывать потребности других людей, с чем связано понижение склонности манипулировать другими, повышение ценности других людей (а не только самого себя).

На рис. 4 и 5 приведены данные по психологическому отчуждению от мира, измеренному у респондентов экспериментальной группы. Значимые ($p < 0,05$) изменения после прохождения исследовательского курса НейроГрафики получены по следующим показателям: 1) уровень интернальности повысился на 6 % (в контрольной группе этот показатель повысился на 3 %); 2) уровень аномии понизился на 21 % (в контрольной группе этот показатель повысился на 23 %). Отличия данных экспериментальной и контрольной групп значимы на уровне $p < 0,05$.

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы об изменениях, запущенных курсом НейроГрафики в участниках исследования в области психологического отчуждения от мира: 1) повышение ответственности за себя и свою жизнь [Елисеев О.П., 2019]; 2) повышение общей устойчивости в используемых и декларируемых нормах и ценностях [Лыткина Е.И., 2014], т.е. было обнаружено выраженное понижение обоих параметров психологического отчуждения от мира — экстернальности и аномичности, что свидетельствует о том, что метод нейрографики способен справиться с преодолением психологического отчуждения от мира.

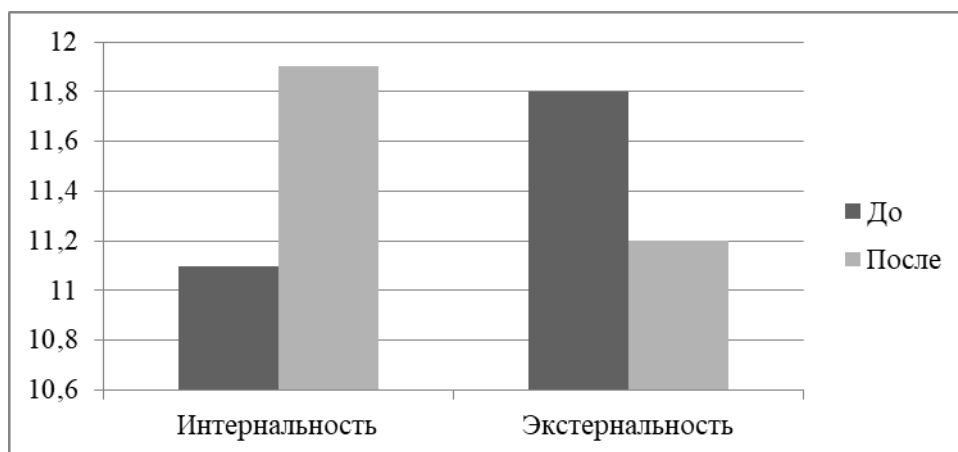

Рис. 4. Результаты теста локуса контроля до и после прохождения курса

Fig. 4. Results of the locus control test before and after the course

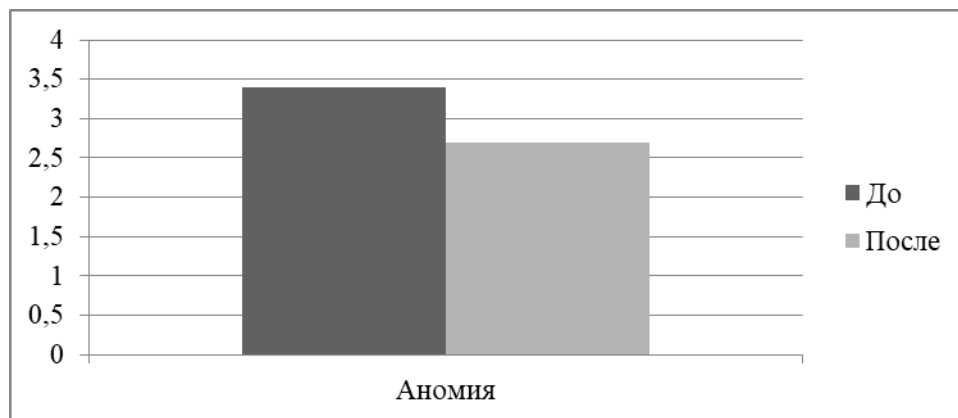

Рис. 5. Результаты шкалы аномии до и после прохождения курса

Fig. 5. Results of the anomie scale before and after the course

Ощущение стабильности норм и ценностей можно так же, как и в случае с изменениями показателей Темной триады и одиночества, объяснить повышением чувства принадлежности к социальным группам, которое запускается исследованием своих связей с социумом и исправлением их, являющихся частью Алгоритма Снятия Ограничения нейрографики, — нормы и ценности социальных групп осознаются и принимаются, становятся более значимыми, появляется большая готовность использования их в своей жизни. Повышение интернальности можно объяснить переводом эмоциональных реакций в рациональные осознания и планирование своего собственного поведения, которое происходит в процессе прохождения Алгоритма Снятия Ограничений нейрографики, что ставит акцент на собственной личности как творце своей собственной жизни и в результате запускает перенос причин событий собственной жизни с

внешних обстоятельств на свои личностные особенности (социально-психологический феномен, связанный с локусом внимания).

На рис. 6 приведены данные по изменениям показателей теста Метамодерн у участников курса. Значимые ($p < 0,05$) изменения после прохождения исследовательского курса Нейро-Графики получены по следующим показателям: 1) уровень премодерна понизился на 10 % (в контрольной группе этот показатель повысился на 9 %); 2) уровень модерна понизился на 5 % (в контрольной группе этот показатель понизился на 10 %); 3) уровень постмодерна повысился на 6 % (в контрольной группе этот показатель остался неизменным); 4) уровень метамодерна повысился на 3 % (в контрольной группе этот показатель остался неизменным). Отличия данных экспериментальной и контрольной групп значимы на уровне $p < 0,05$.

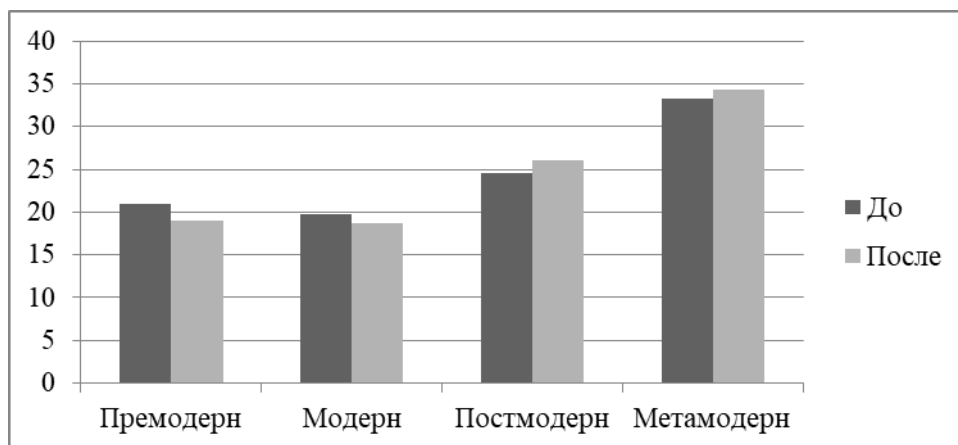

Рис. 6. Результаты теста Метамодерн до и после прохождения курса

Fig. 6. Results of Metamodern test before and after the course

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы об изменениях, запущенных курсом НейроГрафики в участниках исследования в области психологического отчуждения от мира: 1) крайне выраженное понижение уровня снятия с себя ответственности за себя и свою жизнь (в контрольной группе обнаружено ее повышение); 2) понижение стремления личности во всем опираться на рациональную оценку ситуации, сдвиг в сторону ее интуитивно-эмоциональной оценки; 3) повышение направленности на результативность своей деятельности; 4) общее повышение баланса трех сторон в личности — направленности на духовное самосовершенствование, получение эффективности выполняемой деятельности и изучение мира и самого себя [Полуэктов Д.А., 2022а, 2022б, 2022с]. Следовательно, предполагаемое понижение общей выраженности психологического отчуждения, соответствующее повышению показателя метамодерн, достигнуто, что свидетельствует об общем понижении психологического отчуждения личности у участников курса НейроГрафики. При этом дополнительно можно отметить, что это предполагаемое нами преодоление отчуждения сопровождается понижением уровня инфантильности личности, повышением уровня доверия себе в плане интуитивно-эмоционального понимания мира и повышением направленности личности на до-

стижение значимых результатов в своей деятельности.

Указанные изменения могут быть связаны с тем, что при прохождении Алгоритма Снятий Ограничений нейрографики происходит балансировка эмоциональных и рациональных, телесных и психических, индивидуальных и социальных составляющих личности, — в силу внимания ко всем этим сторонам при рисовании и осмыслению их роли в своей жизни в процессе обсуждения нарисованного и своих эмоциональных, телесных реакций и мыслей, ассоциаций.

На рис. 7 приведены данные по психологическому отчуждению, выраженному через архетипы, измеренные у респондентов экспериментальной группы. Значимые ($p < 0,05$) изменения после прохождения исследовательского курса НейроГрафики получены по следующим показателям: 1) уровень архетипа Славный Малый понизился на 3 % (в контрольной группе он повысился на 10 %); 2) уровень архетипа Искатель повысился на 4 % (в контрольной группе этот показатель повысился на 3 %); 3) уровень архетипа Правитель понизился на 3 % (в контрольной группе по этому показателю значимых отличий не было выявлено). Помимо этого, в контрольной группе было обнаружено значимое ($p < 0,05$) повышение уровня архетипа Простодушный на 5 %. Отличия данных экспериментальной и контрольной групп значимы на уровне $p < 0,05$.

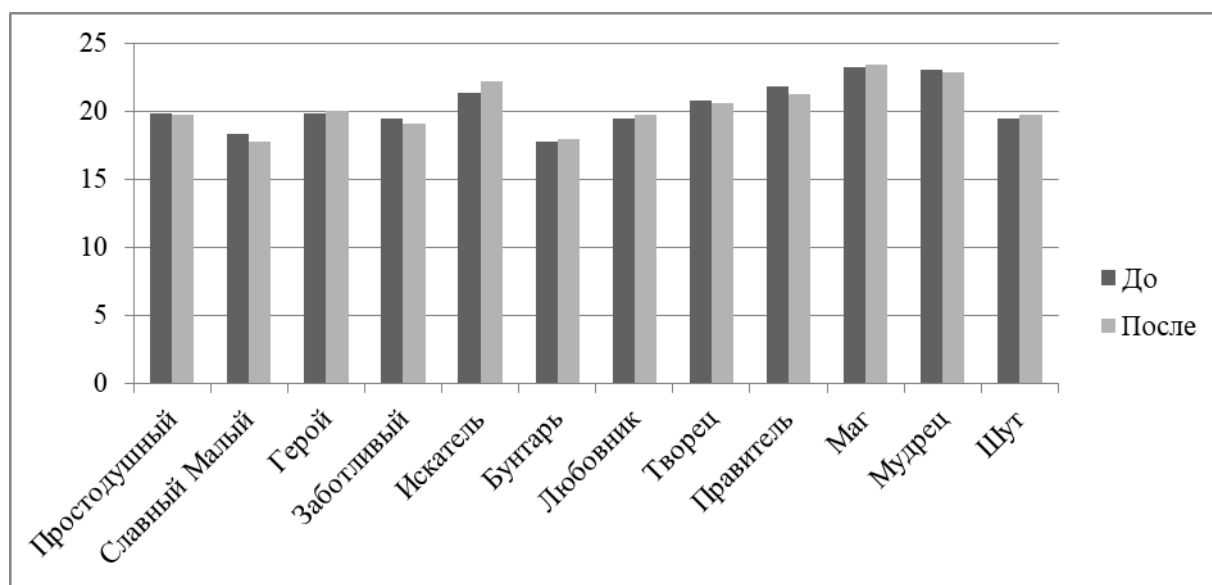

Рис. 7. Результаты определителя архетипов Пирсон–Марр до и после прохождения курса

Fig. 7. Results of the Pearson–Marr archetype determinant before and after the course

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы об изменениях, запущенных курсом НейроГрафики у участников исследования в области архетипических личностных паттернов: 1) повышение стремления делать что-то особенное, отличное от того, что делают другие; 2) удержание на том же уровне понимания мира как непростого (в контрольной группе повысилась тенденция к упрощению мира); 3) понижение стремления управлять своим окружением (что соответствует понижению показателя саморуководство, измеряемому для диагностики уровня психологического отчуждения от себя) [Китаева М.П., 2024с; Марк М., Пирсон К., 2005]. Следовательно, по понижению уровня архетипа Славный Малый мы можем говорить об общем понижении общего уровня психологического отчуждения. Но при этом обнаружено понижение уровня архетипа Правитель, что полностью подтверждает данные, полученные по понижению саморуководства при измерении психологического отчуждения от себя. Следует отметить, что понижение указанного показателя является небольшим — всего на 3 %, так же, как и в случае с показателем саморуководство. Но при этом эта информация является дополнительным подтверждением, что при проведении курса НейроГрафики нужно обращать особое внимание пользователей метода на внедрение полу-

ченных во время практик откровений в свою жизнь через активные действия для достижения желаемого результата.

Полученные результаты можно объяснить подробным самоанализом, который происходит в процессе прохождения Алгоритма Снятия Ограничений нейрографики — человек отмечает больше деталей и аспектов в каждой исследуемой им ситуации, за счет чего повышается общая когнитивная сложность, при этом повышается субъектность, роль творца своей собственной жизни, т.к. внимание в процессе работы акцентируется на себе и своих особенностях, своей роли в различных ситуациях, своей ответственности за последствия определенного своего поведения; также происходит сдвиг с того, чтобы исправить других людей, чтобы добиться позитивных эффектов, к исправлению самого себя.

Обратим внимание на субъективные описания, полученные от респондентов в отзывах. В табл. 1 приведены общие данные контент-анализа отзыва участников о состоянии во время первого занятия (тема — отношения с самим собой) без разделения по четырем основным категориям (ощущения; эмоции и чувства; мысли; смыслы) — для общей характеристики субъективного опыта респондентов, полученного во время первой практики исследовательского курса НейроГрафики.

Таблица 1. Субъективные описания, полученные от участников практик после 1 занятия

Table 1. Subjective descriptions received from the participants of the practice after 1 lesson

№	Описание состояния	%
1	Спокойствие	33
2	Раздражение	29
3	Вздохи, выдохи	25
4	Жарко, тепло	25
5	Напряжение	21
6	Гнев, злость	17
7	Волнение, беспокойство	17
8	Воспоминания	17
9	Слезы	17
10	Головная боль	17
11	Сосредоточенность	17
12	Интерес, увлеченность	17
13	Усталость	13
14	Грусть	13
15	Ком в горле	13
16	Нет мыслей	13
17	Расслабление	13
18	Головокружение	13
19	Гармония, умиротворение	13

Согласно данным из табл. 1, во время первого занятия участники курса чаще всего отмечали спокойствие (33 %), раздражение (29 %), вздохи/выдохи, ощущение жара и тепла (по 25 %) и напряжение (21 %). Эти данные соответствуют общему представлению специалистов и инструкторов НейроГрафики о привычных реакциях, вызываемых методом нейрографики у человека в процессе нейрографического рисования на разных его этапах: напряжение и раздражение, как правило, отмечается в начале работы, во время выброса; спокойствие в конце работы, когда все неприятные моменты уже отработаны; ощущение жара, тепла, постоянные вздохи и выдохи сопровождают процесс проработки терапевтической темы.

По два человека (8 %) отметили следующие особенности состояния: бодрость, активность; тревога; сдавление, тяжесть в груди; тошнота; жажда; учащенное сердцебиение; кашель; напряжение в области сердца; тяжелая голова; боль в спине; улыбка; радость; холодно; мутность зрения; напряжение в пальцах; онемение пальцев; позиция наблюдателя, отстраненность; боль в шее; напряжение в шее; пот. Судя по большому количеству указанных респондентами описаний, можно говорить о том, что во время практики метода нейрографики повышается внимательность к самому себе и своим реакциям.

В табл. 2 приведены данные контент-анализа отзыва участников о состоянии во время второго занятия (тема — отношения с другими людьми).

Таблица 2. Субъективные описания, полученные от участников практик после 2 занятия

Table 2. Subjective descriptions received from the participants of the practice after 2 lesson

№	Описание состояния	%
1	Спокойствие	42
2	Напряжение	25
3	Раздражение	21
4	Жарко, тепло	21
5	Гнев, злость	13
6	Слезы	13
7	Гармония, умиротворение	13
8	Тошнота	13
9	Улыбка	13
10	Радость	13

Согласно данным, представленным в табл. 2, во время второго занятия участники курса чаще всего отмечали спокойствие (42 %, т.е. чаще, чем на первом занятии), напряжение (25 %, немного чаще, чем на первом занятии), раздражение (21 %, реже, чем на первом занятии), ощущение жара и тепла (21 %, т.е. реже, чем на первом занятии). По два человека (8 %) отметили следующие особенности состояния: вздохи, выдохи; интерес, увлеченность; тревога; уверенность; тяжесть в руках. Здесь мы видим распределение, подобное распределению после первого занятия. Но больший процент «спокойствия» — больше респондентов в конце второго занятия (по сравнению с первым) отмечают это ровное состояние.

В табл. 3 приведены данные контент-анализа отзыва участников о состоянии во время третьего занятия (тема — отношения с миром в целом).

Таблица 3. Субъективные описания, полученные от участников практик после 3 занятия

Table 3. Subjective descriptions received from the participants of the practice after 3 lesson

№	Описание состояния	%
1	Спокойствие	42
2	Гармония, умиротворение	29
3	Радость	29
4	Раздражение	25
5	Жарко, тепло	25
6	Горит лицо	17
7	Напряжение	13
8	Интерес, увлеченность	13
9	Головная боль	13

Согласно результатам, отраженным в табл. 3, во время третьего занятия участники курса чаще всего отмечали спокойствие (42 %, как и на втором занятии, чаще, чем на первом занятии), гармонию и умиротворение, радость (по 29 %), раздражение, ощущение жара, тепла (по 25 %), ощущение, что «горит» лицо (17 %), напряжение, интерес и увлеченность, головную боль (по 13 %). По два человека (8 %) отметили следующие особенности состояния: гнев, злость; улыбка; расслабление; мутность зрения; напряжение в руках; напряжение в шее; легкость. После третьего занятия мы видим еще большее расширение диапазона отмечаемых респондентами ощущений, эмоций, чувств, мыслей и смыслов, что свидетельствует о том, что метод нейрографики позволяет человеку научиться быть внимательным к самому себе. Также большее количество респондентов отмечает «умиротворение» и «радость» в конце третьего занятия.

Результаты контент-анализа могут быть объяснены особым вниманием к собственной эмоциональности, телесности, которое отмечается при работе с Алгоритмом Снятия Ограничений нейрографики, — на протяжении всех занятий человек учится обнаруживать различные проявления своих ощущений, эмоций в теле, учится распознавать связи своего поведения, мыслительной деятельности с реализацией их через телесно-эмоциональную сферу.

Выводы

Главным результатом нашего исследования было подтверждение гипотезы о возможности понизить уровень психологического отчуждения с помощью метода нейрографика. Все рабочие гипотезы, предполагающие понижение уровня психологического отчуждения от себя, других людей и мира в процессе работы с самим собой посредством применения нейрографики, тоже получили подтверждение.

В качестве частных выводов нашего исследования мы можем отметить следующие значимые изменения в личности участников курса НейроГрафики.

1. Обнаружено понижение психологического отчуждения от себя, выраженное через достижение более глубокого осознания себя, внутренней честности и открытости по отношению к самому себе, а также через выражен-

ное понижение внутренней конфликтности. При этом отмечено небольшое понижение саморуководства.

2. Обнаружено понижение психологического отчуждения от других людей, выраженное через понижение склонности манипулировать другими людьми; понижение общего эгоцентризма, восприятия себя как наиболее значимого по сравнению с другими незначимыми людьми, стремления постоянно получать положительную обратную связь, подтверждающую выдающиеся особенности своей личности; понижение выраженности чувства одиночества.

3. Обнаружено понижение психологического отчуждения от мира, выраженное через повышение ответственности за себя и свою жизнь (интернальность) и повышение общей устойчивости в используемых и декларируемых нормах и ценностях (неаномичность).

4. Обнаружено понижение общего психологического отчуждения, оцениваемого по уровню показателей теста Метамодерн, выраженное через общее повышение баланса трех сторон в личности — направленности на духовное самосовершенствование, получение эффективности выполняемой деятельности и изучение мира и самого себя. Дополнительно отмечено значительное понижение уровня снятия с себя ответственности за себя и свою жизнь, повышение направленности на результативность своей деятельности, повышение доверия собственной интуитивно-эмоциональной оценке событий мира.

5. Обнаружено понижение общего психологического отчуждения, оцениваемого через архетипические личностные паттерны — понижение выраженности архетипа Славный Малый. При этом дополнительно отмечено повышение стремления делать что-то особенное, отличное от того, что делают другие; удержание на том же уровне понимания мира как непростого; понижение стремления управлять своим окружением.

В дополнение к указанным возможностям метода нейрографики, связанным с выраженной его способностью к преодолению психологического отчуждения от себя, других людей и мира, стоит отметить и одну особенность, на которую необходимо обращать внимание специалистам и инструкторам Нейро-

Графики при работе с людьми, а именно, что все те решения, которые были приняты во время нейрографического рисования, важно претворять в жизнь в форме реальных действий, что одного рисования для решения проблем недостаточно, и что именно реальные действия являются способом преодоления их трудностей, заявленных в начале работы. Это особенность нейрографики была обнаружена в небольшом (на 3%) понижении показателя самоотношения саморуководства и архетипа Правитель в результате исследовательского курса НейроГрафики.

Ограничением результатов текущего исследования мы считаем то, что выборка состояла только из женщин, и мы не знаем, каковы будут результаты подобного исследования для мужчин. Помимо этого, стоит отметить, что выборка состояла из женщин, ориентированных на саморазвитие (этот вывод можно сделать на основании того, что участницы исследовательского курса являются учащимися Института психологии творчества и школы личностного развития «Исследователи миров»), и мы не можем распространять с уверенностью эти результаты на всех женщин. Также следует отметить, что эффективность офлайн-занятий, проведенных по той же программе, а также курса большей длительности могут отличаться от полученных нами результатов.

Результаты исследования могут быть применимы как основа для реализации помогающих практик для женщин в психологическом консультировании, психотерапии, групповом и индивидуальном обучении, коучинге, а также как основа для проведения дополнительных исследований на других группах респондентов (мужчины, а также женщины, не занимающиеся прицельно своим личностным развитием).

Перспективы развития исследования, помимо связанных с расширением групп участников, обозначенных ранее, связаны с углублением понимания возможностей и ограничений метода нейрографики для повышения целостности личности через преодоление отчуждения от себя, от других людей и мира посредством введения в дизайн исследования иных диагностических методик, а также через изменение формата, длительности и содержания занятий исследовательского курса НейроГрафики, в том числе с изучением проявляющих-

ся через какое-то время после окончания курса эффектов и сохранения эффектов, проявляющихся сразу после прохождения курса, на более длительный срок (ретроспективные исследования).

Список литературы

- Абрамова Л.Ю.* Нейрографика как способ управления коммуникациями // *E-Scio*. 2021. № 12. С. 601–611.
- Авербух А.И.* Анализ возможности использования нейрографики, как способа профилактики ОКР (обсессивно-компульсивного расстройства) // *Наука, инновации, образование: актуальные вопросы XXI века: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 мая 2022 г.)*. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2022. С. 310–315.
- Ананьева Е.П.* Нейрографика, как арт-терапевтический метод сопровождения онкопациентов в стрессовой ситуации химиотерапии // *Психология и Психотехника*. 2018. № 3. С. 101–112. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2018.3.26744>
- Анохина В.С., Корнильцева О.С., Гармаш С.В., Потураева Л.Н.* Эффективность использования метода нейрографики в регуляции психоэмоционального состояния людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2023. Т. 12, № 3А–4А. С. 34–42.
- Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 43. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/1052/921> (дата обращения: 22.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>
- Елисеев О.П.* Практикум по психологии личности. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 390 с.
- Зорина Н.Н.* Применение нейрографики для развития эмоционального интеллекта личности // *Человеческий фактор: Социальный психолог*. 2020. № 1(39). С. 331–342.
- Ишмухаметов И.Н.* Психометрические характеристики шкалы одиночества UCLA (Версия 3): изучение студентов вуза // *Computer Modelling and New Technologies*. 2006. Vol. 10, no. 3. P. 89–95.
- Кутаева М.П.* Макиавеллизм как проявление психологического отчуждения человека // *Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сб. трудов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24 нояб-*

ря 2023 г.). Москва: РУТ (МИИТ), РОАТ, 2023. С. 81–89.

Китаева М.П. Маргинальность как причина психологического отчуждения в цифровом обществе // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2023. Т. 4, № 12. С. 79–86.

Китаева М.П. Нейрографика как арт-терапевтический метод преодоления психологического отчуждения // Психология и медицина: пути поиска оптимального взаимодействия – 2023: Здоровье и психологическое благополучие личности: сб. материалов X Междунар. конф. студентов и молодых ученых (Рязань, 23–24 ноября 2023 г.). Рязань: Изд-во РязГМУ Минздрава России, 2024. С. 356–361.

Китаева М.П. Применение интегративных психотехнологий для преодоления самоотчуждения // Методология современной психологии. 2024. Вып. 21. С. 130–140.

Китаева М.П. Субъектность 12 архетипов Кэрл Пирсон // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2024. Т. 5, № 1. С. 52–61.

Китаева М.П. Феномены отчуждения и одиночества в социуме // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2024. № 1(49). С. 26–33.

Лыткина Е.И. Операционализация понятия «аномия» в эмпирических исследованиях: аналитический обзор // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 165–199.

Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / пер. с англ. под ред. В.Н. Домнина, А.П. Сухенко. СПб.: Питер, 2005. 336 с.

Никольская И.А., Копецкий И.С. Арт-терапия как метод коррекции негативных эмоций на стоматологическом приеме // Медицинский алфавит. 2022. № 7. С. 95–98. DOI: <https://doi.org/10.33667/2078-5631-2022-7-95-98>

Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.

Парфененко Р.Д. Оценка эффективности нейрографики как метода коррекции фрустрационных реакций // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов (Витебск, 21 апреля 2023 г.): в 2 т. Витебск: Изд-во ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. Т. 2. С. 249–251.

Пискарев П.М. Духовная сила нейрографики // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 1(39). С. 406–411.

Пискарев П.М. Нейрографика. Алгоритм снятия ограничений. М.: Эксмо, 2021. 224 с.

Пискарев П.М. Предпосылки формирования метода «Нейрографика» // Методология современной психологии. 2016. Вып. 6. С. 335–343.

Полуэктов Д.А. Применение интегративного коуч-инструмента Тест метамодерн в практике коучинга и самокоучинга: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2022. 32 с.

Полуэктов Д.А. Коучинговые принципы работы «теста Метамодерн» («теста Полуэктова») // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2022. № 2(44). С. 123–140.

Полуэктов Д.А. Принцип «фрактальности» и «голографичности» в теории и практическом применении теста Метамодерн // Методология современной психологии. 2022. Вып. 16. С. 281–292.

Ревакина Л.В. Нейрографика в работе с ролевой самооценкой // Вестник Московской международной академии. 2021. № 1. С. 136–145.

Савельева О.А. Нейрографика как проективная методика диагностики, осознания и самоанализа психических состояний // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. № 1(35). С. 330–337.

Симонов П.А. Применение нейрографики как метода интегративной психологии в антикризисной работе // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2022. № 1(43). С. 165–172.

Сорокина Е.Н. Нейрографика как интегративная психотехнология сопровождения кризиса развития в многоуровневом процессе самоактуализации женщины-матери // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 1(45). С. 231–242.

Усатых Г.Н. Коррекция тревоги и профилактика панических атак методом нейрографики // Молодой ученый. 2020. № 22(312). С. 485–490.

References

Abramova, L.Yu. (2021). [Neurography as a method of communication management]. *E-Scio*. No. 12, pp. 601–611.

Averbukh, A.I. (2022). [Analysis of the possibility of using neurography as a method of preventing OCD (obsessive-compulsive disorder)]. *Nauka, innovatsii, obrazovanie: aktual'nye voprosy XXI veka: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Penza, 25 maya 2022 g.)* [Science, Innovation, Education: Topical Issues of the 21st Century. collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (Penza, May 25, 2022)]. Penza: Nauka i prosveshcheniye Publ., pp. 310–315.

Anan'eva, E.P. (2018). [Neurographica as the art-therapy method of psychological counselling of female cancer patients undergoing chemotherapy]. *Psikhologiya i psikhotehnika* [Psychology and Psychotechnics]. No. 3, pp. 101–112. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2018.3.26744>

Anokhina, V.S., Kornil'tseva, O.S., Garmash, S.V. and Poturaeva, L.N. (2023). [Efficiency of using the neurographics method in regulation of psychoemotional state people in difficult life situation]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches]. Vol. 12, no. 3A–4A, pp. 34–42.

Egorova, M.S., Sitnikova, M.A., Parshikova, O.V. (2015). [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 8, no. 43. Available at: <https://psystudy.ru/num/article/view/1052/921> (accessed 22.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>

Eliseev, O.P. (2019). *Praktikum po psikhologii lichnosti* [Practicum on personality psychology]. Moscow: Yurayt Publ., 390 p.

Ishmukhametov, I.N. (2006). [Psychometric characteristics of the UCLA loneliness scale (Version 3): a research of loneliness of the higher school students]. [Computer Modeling and New Technologies]. Vol. 10, no. 3, pp. 89–95.

Kitaeva, M.P. (2023). [Machiavellianism as a manifestation of psychological alienation of a person]. *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossiyskogo obshchestva: sbornik trudov VII Mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii (Moskva, 24 noyabrya 2023 g.)* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: proceedings of the 7th International scientific and practical conference (Moscow, November 24, 2023)]. Moscow: RUT (MIIT), ROAT Publ., pp. 81–89.

Kitaeva, M.P. (2023). [Marginality as a cause of psychological alienation in a digital society]. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii* [Actual Problems of Pedagogy and Psychology]. Vol. 4, no. 12, pp. 79–86.

Kitaeva, M.P. (2024). [Application of integrative psychotechnologies to overcome self-alienation]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii* [Methodology of Modern Psychology]. Iss. 21, pp. 130–140.

Kitaeva, M.P. (2024). [Neurography as an art-therapeutic method of overcoming psychological alienation]. *Psikhologiya i meditsina: puti poiska optimal'nogo vzaimodejstviya – 2023: Zdorov'ye i*

psikhologicheskoye blagopoluchiye lichnosti: sbornik materialov X Mezhdunarodnoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Ryazan', 23–24 noyabrya 2023 g.) [Psychology and medicine: ways to find optimal interaction – 2023: Health and psychological well-being of the individual: proceedings of the 10th International conference of students and young scientists (Ryazan, November 23–24, 2023)]. Ryazan: RyazSMU, Minzdrav Rossii Publ., pp. 356–361.

Kitaeva, M.P. (2024). [Phenomena of alienation and loneliness in society]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. No. 1(49), pp. 26–33.

Kitaeva, M.P. (2024). [Subjectivity 12 archetypes by Carol Pearson]. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii* [Actual Problems of Pedagogy and Psychology]. Vol. 5, no. 1, pp. 52–61.

Lytkina, E.I. (2014). [Operationalization of the concept of «anomie» in empirical research: an analytical review]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 38, pp. 165–199.

Mark, M. and Pirson, K. (2005). *Geroy i buntar'. Sozdanie brenda s pomosh'yu arkhетipov* [The hero and the outlaw: Building extraordinary brands through the power of archetypes]. St. Petersburg: Piter Publ., 336 p.

Nikol'skaya, I.A. and Kopetskiy, I.S. (2022). [Art therapy as a method of correction of negative emotions at dental appointment]. *Meditsinskiy alfavit* [Medical Alphabet]. No. 7, pp. 95–98. DOI: <https://doi.org/10.33667/2078-5631-2022-7-95-98>

Pantileev, S.R. (1993). *Metodika issledovaniya samootnosheniya* [Methodology of self-attitude research]. Moscow: Smysl Publ., 32 p.

Parfenenko, R.D. (2023). [Evaluation of the effectiveness of neurography as a method of correction of frustrating reactions]. *Molodost'. Intellekt. Initsiativa: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii studentov i magistrantov (Vitebsk, 21 aprelya 2023 g.): v 2 t.* [Youth. Intelligence. Initiative. Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference of students and undergraduates (Vitebsk, April 21, 2023): in 2 vols]. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov Publ., vol. 2, pp. 249–251.

Piskaryov, P.M. (2016). [Prerequisites for the formation of the «Neurography» method]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii* [Methodology of Modern Psychology]. Iss. 6, pp. 335–343.

Piskaryov, P.M. (2020). [The spiritual power of neurography]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyy*

psikholog [Human Factor: Social Psychologist]. No. 1(39), pp. 406–411.

Piskaryov, P.M. (2021). *Neyrografika. Algoritm snyatiya ogranicheniy* [Neurography. The Algorithm for removing restrictions]. Moscow: Eksmo Publ., 224 p.

Poluektov, D.A. (2022). [Coaching principles of the «Metamodern test» («Poluektov test»)]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. No. 2(44), pp. 123–140.

Poluektov, D.A. (2022). *Primenenie integrativnogo kouch-instrumenta Test metamodern v praktike kouchinga i samokouchinga: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Application of the integrative coaching tool Metamodern test in the practice of coaching and self-coaching: Abstract of Ph.D. dissertation]. Yaroslavl, 32 p.

Poluektov, D.A. (2022). [The principle of «fractality» and «holography» in the theory and practical application of the Metamodern test]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii* [Methodology of Modern Psychology]. Iss. 16, pp. 281–292.

Revyakina, L.V. (2021). [Neurographics in role self-esteem]. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii* [Bulletin of the Moscow International Academy]. No. 1, pp. 136–145.

Savel'eva, O.A. (2018). [Neurography as a projective technique of diagnosis, awareness and introspection of mental states]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. No. 1(35), pp. 330–337.

Simonov, P.A. (2022). [Application of neurography as a method of integrative psychology in anti-crisis work]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. No. 1(43), pp. 165–172.

Sorokina, E.N. (2023). [Neurography as an integrative psychotechnology of development crisis support in the multilevel process of self-actualization of a mother woman]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. No. 1(45), pp. 231–242.

Usatykh, G.N. (2020). [Correction of anxiety and prevention of panic attacks by the method of neurography]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. No. 22(312), pp. 485–490.

Zorina, N.N. (2020). [Application of neurography for the development of emotional intelligence of personality]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. No. 1(39), pp. 331–342.

Об авторах

Китаева Мария Петровна

доктор психологических наук,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры социальной психологии

Московский институт психологии,
107078, Москва, Докучаев пер., 8;
e-mail: kimape@mail.ru
ResearcherID: AAO-6153-2021

About the authors

Maria P. Kitaeva

Doctor of Psychology,
Candidate of Biological Sciences
Associate Professor of the Department
of Social Psychology

Moscow Institute of Psychology,
8, Dokuchaev Ln., Moscow, 107078, Russia;
e-mail: kimape@mail.ru
ResearcherID: AAO-6153-2021

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.752

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-262-273>

EDN: VNUFZD

Поступила: 01.05.2025

Принята: 28.05.2025

Опубликована: 03.07.2025

**ВСЕМИРНЫЙ ОБЗОР ЦЕННОСТЕЙ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ АНАЛИЗЕ
КОНСОЛИДАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ**

Волегов Владимир Сергеевич, Сомхишвили Кристина Отариевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностями и ограничениями, возникающими при использовании методики Всемирного обзора ценностей для анализа консолидационного потенциала территориальных общностей. Важность изменения ценностей связана с трансформационными процессами, характерными для современного общества и потенциально усиливающими разнородность культурно-ценностных моделей различных социальных общностей. Эмпирической базой статьи являются отечественные исследования, посвященные анализу результатов различных волн Всемирного обзора ценностей, а также инструментарий и базы данных по итогам проведения 5-ой, 6-ой и 7-ой волн данного исследования, позволившие оценить межпунктовую корреляцию и степень согласованности получаемых шкал. Проведенный анализ литературы позволил выделить ряд проблем с возможностью сопоставления данных, полученных в различных социокультурных условиях. Данные ограничения связаны с несовпадением интерпретации и содержательного наполнения ценностей в рамках различных культур, а также расхождениями в коннотациях, вызванными историческим и политическим контекстами. При сравнении результатов на уровне российского общества исследователями фиксируется наличие отдельных расхождений, вызванных неоднородностью социальной структуры. Однако в большей степени данные расхождения связаны с поколенческой структурой, при слабой выраженности или отсутствии влияния социально-классового деления. Одной из важных характеристик, зафиксированных как в обзоре литературы, так и в ходе анализа массива данных, является слабая выраженность институционального доверия и возможности его применения для анализа на уровне регионов и территориальных сообществ. Кроме того, в работе отмечаются сложности в применении методики изучения ценностей, связанные как с их сложной структурой и неоднородностью шкал, предлагаемых для их измерения, так и со слабой корреляцией между ценностями и доверием. На основании проведенного анализа делается вывод о целесообразности использования методики оценки ценностных ориентаций Шварца для повышения надежности исследования.

Ключевые слова: Всемирный обзор ценностей, Европейское социальное исследование, консолидационный потенциал, структура ценностей, доверие, оценка надежности шкал.

Для цитирования:

Волегов В.С., Сомхишвили К.О. Всемирный обзор ценностей: возможности и ограничения при анализе консолидационного потенциала территории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 262–273. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-262-273>. EDN: VNUFZD

WORLD VALUES SURVEY: THE POSSIBILITIES AND LIMITATIONS IN ANALYZING THE CONSOLIDATION POTENTIAL OF A TERRITORY

Vladimir S. Volegov, Kristina O. Somkhishvili

Perm State University (Perm)

The article examines issues related to the possibilities and limitations that arise when using the World Values Survey methodology to analyze the consolidation potential of territorial communities. The importance of changing values is associated with the transformation processes characteristic of modern society and potentially increasing the heterogeneity of cultural and value models of various social communities. The empirical basis of the article is domestic studies devoted to the analysis of the results obtained in various waves of the World Values Survey as well as the tools and databases compiled based on the results of the 5th, 6th, and 7th waves of this study, which made it possible to assess the inter-item correlation and the degree of consistency of the obtained scales. The conducted analysis of the literature identified a number of problems with the possibility of comparing data obtained in various socio-cultural conditions. These limitations are determined by the discordance between the interpretation and content of values within different cultures, as well as differences in connotations caused by historical and political contexts. When comparing the results at the level of Russian society, researchers note the presence of individual discrepancies caused by the heterogeneity of the social structure. However, to a greater extent, these discrepancies are explained by the generational structure, with a weakly expressed or absent influence of social-class division. One of the important characteristics noted both in the literature review and during the analysis of the data array is the weak expression of institutional trust and low possibility of its application for analysis at the level of regions and territorial communities. In addition, the paper notes the difficulties in using the methodology for studying values, associated with their complex structure, with the heterogeneity of the scales proposed for their measurement as well as with a weak correlation between values and trust. The authors make a conclusion about the advisability of using the Schwartz method for assessing value orientations to increase the reliability of the study.

Keywords: World Values Survey, European Social Survey, consolidation potential, value structure, trust, scale reliability assessment.

To cite:

Volegov V.S., Somkhishvili K.O. [World Values Survey: the possibilities and limitations in analyzing the consolidation potential of a territory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 262–273 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-262-273>, EDN: VNUFZD

Введение

Современный этап развития общества характеризуется исследователями через указание на постоянно возрастающий уровень риска и неопределенности в развитии социальных процессов [Бек У., 2000; Обухова Н.И., 2021], нарастанием «отрицательной солидарности» [Арендт Х., 1996], «космической бездомностью» [Berger P.L. et al., 1973] и целым рядом других характеристик, указывающих на постепенную трансформацию или даже деградацию социальных связей и солидарности в обществе.

В определенной степени данные процессы оказываются связанными и с изменениями ценностной структуры населения, формированием множественных оснований для фрагментации культурно-ценностной модели [Разрывы и конвенции..., 2011], что при определенных условиях может приводить к ослаблению социокультурной безопасности и консолидационного потенциала территориальных общностей, понимаемого как возможности добровольного объединения социальных субъектов для реализации общих ценностей.

На сегодняшний день существует значительный пласт исследований, посвященных изучению ценностей: их структуры, иерархии, трансформации, отдельным примерам социокультурных факторов формирования ценностных структур. Однако множество подобных исследований рассматривает ценности в максимально широком контексте, ориентируясь на доминирующие представления на уровне отдельных макрорегионов, стран, а также их сопоставление. При этом сравнительно меньшее внимание уделяется вопросам формирования и трансформации ценностей на уровне отдельных территориальных сообществ, различных социально-демографических и иных групп. В связи с чем появляется потребность в оценке наиболее тиражируемых исследований в качестве ориентировочной модели для построения исследований на уровне региона.

В данной статье будут рассмотрены вопросы, связанные с использованием материалов Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), предложенной Р. Инглхартом, для анализа различных уровней социальных общностей, а также ограничениях, которые возникают при ее применении. Особое внимание будет уделено таким показателям, как доверие и ценности, поскольку они связаны с консолидацией индивидов, а также различных социальных групп для достижения общих целей. В качестве дополнительного материала для сравнения будет использовано Европейское социальное исследование (ESS) в России [EVS/WVS Joint dataset (2017–2022)]. Необходимо оценить возможности и ограничения предлагаемых методологических решений и применимость инструментария.

Описание исследовательской модели Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) Р. Инглхарта

Говоря о Всемирном обзоре ценностей (World Values Survey), принято отмечать, что исследование берет свое начало в 1981 г., оно представляет собой систематические замеры по целому ряду показателей, выполняемые раз в 5 лет в каждой из стран-участниц. Долгая история позволяет следить за трансформацией вопросов и способов измерения. Проект Р. Инглхарта ставит амбициозную цель — оценить влияние ценностей на социальное, политическое и экономическое развитие стран и обществ. На данный момент идет 8-я волна (2024–2026) исследова-

ния мировых ценностей. Наиболее свежие данные и инструментарий исследования для России представлены в материалах 7-й волны.

Для всех территорий разрабатывается «мастер анкета» на английском языке, однако она может меняться в зависимости от контекста языковой среды территории, на которой будет реализовано исследование. В 7-ой волне русскоязычной версии, как и в англоязычной, вопросы, касающиеся ценностей, разнесены по разным частям анкеты и представляют собой отдельные показатели, не предполагающие единой системы измерения.

Каноничной формой представления результатов исследования в разделе ценности стала карта. Карта ценностей строится на двух осях: от традиционных к секулярно-рациональным ценностям (вертикаль) и от ценности выживания к ценности самовыражения (горизонталь). Внутри указанных осей располагаются территории, которые объединяются по принципу территориальной или культурной близости. Свое расположение на карте территория получает на основании усредненных оценок по показателям. За формирование оценки отвечает расширенный набор показателей, который отличается при переходе от одной волны исследования к другой.

Блок показателей, касающихся оценки доверия, более устойчив и представлен оценкой обобщенного доверия, межличностного доверия и институционального доверия. Из волны в волну воспроизводится трехчастная модель оценки доверия. Если способы оценки сохраняются, то список параметров остается устойчивым только для межличностного доверия, тесно связанного с личным опытом, и из года в год расширяется, если мы говорим об институциональном доверии.

Для оценки возможностей применения инструментария и шкал используется три волны: 7-ая волна (для России сбор данных проводился представителями Высшей школы экономики в 2017 г.) [WVS Wave 7 (2017–2022)], 6-ая волна [WVS Wave 6 (2010–2014)] (для России сбор данных проводился «Аналитическим центром Юрия Левады»¹ в 2011 г.), 5-ая волна [WVS

¹ Автономная Некоммерческая Организация «Аналитический Центр Юрия Левады» внесена в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ 05.09.2016.

Wave 5 (2005–2009)] (для России сбор данных проводился «ГфК-Русь» в 2005 году) соответственно. В 5-ую волну выборка составила 2033 наблюдения, в 6-ую — 2500, в 7-ую — 1810. Выгружаемые данные не позволяют отделить один регион от другого, по этой причине результаты будут соотноситься с материалами близких исследований в рамках указанных периодов и актуальными данными в части содержания. Для каждой конфигурации групп вопросов рассчитывается альфа Кронбаха, основанный на расчете средней межпунктовой корреляции и дающий возможность судить о согласованности получаемых шкал. Для уточнения предлагается расчет коэффициента связи, что позволяет уточнить порядки согласования.

Международный контекст и специфика структуры ценностей российского общества

Одним из существенных достоинств, связанных с применением международных стандартизированных исследований, является возможность сопоставления данных, полученных в различных макрорегиональных сообществах, в том числе — сравнение положения российского общества. В качестве существенного минуса можно отметить отсутствие в выгружаемых базах данных информации в разрезе регионов в рамках одного макрорегионального объекта, что затрудняет оценку качества выборки и не позволяет углубляться в анализ в территориальном аспекте.

Практически все проанализированные исследования указывают, что для ценностной структуры россиян, в сравнении с представителями других стран, сопоставимых по уровню социально-экономического развития, характерна «более высокая осторожность (или даже страх) и более выраженная потребность в защите со стороны сильного государства» [Магун В.С., Руднев М.Г., 2010, с. 19], низкий уровень доверия [Левшин С.В., 2016, с. 99] и социального капитала [Херпфер К., Кизилова К.А., 2016, с. 37], в том числе за счет низкой вовлеченности в деятельность общественных организаций [Башкирова Е.И., 2000, с. 53; Манукян С.А., Мсрян С., 2018, с. 90]. По данным авторов, в основе системы ценностей россиян находятся (по мере снижения значимости) такие характеристики, как «семья — работа — дру-

зья, знакомые — свободное время — религия — политика» [Башкирова Е.И., 2000, с. 51].

В качестве факторов, влияющих на иерархию ценностей и их динамику, авторы отмечают культурный контекст и историю развития, включая влияние религии [Левшин С.В., 2016, с. 101], изменение политических ориентиров [Тихонова Н.Е., 2021, с. 52], а также уровень социально-экономического развития. В частности, негативные тенденции в уровне доходов населения влияют на усиление мотива трудовой деятельности как ценности выживания [Башкирова Е.И., 2000, с. 52]. Еще одним важным аспектом, влияющим на развитие и изменение ценностей населения, называют активность межкультурной коммуникации, которая интерпретируется не просто как обмен информацией с представителями другого культурного сообщества, а как «полифункциональное явление, которое прежде всего обеспечивает формирование и поддержание ключевых ценностно-смысловых комплексов» [Попов Е.А., 2023, с. 3]. Как указывает Е.А. Попов, усиление трансляции различных культурных моделей влияет на структуру ценностей, приводя к тому, что «социокультурная динамика, которая всегда определялась ценностями и нормами, теперь основывается и на информационных приоритетах и тенденциях» [Попов Е.А., 2023, с. 5].

В то же время в литературе выделяется немало работ, указывающих на сложности в прямом сопоставлении данных о структуре ценностей в разных странах. Во-первых, необходимо выделить расхождения в конкретных аспектах, выделяемых представителями различных культур в изучаемых ценностях (например, интерпретация порядка как упорядоченности или гарантии свободного выбора) [Кретов П.А., 2024, с. 40]. Более того, даже при схожем наборе ценностей и их динамике страны могут демонстрировать различное их воплощение (например, ценность межличностного доверия как семейных отношений в Китае или личном долге в Японии [Левшин С.В., 2016, с. 100]).

Во-вторых, сформированная в каждой культуре языковая модель предполагает существование сложной системы коннотаций, т.е. оценочно окрашенных значений понятий, которые различаются в различных социальных контекстах. В конечном счете это влияет на формирование «конфликта разных ценностных си-

стем» [Вепрева И.Т., Мальцева Т.В., 2017, с. 118], а следовательно, ставит под вопрос универсальность применяемых измерительных инструментов.

Третья особенность, отмечаемая авторами, связана с неоднородными связями между ценностями и социальными процессами, в которые они погружены. Например, ситуативной оказывается связь доверия и индекса гендерного разрыва [Барановский М.В., 2022, с. 82], а социальный класс «индивида положительно связан с генерализованным доверием только в богатых странах» [Волченко О.В., Широканова А.А., 2016, с. 14].

Иными словами, Всемирное исследование ценностей дает важный материал для изучения структуры и динамики ценностей, позволяя сравнивать различные территориальные сообщества. Однако на макроуровне подобные сравнения не всегда будут плодотворными. Одной из причин, объясняющих проблемы в сопоставлении данных, является неоднородный характер общества и необходимость учета специфики ценностей отдельных социальных общностей, выделяемых по различным социальным признакам.

Специфика ценностной структуры социальных групп: обзор исследований

Прежде всего, необходимо обратиться к анализу иерархии ценностей, характерных для различных демографических групп. Несмотря на активное транслирование теории поколений и представлений о существенных различиях в их наборе ценностей, исследования (например, [Фомичева Т.В., 2020, с. 131]) указывают на отсутствие существенных различий в наборе базовых ценностей россиян в возрастных группах до 29 лет и 30–39 лет: доминирующими являются традиционные ценности (семья и работа). Более того, ценность работы для первой из групп выросла за период с 1990 по 2020 г. с 32,9 % до 56 % [Фомичева Т.В., 2022, с. 138]. Схожими ценностями обладает и старшая когорта россиян, среди приоритетов которой выделяются «здоровье, семья, наличие друзей, материальная обеспеченность и активная деятельность» [Новиков К.Е., Быканова Д.А., 2017, с. 163].

Тем не менее, отдельные возрастные различия все же присутствуют. Например, выделяется разница в отношении к налоговой дисци-

плине и налоговому мошенничеству: «отношение к налоговому мошенничеству меняется с возрастом: от большего к меньшему его одобрению» [Покровская Н.В., Теляк О.А., 2022, с. 74], на фоне усиления лояльности к налоговому мошенничеству у молодежи. Еще одним примером поколенческих различий, зафиксированных на основе данных Всемирного исследования ценностей, является наличие инновационных установок, связанных с готовностью идти на риск, значимость которой превалирует у более молодых участников исследования [Федотова В.А., 2016, с. 85]. Указанная особенность особенно важна, т.к. показатели значимости ценностей «Риска» и «Новизны» в российском обществе являются наиболее дифференцированными, по сравнению с другими европейскими странами [Руднев М.Г., Магун В.С., 2011, с. 89].

Еще одним основанием для различий в ценностях россиян представляется социально-экономическая дифференциация, которая, по мнению М.А. Грищенко, является основой для «социокультурных расколов и диспропорций» [Грищенко М.А., 2020, с. 241]. Как указывается в исследовании, средний класс, с одной стороны, не является единой группой в связи с существенными различиями в показателях дохода и ценностных представлениях, с другой — его усредненные характеристики «являются основанием для того, что проводить раздел с “элитой” и низкодоходными социальными слоями» [Грищенко М.А., 2020, с. 243]. Одна из причин, выделяемых автором, связана с переносом доверия и идентичности с институтов (их «аксеологического восприятия») на профессионализм и «сферу личного выбора» [Грищенко М.А., 2020, с. 244].

Характерно, что по данным исследования М.Г. Руднева и В.С. Магуна, социально-классовые различия ценностей для российского общества являются менее выраженными, по сравнению с возрастными. Более того, «для ценностей Риска-Новизны, Гедонизма и Заботы — вообще статистически незначимы» [Руднев М.Г., Магун В.С., 2011, с. 91]. В определенной степени на представленные результаты может влиять различие исторического опыта, а также влияние макросоциальных факторов, прежде всего, цифровизации, которая, с одной стороны, усиливает межкультурную коммуни-

кацию именно среди активных пользователей сети Интернет (в наименьшей степени — представителей старшего возраста) [Фомичева Т.В., Катаева В.И., 2019, с. 81], а с другой — меняет практики поведения в рамках опросных технологий. Как указывают В.И. Корсунова и Б.О. Соколов, практика офлайн-опроса в отношении ценностей может приводить к большей демонстрации «социально желательных ответов», в то время как использование цифровых технологий оказывает «эмансипирующее» воздействие, повышая вероятность высказывания альтернативных точек зрения [Корсунова В.И., Соколов Б.О., 2022, с. 21].

При этом во всех перечисленных работах без детального рассмотрения оказывается уровень отдельных территориальных сообществ и возможное влияние поселенческой структуры и ее характеристик на иерархию и проявления ценностей. Так, соотнесение общей картины и вариаций в зависимости от территории является значимым ориентиром в построении дальнейших исследований.

Доверие и консолидационный потенциал территории

Во всех рассматриваемых волнах Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) есть группы вопросов, отвечающих за измерение доверия. Во всех трех изучаемых волнах представлено обобщенное доверие, межличностное доверие и институциональное доверие. Обобщенное доверие измеряется одинаково, вопрос звучит так: «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?», и предлагается выбрать одну из двух альтернатив; первая сигнализирует о высоком уровне доверия, вторая о низком. По данным Всемирного обзора ценностей можно зафиксировать рост доли готовых говорить о том, что большинству людей можно доверять (5-ая волна — 24,6; 6-ая волна — 27,8; 7-ая волна — 32,5). Это соотносится с материалами ВЦИОМ [В поисках доверия..., 2024] и исследованием Ю.В. Веселова, Н.Г. Скворцова [Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г., 2023], в которых также предлагаются результаты за разные периоды времени, и доля готовых доверять колеблется от 25 % до 30 % в зависимости от выбранного разреза.

Если говорить о локализации данного вопроса в инструментарии, то для 5-ой и 6-ой волны характерно располагать данный вопрос ближе к началу анкеты, не переходить от него к вопросам, фиксирующим межличностное и институциональное доверие, а размещать их ближе к концу анкеты. В инструментарии 7-ой волны данный вопрос стоит перед вопросами о межличностном и институциональном доверии, что визуально и логически объединяет их в единый блок, также группа вопросов расположена скорее ближе к середине инструментария. Показатели оценки надежности шкалы для межличностного и институционального доверия приведены в Таблице.

Анализируя вид вопроса, отвечающего за межличностное доверие, следует отметить, что его формулировка меняется во всех трех волнах, становится более формальной и к 7-ой волне приобретает вид: «Следующий вопрос о том, насколько Вы доверяете тем или иным людям» и предполагает оценку четырехбалльной шкалой по каждому примеру из списка. Сами списки состоят из шести идентичных параметров. Для всех волн показатель надежности шкалы отмечается в районе 0.75, что говорит о хорошей связности переменных. В данных по 7-ой волне корреляционная матрица показывает более высокие значения, чем в предыдущих волнах. Наименее тесно связано с другими доверие семье; можно предположить, что это единственный пункт из списка, отсылающий респондента к устойчивой группе людей и наименее подверженный ориентации на социально желаемый ответ. В вышеприведенном исследовании ВЦИОМ также подчеркивается растущий уровень межличностного доверия.

Институциональное доверие во всех трех волнах измерялось по четырехбалльной шкале и предполагало оценку в 5-ой волне семнадцати институтов, в 6-ой к ним добавились еще два (университеты и банки), а в 7-ой к получившимся девятнадцати добавились еще семь (выборы, Международный Валютный Фонд (МВФ), Международный Уголовный Суд (МУС), Северо-Атлантический Союз (НАТО), Всемирный Банк, Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ), Всемирная Торговая Организация (ВТО)). В предложенных списках можно выделить несколько групп институтов: экономические, политические и социальные. В последней,

7-ой волне к ним добавляются крупные надгосударственные институциональные системы.

При оценке надежности шкалы во всех трех волнах значение альфа Кронбаха равно примерно 0,9, что указывает на высокую устойчивость за счет внутренних связей между параметрами. Проведенный факторный анализ позволяет говорить о трех оформленных факторах для каждой из трех взятых для примера волн. Значения коэффициента корреляции для элементов институционального доверия менее

устойчивы и чаще показывают значения, которые можно интерпретировать как слабую связь. Институциональное доверие наименее пригодно для включения в исследования на уровне региона или локальной территории из-за большого объема и относительно сложной структуры, которая не оправдывается в ходе анализа, т.к. показатели при хорошей внутренней согласованности дают низкий показатель тесноты связи с параметрами, отвечающими за ценности, о чем будет говориться в дальнейшем.

Показатели оценки надежности шкалы

Indicators of scale reliability assessment

Доверие	Волна обследования	Альфа Кронбаха	Min значение коэффициента Спирмена	Max значение коэффициента Спирмена	Количество переменных
межличностное	5-ая волна	0,74	0,05	0,81	6,00
	6-ая волна	0,75	0,04	0,85	6,00
	7-ая волна	0,77	0,10	0,84	6,00
институциональное	5-ая волна	0,90	0,05	0,69	17,00
	6-ая волна	0,94	0,20	0,76	19,00
	7-ая волна	0,94	0,18	0,70	26,00

Примечание: учитывается теснота связи для уровня значимости 0,05 и выше.

Note: the strength of the relationship is taken into account for a significance level of 0.05 and higher.

Ценности и консолидационный потенциал территории

В отличие от доверия, представленного явно читающимися блоками из трех групп вопросов, подход к измерению ценностей может отличаться. Наиболее очевидным является встречающийся в 5-ой и 6-ой табличный вопрос, который предлагает указать, насколько предложенное описание похоже на респондента. Однако сам вопрос не позволяет выделить явные ценности, а только фиксирует некоторые направленности, хотя коэффициент альфа Кронбаха показывает достаточный уровень в 0,75, содержательный анализ остается достаточно общим. Кроме того, авторы материалов Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) в 7-ой волне (если ориентироваться на мастер анкету, и в 8-ой волне) отказались от этого вопроса и отдали предпочтение измерению ценностей отдельными вопросами в рамках разговора с респондентом о религии, политике и ожиданиях на будущее.

Не только авторы Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) прибегают к подобной оценке. В материалах расшифровки по-

казателей для 7-ой волны [WVS Wave 7 (2017–2022)] не дается четких указаний по расчету показателей, отвечающих за ценности, из общей структуры вопросов следует, что авторы стремятся к четырехбалльной оценке, которая в последствии может быть рассмотрена как диапазон от -2 до 2 и лежать в основе графика. В материалах к «мастер анкете» можно встретить указание на группу социальных (46 показателей), экономических (6 показателей), религиозных (12 показателей) и этических ценностей (23 показателя). Такой объем фиксируемых значений не позволяет в дальнейшем рассчитывать на воспроизводимость всех аспектов исследования.

Еще одна сложность возникает при конструировании обобщенного индекса, т.к. для одних вопросов используется шкала из четырех значений, для других — из двух. Приведенные в обзоре авторы не повторяют методику в локальных исследованиях, но часто обращаются к материалам Всемирного обзора ценностей в качестве релевантного многостороннего общего показателя, однако в собственных исследованиях предпочитая сосредоточиться на локальных процессах и специфике территории. Это в

целом объясняет и снижение популярности оценки институционального доверия.

В качестве косвенного подтверждения можно указать на сложности с согласованием показателей ценностей и доверия. На примере данных 7-ой волны при построении корреляционной матрицы коэффициент Спирмена не превышает 0.25 в большинстве случаев для ценностей и параметров институционального доверия и 0.3 для межличностного, однако с последним можно фиксировать больше связей, которые можно признать статистически значимыми.

В отношении ценностей дискуссия разворачивалась еще в 2011 г. (открытые дискуссии в том числе в рамках работы лабораторий Высшей школы экономики) и 2014 г. (в зарубежных и отечественных публикациях), когда активно велось сравнение методики Шварца и других способов измерения ценностей на фоне критики первой [Dobewall H., Strack M., 2014]. Также проекты «Европейское исследование ценностей» (European Values Study, EVS) и «Европейское социальное исследование» (European Social Survey, ESS) во многом имеют пересечения как на уровне авторов, так и на уровне используемых методических и методологических решений. На сегодняшний день проекты «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey) и «Европейское исследование ценностей» (European Values Study, EVS) [EVS/WVS Joint dataset (2017–2022)] представляют единую систему, а «Европейское социальное исследование» (European Social Survey, ESS) перестали проводить исследование в России после 8-ой волны (2016–2017 гг.), хотя активность в европейском регионе сохраняется.

В отличие от рассмотренного Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), «Европейское социальное исследование» (European Social Survey, ESS) предлагает сосредоточиться на небольшом списке показателей доверия, явно выделив в нем межличностное и институциональное, последнее, как и в других исследованиях, дает небольшой разброс значений и не позволяет фиксировать устойчивые выводы. Однако методика оценки ценностных ориентаций на основе решения Шварца показывает стабильно хорошие результаты с высоким показателем надежности шкал и реализуемой факторизацией, результат которой соотносится с теоретическим решением.

Заключение

Значимость изучения ценностей различных социальных общностей и их связи с доверием становится все более актуальной в современном быстро изменяющемся мире. Важность подобного исследования побуждает к поиску наиболее эффективных теоретических и методических моделях, позволяющих описать структуру и иерархию ценностей, а также их связи с возможностями консолидации сообществ.

В рамках данной статьи была сделана попытка фиксации ограничений и возможностей применения методики Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), предложенной Р. Инглхарт, для оценки показателей доверия и ценностей. Проведенный анализ позволил сформулировать несколько выводов. При том, что предлагаемый инструментарий является универсальным и позволяет сопоставлять данные, полученные по различным макрорегионам, прямое сравнение может упираться в ряд сложностей и ограничений. Эти ограничения связаны с влиянием различных культурных и языковых моделей, которые приводят к разным трактовкам и содержательному наполнению ценностей. В то же время связи между различными наборами ценностей, типами доверия и реальными социальными процессами оказываются дифференцированными для разных стран и культур.

Рассматриваемый подход включает в себя блок вопросов, направленных на изучение различных типов доверия: обобщенного, межличностного и институционального. Однако в рамках проведенного исследования зафиксированы проблемы с возможностью применения методики оценки институционального доверия, заложенной во Всемирном обзоре ценностей, для проведения анализа на уровне региона или отдельной территориальной общности. Причины проблемы применимости связаны со сложной структурой инструментария и низкими показателями тесноты связи с параметрами, отвечающими за ценности.

Более того, предлагаемая методика замера ценностей является дискуссионной. Обсуждению и критике подвергаются структура и масштаб предлагаемой структуры ценностей, шкалы для оценки их значимости (использование разного диапазона в оценке значимости затруд-

няет формирование интегрального индекса). Итогом представленных дискуссий является переход к использованию методики оценки ценностных ориентаций Шварца, представленной в «Европейском социальном исследовании».

Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10117, <https://rscf.ru/project/24-78-10117/>.

Acknowledgements

The research is carried out within Russian Science Foundation project No 24-78-10117, <https://rscf.ru/project/24-78-10117/>.

Список литературы

- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой, и др. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Барановский М.В.* Гендерный разрыв и доверие: объективные и субъективные показатели социологического анализа // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 2. С. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2022.2.6>
- Баширова Е.И.* Трансформация ценностей российского общества // *Полис. Политические исследования*. 2000. № 6. С. 51–65.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В.Д. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- В поисках доверия. Уровень межличностного доверия в российском обществе постепенно растет / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).* 2024. 11 янв. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija> (дата обращения: 12.04.2025).
- Вепрева И.Т., Мальцева Т.В.* Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии // *Политическая лингвистика*. 2017. № 1(61). С. 113–120.
- Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.* Трансформация культуры доверия в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1. С. 157–179. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>
- Волченко О.В., Широконова А.А.* Применение многоуровневого регрессионного моделирования к межстрановым данным (на примере генерализованного доверия) // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2016. № 43. С. 7–62.
- Грищенко М.А.* Коллективистские и индивидуалистические ценности: объективные факторы формирования жизненных стратегий россиян // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020. № 3. С. 241–246. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-3-241-246>
- Корсунова В.И., Соколов Б.О.* Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 3. С. 4–27. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>
- Кретов П.А.* Экономические ценности в структуре социокультурной идентичности молодых россиян // *Российский экономический вестник*. 2024. Т. 7, № 1. С. 38–42.
- Левшин С.В.* Анализ ценностей России и стран северо-восточной Азии (Китай, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» // *Международный журнал исследований культуры*. 2016. № 2(23). С. 96–105.
- Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности россиян в европейском контексте // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3. С. 5–22.
- Манукян С.А., Мсрян С.* Измерение гражданского участия в странах восточного партнерства: сравнительный анализ // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2018. № 1(54). С. 89–101.
- Новиков К.Е., Быканова Д.А.* Ценности пожилых и политические последствия глобального старения населения // *Демографическое обозрение*. 2017. Т. 4, № 3. С. 153–180. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i3.7321>
- Обухова Н.И.* VUCA-мир и образовательная среда // *Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования»*. 2021. № 3(11). С. 11–22.
- Покровская Н.В., Теляк О.А.* Влияние доверия на отношение к налоговой дисциплине в контексте развития экономики в странах союзного государства // *Экономика. Профессия. Бизнес*. 2022. № 2. С. 70–77. DOI: <https://doi.org/10.14258/erpb202224>
- Попов Е.А.* Опыт обобщения трансформации ценностей в условиях современной межкультурной коммуникации (по материалам всемирного обзора ценностей) // *Актуальная культура*. 2023. № 1. URL: <https://journal.asu.ru/cc/article/view/12990> (дата обращения: 12.04.2025).
- Разрывы и конвенции в отечественной культуре: колл. моногр. / отв. ред. О.Л. Лейбович, А.В. Чашухин. О.А. Смоляк.* Пермь: Изд-во ПГИИК, 2011. 312 с.

Руднев М.Г., Магун В.С. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 4(110). С. 81–96.

Тихонова Н.Е. Изменения в ценностях и установках россиян: зона устойчивости и новые доминанты // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2021.2.4>

Федотова В.А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070206>

Фомичева Т.В. Динамика социокультурных ценностей российской молодежи (на основе данных исследований проекта World Values Survey) // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 4. С. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.11>

Фомичева Т.В. Ценность работы для современных россиян (по результатам кросскультурных исследований) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 136–141. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.11>

Фомичева Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Т. 15, № 2. С. 80–84. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10067>

Херпфер К., Кузилова К.А. Социальный капитал как фактор социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии // Социология. 2016. № 1. С. 17–38.

Berger P.L., Berger B., Kellner H. The homeless mind: Modernization and consciousness. N.Y.: Random House, 1973. 258 p.

Dobewall H., Strack M. Relationship of Inglehart's and Schwartz's value dimensions revisited // International Journal of Psychology. 2014. Vol. 49, iss. 4. P. 240–248. DOI: <https://doi.org/10.1002/ijop.12004>

EVS/WVS Joint dataset (2017–2022): EVS/WVS (2022). European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017–2022 Dataset (Joint EVS/WVS). JD Systems Institute & WWSA. Dataset Version 5.0.0. DOI: <https://doi.org/10.14281/18241.26>

WVS Wave 5 (2005–2009): R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel et al. (eds.). 2014. World Values Survey: Round Five – Country-Pooled

Datafile Version. URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp (accessed: 12.04.2025).

WVS Wave 6 (2010–2014): R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel et al. (eds.). (eds.). 2014. World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile Version. URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp (accessed: 12.04.2025).

WVS Wave 7 (2017–2022): C. Haerpfer, R. Inglehart, A. Moreno, C. Welzel et al. (eds.). 2024. World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0.0. Madrid, ES; Vienna, AT: JD Systems Institute & WWSA Secretariat. DOI: <https://doi.org/10.14281/18241.24>

References

Arendt, H. (1996). *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom Publ., 672 p.

Baranovskiy, M.V. (2022). [Gender gap and trust: Objective and subjective indicators of sociological analysis]. *Zhenshchina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 2, pp. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2022.2.6>

Bashkirova, E.I. (2000). [Transformation of values of Russian society]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 6, pp. 51–65.

Beck, U. (2000). *Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society: Towards a new modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 384 p.

Berger, P.L., Berger, B. and Kellner, H. (1973). *The homeless mind: Modernization and consciousness*. New York : Random House Publ., 258 p.

Dobewall, H. and Strack, M. (2014). Relationship of Inglehart's and Schwartz's value dimensions revisited. *International Journal of Psychology*. Vol. 49, iss. 4, pp. 240–248. DOI: <https://doi.org/10.1002/ijop.12004>

EVS/WVS Joint dataset (2017–2022): EVS/WVS (2022). European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017–2022 Dataset (Joint EVS/WVS). JD Systems Institute & WWSA. Dataset Version 5.0.0. DOI: <https://doi.org/10.14281/18241.26>

Fedotova, V.A. (2016). [Values and attitudes towards innovation among different generations of Russian people]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 7, no. 2, pp. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070206>

Fomicheva, T.V. (2020). [Dynamics of sociocultural values of Russian youth (based on research data

from the World Values Survey project)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. Vol. 16, no. 4, pp. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.11>

Fomicheva, T.V. (2022). [The value of work for modern Russians (based on the results of cross-cultural research)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. Vol. 18, no. 1, pp. 136–141. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.11>

Fomicheva, T.V. and Kataeva, V.I. (2019). [Russian values in the context of digitalization of the Russian economy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. Vol. 18, no. 2, pp. 80–84. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10067>

Grischenko, M.A. (2020). [Collectivist and individualistic values: objective factors in shaping the life strategies of Russians]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes]. No. 3, pp. 241–246. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-3-241-246>

Herpfer, K. and Kizilova, K.A. (2016). [Social capital as factor of socio-economic and political development of Eurasia post-soviet countries]. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 1, pp. 17–38.

Korsunova, V.I. and Sokolov, B.O. (2022). [Value orientations in Russia: Comparing evidence from online and face-to-face surveys]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3, pp. 4–27. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>

Kretov, P.A. (2024). [Economic values in the structure of socio-cultural identity of young Russians]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy vestnik* [Russian Economic Bulletin]. Vol. 7, no. 1, pp. 38–42.

Leybovich, O.L., Chaschukhin, A.V. and Smolyak, O.A. (eds.) (2011). *Razryvy i konventsii v otechestvennoy kul'ture* [Gaps and conventions in domestic culture]. Perm: PSIA Publ., 312 p.

Levshin, S.V. (2016). [Analysis of values of Russia and countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey»]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research]. No. 2(23), pp. 96–105.

Magun, V.S. and Rudnev, M.G. (2010). [Basic values of Russians in the European context]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 3, pp. 5–22.

Manukyan, S.A. and Msryan, S. (2018). [Measuring civic engagement in Eastern Partnership countries: comparative analysis]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. No. 1(54), pp. 89–101.

Novikov, K.E. and Bykanova, D.A. (2017). [The values of the elderly and the political consequences of the global aging of the population]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 4, no. 3, pp. 153–180. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i3.7321>

Obukhova, N.I. (2021). [VUCA world and educational environment]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyy zhurnal «Kaliningradskij vestnik obrazovaniya»* [Scientific and Methodological Online Journal «Kaliningradskij Vestnik Obrazovaniya»]. No. 3(11), pp. 11–22.

Pokrovskaya, N.V. and Telyak, O.A. (2022). [The influence of trust on the attitude to tax discipline in the context of economic development in the countries of the Union State]. *Ekonomika. Professiya. Biznes* [Economics. Profession. Business]. No. 2, pp. 70–77. DOI: <https://doi.org/10.14258/epb202224>

Popov, E.A. (2023). [The experience of generalizing the transformation of values in the conditions of modern intercultural communication (based on the materials of the World Values Survey)]. *Aktual'naya kul'tura* [Current Culture]. No. 1. Available at: <https://journal.asu.ru/cc/article/view/12990> (accessed 12.04.2025).

Rudnev, M.G. and Magun, V.S. (2011). [Value consensus and determinants of value differentiation in Russia and other European countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 4(110), pp. 81–96.

Tikhonova, N.E. (2021). [Changes in the values and attitudes of Russians: the zone of stability and new dominants]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' (INAB). Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh pandemii: god spustya (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki)* [Information and Analytical Bulletin (INAB). Russian society in the context of the pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics)]. No. 2, pp. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2021.2.4>

V poiskakh doveriya. Uroven' mezhluchnostnogo doveriya v rossiyskom obshchestve postepenno rastet [In search of trust. The level of interpersonal trust in Russian society is gradually growing]. Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM). 2024, Jan. 11. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doveriya> (accessed 12.04.2025).

Vepreva, I.T. and Mal'ceva, T.V. (2017). [Basic values of Russians in reflection of language self-consciousness]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. No. 1(61), pp. 113–120.

Veselov, Yu.V. and Skvortsov, N.G. (2023). [Transformation of the culture of trust in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1, pp. 157–179. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>

Volchenko, O.V. and Shirokanova, A.A. (2016). [Applying multilevel regression modeling to cross-national data (on the example of generalized trust)]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 43, pp. 7–62.

WVS Wave 5 (2005–2009): R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel et al. (eds.). 2014. World Values Survey: Round Five – Country-Pooled Datafile Version. Available at: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp (accessed 12.04.2025).

WVS Wave 6 (2010–2014): R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel et al. (eds.). 2014. World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile Version. Available at: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp (accessed 12.04.2025).

WVS Wave 7 (2017–2022): C. Haerpfer, , R. Inglehart, A. Moreno, C. Welzel et al. (eds.). 2024. World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0.0. Madrid, ES, Vienna, AT: JD Systems Institute & WWSA Secretariat. DOI: <https://doi.org/10.14281/18241.24>

Об авторах

Волегов Владимир Сергеевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: wsvolegov@mail.ru
ResearcherID: HKE-9846-2023

Сомхишвили Кристина Отариевна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: skristina13@inbox.ru
ResearcherID: AIE-0706-2022

About the authors

Vladimir S. Volegov

Candidate of Sociology,
Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: wsvolegov@mail.ru
ResearcherID: HKE-9846-2023

Kristina O. Somkhishvili

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: skristina13@inbox.ru
ResearcherID: AIE-0706-2022

УДК 316.344

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-274-285>

EDN: VYKKRZ

Поступила: 31.01.2025

Принята: 26.05.2025

Опубликована: 03.07.2025

СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА

Дияжев Андрей Вячеславович

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Москва)*

Жизненные шансы представляют собой многогранный феномен, представляющий собой вариативный набор возможностей и лишений в определенном соотношении и охватывающий четыре основных домена общественной жизни, содержание которых может определять положение человека в социальной иерархии. В статье представлены результаты теоретико-методологического осмысления исследований жизненных шансов россиян, а также актуализируется значимость применения особых подходов для правильной интерпретации первичных данных, получаемых в ходе опроса жителей столичного мегаполиса на предмет субъективной удовлетворенности объективными жизненными условиями. Объект — молодежь Большой Москвы, предмет — особенности жизненных шансов жителей Москвы как мегаполиса гетеротопного типа. Цель статьи — определить особенности жизненных условий и рисков молодых жителей Москвы как современной гетеротопии для последующего сбора эмпирических данных о наборе жизненных возможностей и деприваций. Результаты исследования: Данными для анализа послужили отечественные и зарубежные научные публикации, а также отечественные исследования общественного мнения молодежи. Несмотря на неравенство шансов в провинциях и столицах с течением времени, жизненные условия россиян, независимо от места проживания, выравниваются. В мегаполисах сохраняются значительные преимущества, такие как доступ к лучшим образовательным и медицинским учреждениям, но также присутствуют уникальные риски и депривации, такие как социальное отчуждение и экологические проблемы, которые делают проживание в них менее привлекательным. Уникальность Большой Москвы как гетеротопного мегаполиса, характеризующегося высоким уровнем культурного и социального разнообразия, сложными связями и технологической развитостью, подчеркивает важность изучения жизненных шансов в контексте особой социальной среды, в которой субъективные оценки удовлетворенности могут идти вразрез с объективно установленными возможностями и лишениями, изучение чего позволит добиться более глубокого понимания городских процессов и их влияния на социальное неравенство.

Ключевые слова: жизненные шансы, жизненные условия, мегаполис, мегалополис, гетеротопия, социальное неравенство, социальная структура, молодежь, жизненные возможности, жизненные депривации.

Для цитирования:

Дияжев А.В. Специфика жизненных шансов молодежи в условиях российского мегаполиса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 274–285. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-274-285>. EDN: VYKKRZ

LIFE CHANCES OF YOUTH IN A RUSSIAN MEGAPOLIS

Andrey V. Diyazhev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Life chances represent a multifaceted phenomenon that encompasses a variable set of opportunities and deprivations, covering four main domains of public life, these determining an individual's position within the social hierarchy. This article presents the results of theoretical and methodological reflections on studies of Russians' life chances, highlighting the importance of applying specific approaches for correct interpretation of primary data obtained through surveys of Moscow residents on their subjective satisfaction with objective living conditions. The object of study is the youth of Big Moscow, the subject is the peculiarities of life chances that Muscovites have as inhabitants of a heterotopic megacity. The goal of the article is to identify the characteristics of living conditions and risks for young residents of Moscow as a modern heterotopia for subsequent collection of empirical data on the range of life opportunities and deprivations. Research findings: The data analyzed included both Russian and international scientific publications, as well as Russian studies of youth public opinion. Despite the inequality of opportunities between provinces and capitals, living conditions for Russians, regardless of where they reside, are gradually becoming more equalized. Megacities retain significant advantages, such as access to better educational and medical institutions, but are also a source of unique risks and deprivations, such as social alienation and environmental problems, which make living there less attractive. The uniqueness of Big Moscow as a heterotopic megalopolis, characterized by a high level of cultural and social diversity, complex connections, and technological advancement, underscores the importance of studying life chances within this special social environment. In this context, subjective assessments of satisfaction may diverge from objectively established opportunities and deprivations, and investigating this divergence will allow for a deeper understanding of urban processes and their impact on social inequality.

Keywords: life chances, life conditions, megapolis, megalopolis, heterotopia, social inequality, social structure, youth, life opportunities and deprivations.

To cite:

Diyazhev A.V. [Life chances of youth in a russian megapolis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 274–285 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-274-285>, EDN: VYKKRZ

Введение

Жизненные шансы — комплексный и многослойный теоретический монолит, понимание которого требует учета социокультурных, экономических, политических факторов, а также особенностей индивидуального набора возможностей, жизненных условий и специфики восприятия индивида, человеческий потенциал которого рассматривается на спектре позитивной и негативной привилегированности в социуме. Развитием данной концепции занимались такие зарубежные ученые, как М. Вебер, П. Бурдьё, С. Мейер, Дж. Вальдфогель, Д.С. Эйцен и

М.Б. Зинн и др., каждый из которых внес свой вклад в ее расширение, предусматривающий включение в фокус исследования сразу нескольких доменов общественной жизни (а не только экономического), содержание которых могло позволить не только сформировать комплексное представление о социальной структуре общества, но и впоследствии сконструировать дескриптивные модели социальной иерархии западных социумов [Weber M., 1994; Bourdieu P., 1966; Mayer S.E., 1997; Waldfogel J., 2004; The reshaping of America..., 1989]. В отечественной социологической практике для различных целей их идеи осовременивались и им-

плементировались различными исследователями для анализа социальной структуры современного российского общества с учетом его уникальных особенностей [Аникин В.А. и др., 2022; Ильин В.И., 2023].

Подробное изложение смысла, вкладываемого в понятие «жизненные шансы» в условиях современного научного дискурса с опорой на неовеберовский подход, было представлено в авторской статье, посвященной рассмотрению зарубежных и отечественных теоретико-методологических подходов к пониманию и изучению данного феномена в турбулентных условиях современности на примере молодой когорты населения России [Дияжев А.В., 2024]. Кратко представить основную суть концепции следует таким образом: жизненные шансы определяются как имеющийся в рамках нескольких доменов общественной жизни вариативный набор возможностей и лишений, объем и соотношение которых зачастую детерминирует положение человека в социальной иерархии и отражает его человеческий потенциал. Данное соотношение во многом может зависеть от места проживания индивида, причем место рождения и первых лет жизни может сформировать один набор шансов, а последующая смена обстановки и окружения может гипотетически радикально изменить соотношение возможностей и деприваций.

Особенности изучения жизненных шансов в условиях мегаполиса гетеротопного типа

Традиционно основной научный интерес проявлялся к сравнению жизненных шансов людей в разрезе мегаполис — провинция, поскольку, как правило, в большинстве областей повседневной жизни прослеживаются существенные различия в образцах поведения, ценностях и стилях жизни между жителями крупных городов и обитателями небольших населенных пунктов. Как было установлено по результатам одного исследования жизненных шансов россиян, действительно, существует значительная разница между возможностями и депривациями жителей мегаполисов и провинций [Мареева С.В., 2018]. При этом выяснилось, что, с одной стороны, жизненная ситуация все большего числа россиян вне зависимости от места проживания со временем «выравнивается» и становится схожей по уровню и качеству, при-

чем в ряде случаев для жителей небольших населенных пунктов осознание рисков, свойственных жизни в столице, снижает привлекательность предоставляемых ей шансов, поскольку реализация этих рисков приводит к разочарованиям в собственных достижениях или в отсутствии таковых. С другой стороны, острота восприятия поселенческого неравенства жизненных шансов сохраняется, поскольку жизнь в мегаполисах все равно представляет больше возможностей с точки зрения доступа к качественному образованию, медицине, досугу и потреблению, а также гарантирует более высокий уровень дохода и условий труда [Мареева С.В., 2018].

Тем не менее данные факты не отрицают наличия серьезных ограничений и деприваций, с которыми сталкиваются жители именно больших и развитых населенных, что подчеркивает значимость изучения жизненных шансов в контексте данного типа поселения, ведь именно в нем возможно сосуществование различного рода многообразий, которые сегодня в ряде случаев относят к одному из признаков так называемого «гетерополиса».

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению особенностей жизни в нем, необходимо четко разграничить термины «гетерополис», «мегаполис» и «мегалополис», т.к. зачастую в научном дискурсе возникает некоторое смешение этих понятий. В наиболее широком смысле мегаполис — город с многомиллионным населением, образовавшийся при срастании нескольких городов [Большой толковый словарь..., 2000], а мегалополис — гигантский город, образовавшийся в результате срастания нескольких соседних городских агломераций [Новые слова и значения..., 1984]. Под срастанием понимается объединенная территория, с населением более миллиона жителей, с весьма сложными социально-экономическими и культурно-историческими связями и многоотраслевым хозяйственным комплексом, репрезентирующая собой синтез множества разноплановых практик человеческой жизнедеятельности. Иными словами, современные мегаполисы — это микровселенные, всеобъемлющие пространства вещей и информации, в условиях проживания и функционирования которых возможности для обеспечения

комфорта и самореализации имеют колоссальное значение, в то время как продуцируемые в них риски становятся чуть ли не основным фактором, способным препятствовать развитию человека [Маскаев А.И., Чикарова Г.И., 2017].

Противоречивость мегаполиса состоит в том, что несмотря на большую плотность населения, развитость транспортной и технологической инфраструктуры, а также сравнительную неизбежность социальных интеракций, многие его обитатели действительно склонны ощущать чувство покинутости, отчуждения и одиночества из-за правового нигилизма и фрустрации, а социальные связи в нем в целом характеризуются как весьма слабые [Климентьева Е.Н., 2009]. Все больше в социологической науке проявляется смещение фокуса с собственно географических барьеров на символические: формальные границы мегаполисов, отмеченные на картах, отнюдь не означают их отрезанность от остальных населенных пунктов в социокультурном и социально-экономическом планах. Напротив, в условиях современности наблюдается рост числа убеждений о том, что территория отражает не только организационные проекты общества, но и его бессознательные компоненты, которые материализуются в пространственных структурах и в способах разделения пространства. В данном случае речь идет об объединениях крупных городов и прилегающих к ним территориях в единую сеть населенных пунктов с внушительным объемом производства товаров и услуг — о мегалополисе [Gottmann J., 1961].

Такой тип «глобального города» является следствием урбанистической революции, которая формирует общество потребления, поглощающее пространство и время в той же мере, в которой эволюция модели жизни в мегаполисе требует постоянного удовлетворения непрерывно множасьихся потребностей в условиях постоянной циркуляции и движения, которые охватывают все большие по размерам территории, причем как в плане физического перемещения, так и в плане цифровой мобильности [Ефимочкина Н.Б., Мамедов А.К., 2021]. В этой связи особую значимость приобретают сервисный и информационные секторы, которые становятся основой для привлечения, удержания и объединения людей [Вершинина И.А., 2019]. Однако при всем многообразии форм человеческого взаимодействия в мегалополисе и с учетом всех сложных взаимосвязей, которыми располагают или обременены проживающие в нем индивиды, основными отличиями мегалополиса от мегаполиса в целом является численность, объем территории и тесная связь с другими сравнительно недалеко расположенными городами и прилегающими районами, которые выступают в качестве отправных точек или пунктов назначения перемещающихся в пространстве и времени людей, товаров и информации в ходе деловой или обыденной деятельности в рамках возложенных на них ролей [Since Megalopolis..., 1989].

Таким образом, базовые отличия мегаполиса (как основообразующей части мегалополиса) и мегалополиса (как совокупности этих мегаполисов) сводятся к следующему (табл. 1):

Таблица 1. Основопологающие черты типов крупных городских агломераций

Table 1. Fundamental characteristics of types of large urban agglomerations

<i>Мегаполис</i>	<i>Мегалополис</i>
Население от нескольких миллионов человек	Состав из нескольких крупных городов-миллионников, которые образуют сеть взаимосвязанных агломераций
Высокая плотность застройки	Интенсивно развитые транспортные и коммуникационные связи
Развитая экономика и инфраструктура	Сложная социальная структура, объединяющая различные города и поселения.

В целом с рядом оговорок можно отнести Большую Москву (наряду с Московской и рядом других обрамляющих ее областей с учетом последних экспансий административных границ) — крупнейший мегаполис России по численности населения, территории, развитости инфраструктуры, сферы услуг, транспортной

доступности и тесноты взаимосвязи с пригородом — к мегалополису. Однако в рамках рассмотрения жизненных шансов выделенные параметры сами по себе отражают лишь часть картины бытия обитателей Москвы и недостаточны для обоснования уникальности этого населенного пункта с точки зрения распределе-

ния жизненных шансов. Крайне важным признается изучение жизненных условий жителей Москвы как воплощения гетеротопии.

Гетерополис — это термин, который используется для описания городской среды, где существует значительное разнообразие культурных и этнических групп, идентичностей, социальных слоев, типов застройки, урбанистических ландшафтов. В отличие от мегаполиса и мегалополиса, где центры власти, экономики и культуры более структурированы, в гетерополисе присутствует сложное переплетение разных миров. Принципиальным моментом, который однозначно выделяет Большую Москву на фоне остальных мегалополисов в большей степени, это гетерогенность ее ассамбляжа, ведь именно соположение и сцепка компонентов, принадлежащих разным стратам и порядкам существования, как придают ей устойчивость и жизнеспособность, так и продуцируют такое обилие моделей поведения и образцов потребления, которые ведут к детерриторизации (распаду слабых связей и переходу в состояние случайного набора элементов), геттоизации (замене слабых связей сильными и превращению в множество однородных и функционально связанных элементов) и партогенезу (разделению одного ассамбляжа на несколько внутренне связанных, но не «сцепленных» между собой) [Харман Г., 2017].

Гетерополис как пример населенного пункта с гетеротопными свойствами характеризуют множественные гетеротопные подпространства [Фуко М., 2006], начиная от двух наиболее интенсивно и динамично развивающихся типов внутримегалополисных гетеротопий — кондоминиумов (так называемые gate-территории комфортной жизни высокого уровня для лимитированной доли горожан, выполняющие функцию спасения от распространенных социальных проблем) и этнических и культурных анклавов (пространства, в которых сравнительно небольшие социальные группы, объединенные по национальному признаку или по принадлежности к субкультуре, представляют собой некоторую социокультурную девиацию), и заканчивая более традиционными видами пространств в виде пенитенциарных учреждений или культурно-развлекательных заведений [Романова А.П., 2016]. Подвижность их границ, а также сам факт сосуществования стольких моделей жизни в

пределах заданной территории хотя и не является чем-то качественно новым, но в той или иной степени указывает на многомерность, разнообразие, сложность и вариативность составляющих его элементов и образцов.

В мегаполисе обычно сосредоточены лучшие учебные заведения и медицинские учреждения, что создает дополнительные возможности для получения качественных услуг и повышения социального статуса. Тем не менее, неравенство в доступе к образованию и здравоохранению остается проблемой, и многие жители Москвы сталкиваются с ограниченным доступом к этим ресурсам из-за социального или экономического статуса. Кроме того, рыночная конкуренция в мегаполисе может оказать существенное влияние на жизненные шансы. Сложная экономическая среда требует от граждан высокой адаптивности и профессиональной подготовки для успешной конкуренции на рынке труда. То есть россияне с более высоким уровнем образования и специализированными навыками чаще имеют преимущество в получении хорошо оплачиваемой работы и повышении своего социального статуса. Социокультурные аспекты также играют важную роль в формировании жизненных шансов: стереотипы и предрассудки могут создавать препятствия для реализации представителей определенных групп населения и ограничивать их доступ к ресурсам и возможностям. Наконец, большое влияние оказывает политическая среда в мегаполисе. Эффективное государственное управление, борьба с коррупцией и поддержка социальных программ способствуют созданию более справедливых условий для всех граждан, в то время как нестабильность, недостаточное внимание к социальным проблемам и неравенство перед законом могут уменьшать жизненные шансы определенных групп населения [Середина М.И., 2011].

Результаты и обсуждение

Итак, гетеротопный мегаполис представляет собой пространство активной и взаимной культурной, экономической и политической диффузии, эндогенные границы и удельный вес центров тяжести которого константно перемещаются, что позволяет говорить о формировании новых фронтальных пространств как на периферии, так и в центре. К наиболее очевидным

преимуществам мегаполиса вне привязки к выделенным ранее сферам общественной жизни следует отнести следующие универсалии:

(а) изобилие филиалов разнопрофильных организаций, способных и готовых оказать необходимые услуги в сравнительной близости к месту проживания человека;

(б) интенсивная рыночная конкуренция в категориях услуг, зачастую являющаяся драйвером устойчивого развития и гарантом высокого качества обслуживания;

(в) максимальное разнообразие услуг и диверсификация продукции для удовлетворения наиболее специфических нужд самых разных категорий населения;

(г) развитая городская и транспортная инфраструктура, упрощающая передвижение и обеспечивающая удобство ориентации в большом городе;

(д) величина располагаемого пространства создает расширенный спектр возможностей для варьирования образов жизни, моделей потребления, коммуникации и отдыха;

(е) этническое и культурное разнообразие создает предпосылки для культурной диффузии и международного обмена, расширения кругозора и узнавания особенностей выходцев, сообществ и коммун из разных частей страны, региона и т.д.;

(ж) большое количество рабочих мест, вакансий разнообразных профессий и доступных мероприятий, направленных на всестороннее развитие личности.

Данный список можно дополнить и другими преимуществами проживания в мегаполисе, однако дальнейшая конкретизация затрагивает специфические особенности каждой из общественной сфер жизнедеятельности индивида, которую целесообразнее демонстрировать в сравнительном разрезе с рисками, которые эксклюзивны для данного типа населенного пункта и конкретного социального домена.

Прежде чем переходить к их детальному рассмотрению, необходимо также выделить наиболее типичные опасности и угрозы, с которыми сталкиваются жители мегаполиса, опять же в отрыве от конкретных доменов общественной жизни, а также сфокусироваться на тех особенностях существования в мегаполисе, которые в большей мере характерны для молодого поколе-

ния. К наиболее распространенным универсальным вероятным проблемам относятся:

(а) повышенная вероятность столкнуться с мошеннической или полуполигальной конторой или отдельными лицами, выдающими себя за представителей государственной или частной компании и пользующимися методами социальной инженерии для достижения своих корыстных целей;

(б) повышенный уровень загрязнения воды, воздуха, почвы и иные экологические проблемы, связанные с избытком индустриальных технологий, производящих вредные отходы;

(в) высокий риск распространения заболеваний, токсикологического заражения и химической антисанитарии из-за большой плотности расселения;

(г) большое этническое разнообразие может порождать межконфессиональные и/или межэтнические конфликты;

(д) ускоренный темп жизни, скопления людей, высокий уровень шума и транспортная загруженность способствуют повышению стресса в условиях повседневной деятельности;

(е) обилие людных мест и массовые мероприятия порой выступают в качестве основных целей для экстремистов и иных радикально настроенных лиц и группировок, что создает повышенный риск терактов и иного рода жестоких преступлений против общественности и человечности;

(ж) имплементированные сложные технические и цифровизированные системы могут быть подвержены рукотворным или «нормальным» сбоям, создавая риск техногенных катастроф, нарушении информационной безопасности и т.д.

Теперь, когда общие обстоятельства и условия жизни в мегаполисе выделены, перейдем к рассмотрению более специфичных для каждой сферы общественной жизни преимуществ и рисков жизни молодежи в мегаполисе. Следует обратить внимание, что наиболее приемлемым для охвата всех доменов общественной жизни в рамках авторского видения признается работающая молодежь в возрасте 25–30 лет, поскольку, как правило, она обладает финансовой независимостью за счет реализации на рынке труда, вовлечена в систему индивидуального потребления, что делает возможным оценить жизненные шансы ее представителей во всех четырех

основных выделенных доменах, а их психологическая зрелость (в сравнении, к примеру, с подростками) указывает на способность сформулировать удовлетворенность жизненными условиями и артикулировать свои притязания и ожидания.

При этом данную группу молодежи от более старшей отличает и следующее: несмотря на то, что ее представители в большинстве своем уже является сравнительно финансово независимыми и активно вовлеченными в трудовые отношения, они, как правило, еще недостаточно зрелы, чтобы претендовать на высокий социальный статус и квалификацию [Лазарев А.Д., Чирун С.Н., 2006, с. 70]. Данный пункт очень важно учитывать, т.к. чем опытнее, финансово обеспеченнее и профессионально реализованнее человек чувствует себя, тем в большей мере склонен испытывать удовлетворенность и уверенность. Эти достижения зачастую приходят с возрастом в ходе постепенного карьерного и статусного роста, в то время как более молодая группа, к примеру, до 25 лет, обычно большую часть времени вынуждена отдавать получению образования.

Согласно данным официальной государственной статистики, в России проживают около 8 млн. 25–30-летних граждан, 5,5 % от всей численности населения, и около 1 млн в Москве, при этом подавляющее большинство из них трудоспособны [Численность и состав населения, 2025]. Кроме того, выделяемые далее преимущества проживания в мегаполисе, в частности касающиеся расширенных возможностей массового информирования населения, вовлечения во взаимодействие с брендами (через «цифровизацию» и «куаркодизацию» маркетинговых материалов) и с государством (порталы гос. услуг и сайты городских служб), чаще нацелены, понятны и доступны именно молодым возрастным когортам, обладающим более высокой степенью развитости ориентации в цифровом пространстве, [Индекс цифровой грамотности..., 2025].

Принципиально важным для определения преимуществ и рисков жизненных условий в мегаполисе для выделенной возрастной группы является учет ожиданий, ценностей и впечатлений ее представителей. Так, согласно опросу

ВЦИОМ¹, среди младших миллениалов (25–30 лет) главными жизненными приоритетами через 10 лет будут семья/дети (59 %), финансовое благополучие (23 %), здоровье (20 %), а чуть менее важными — обеспечение безопасности своей и семьи (18 %) и комфорт/стабильность и карьерный профессиональный рост (по 12 %). Следует отметить, что Москва как мегаполис создает возможности для реализации во всех перечисленных сферах (главным образом за счет финансового фактора, позволяющего обеспечить комфортные жилищные условия для семьи, доступность учреждений для получения образования и поддержания здоровья, изобилия предложения на рынке труда и т.п.), по перечисленным выше в тексте причинам.

Исходя из специфики анализируемой возрастной группы и учитывая их ценностные ориентиры в обозримом будущем (упор на заботе о семье, здоровье и финансовой ситуации), среди эксклюзивных для каждого из четырех основных доменов условий следует выделить те, которые представлены в табл. 2. Следует сразу отметить, что в ней приводятся лишь некоторые наиболее распространенные из них, но в то же время инкорпорирующие целый пласт латентных факторов, вкуче формирующих довольно комплексные социальные реалии и проблемы, с которыми может столкнуться молодежь. Каждый из них как создает условия для обеспечения желанного, так и угрозы устойчивости заявленным приоритетам.

Следует обратить внимание на то, что данные приведенной таблицы в большей мере отражают плюсы и минусы мегаполиса в сравнении с «не мегаполисами». Однако обозначенный набор преимуществ и рисков проживания молодежи в мегаполисе вовсе не гарантирует, что ими могут или хотят воспользоваться и им в равной степени подвержены все молодые люди. Напротив, фактор социального неравенства по-прежнему играет существенную роль в неравномерном распределении потенциалов к реализации возможностей и преодолении деприваций в условиях обстоятельств, свойственных для жизни в гетеротопном фронтире. Тем не менее, гетеротопный мегалополис создает рас-

¹ Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 25 октября 2024 г.

ширенное предложение и больший простор для разнообразия и выбора, и это также проявляется в повышенной степени доступности предлагаемых благ. Выделенная группа молодежи как наиболее активные потребители массовых развлекательных услуг и цифровых технологий,

предлагаемых городом, так или иначе ориентируется на эти преимущества и легко воспринимает различные нововведения, которые впоследствии могут существенно улучшить качество их жизни с учетом заявленных перспективных ориентиров.

Таблица 2. Преимущества и риски проживания для молодежи в мегаполисе

Table 2. Benefits and risks of living in a megapolis for youth

Сферы	Преимущества	Риски
Финансовая сфера	Изобилие филиалов разнопрофильных финансовых организаций, расположенных недалеко от места проживания, а также расширенное рыночное предложение по приобретению движимого и недвижимого имущества	Вероятность столкнуться с мошеннической или полуполюгальной конторой, с легкостью, выдающей микро-кредиты, но с максимальной жесткостью, требующей их погашение
Производственная сфера	Широкий спектр разнообразных вакансий на рынке труда, как с оформлением по трудовой книжке, так и фрилансерского толка, а также повышенный комфорт условий труда ввиду больших объемов инвестиций в преобразование рабочего пространства и оптимизации трудового процесса	Риск не найти желаемую и/или престижную работу или потерять ее ввиду большой конкуренции на рынке труда, а также вероятность не добиться оптимального баланса работы, семейной жизни и личных интересов ввиду особых обстоятельств, присущих мегаполисной жизни
Сфера образования/здоровья	Изобилие разнообразных государственных и частных медицинских и образовательных организаций, предлагающих широкий спектр доступных услуг по поддержанию и улучшению состояния здоровья/уровня образования, а также изобилие платных и бесплатных курсов и публичных мероприятий, плавно интегрированных в единую цифровую систему обеспечения государственных услуг и активности НКО	Наличие на рынке множества организаций, предоставляющих некачественную медицинскую/образовательную поддержку, несмотря на государственную сертификацию, а также развитый серый/черный рынок, специализирующийся на подделке документов или содействии в их нелегальном оформлении
Сфера потребления/досуга	Большое число разноформатных заведений и культурных центров для обеспечения разнообразия досуга и потребления товаров, наряду с проводящимися фестивалями, крупными концертами и иными мероприятиями, в том числе с использованием цифровых технологий, интегрированных в городскую инфраструктуру	Затруднительность приобретения и аренды жилья ввиду завышенных расценок, обусловленных спецификой рынка в мегаполисе, и отсутствие или большая удаленность качественных природных курортов и оздоровительных комплексов, существенно ограничивающих возможности проведения отпуска в сравнительной близости к дому

Это также свидетельствует о том, что в нем можно выделить наиболее и наименее типичные фактические экономические, политические, досуговые, потребительские и иные паттерны поведения молодежи. Но, что немало важно, это в том числе указывает на то, что для одной и той же возрастной когорты со сравнительно равным объемом жизненных шансов могут быть свойственны кардинально разные субъективные оценки успеха и удовлетворенности. Кроме того, несмотря на то, что в настоящее время многие гетеротопные мегаполисы принято считать «умными» городами, это не свидетельствует о комфорте проживания в них, поскольку технологическая развитость, пусть и зачастую положительно коррелирует с удобством и упрощает жизнь горожан, но по своей сути не отражает это удобство проживания. По

этой причине в научной среде выделяется существенное расхождение между тем, что является объективной фактической имплементацией модернизации и тем, что субъективно ощущается жителями и насколько комфортно им живется в мегаполисе, в частности в Москве [Стрельникова А.В., Веригина Т.Е., 2023].

Говоря о субъективных оценках и самоощущении молодых жителей гетерополиса, которому свойственны данные черты, имеет место аксиологическое допущение: гетеротопный мегаполис (или гетерополис) — един, а языков его описания много по причине не консистентности знания о нем. Иными словами, у каждого юного жителя этой городской агломерации есть свои ассоциации с ним и свои убеждения о том, каким образом его охарактеризовать, какие «реальные» плюсы и минусы для

него характерны и какие знаковые места его олицетворяют. Такой субъективизм лишний раз подчеркивает, что даже у сверстников, принадлежащих к одной социальной страте, может быть разное видение Москвы, но что еще важнее: разная степень удовлетворенности располагаемыми благами и разная степень фрустрации от имеющихся деприваций при приблизительно одинаковом соотношении шансов и жизненных условий.

Выводы

Таким образом, жизненные шансы молодежи в условиях мегаполиса зависят от сложной взаимосвязи различных факторов, а также отличаются особыми формами соотношения возможностей и деприваций ввиду специфики гетеротопных пространств и полей, в пределах которых люди пребывают. При этом удобство жизни в мегаполисе, фактическое восприятие предлагаемых в его условиях благ, а также потенциал реализации имеющихся у конкретных групп населения возможностей и степень готовности противодействия продуцируемым рискам — все это остается в пределах призмы субъективных оценок, зачастую не соответствующих объективным реалиям, в которых индивиды должны бы были претендовать на ряд полагающимся им достижениям, равно как и преодолевать те риски, от которых они на первый взгляд должны были бы быть застрахованы.

Отечественные исследования жизненных шансов показывают, что первоначально взятая концепция Вебера не просто позволяет оценить объективные характеристики в четырех основных доменах, но и построить на их основе комплексную и проработанную стратификационную модель российского общества. В целом, как и в большинстве современных социумов, ярко выраженные позитивная и негативная привилегированности являются довольно редкими случаями. В большинстве своем гражданам России (особенно молодым) свойственны вариации некоторого соотношения возможностей и деприваций, которые хотя и позволяют условно расположить их примерно посередине континуума между экстремумами «верхней страты» и «нижней страты», но не отражают их реального самочувствия, эмоционально-психологической удовлетворенности и того, какими стратегиями они руководствуются для

сохранения или изменения своего положения, а также их видения будущего. Фактические различия между тем, какие объективные жизненные условия имеет московская молодежь, и тем, как они переживаются на субъективном уровне, будут установлены в ходе заключительного этапа данного авторского исследования. Текущий этап показал, что изучение жизненных шансов молодежи в условиях московского мегаполиса должно априори учитывать фактор множественности гетеротопных пространств и связанных с ними жизненных миров граждан мегаполиса: наличие расширенного набора возможностей, который практически по умолчанию доступен почти всем, кто попадает в мегаполис, вовсе не обязательно может свидетельствовать о том, что люди ими воспользуются, и отнюдь не постулирует повышенную степень комфорта, в сравнительно равной степени ощущаемую людьми со схожими жизненными условиями и рисками.

Список литературы

- Аникин В.А., Каравай А.В., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Тихонова Н.Е. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 424 с.
- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Вершинина И.А. Концепция мегаполиса Жа-на Готтмана // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 3. С. 36–48. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-36-48>
- Дияжеев А.В. Жизненные шансы молодежи в условиях неопределенности // Государственная служба. 2024. Т. 26, № 3(149). С. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2024-26-3-82-92>
- Ефимочкина Н.Б., Мамедов А.К. Эволюция цифровых полей социальных трансформаций мегаполиса // Экономика. Социология. Право. 2021. № 4(24). С. 73–85.
- Ильин В.И. «Человеческий капитал» как категория качественной социологии // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 32–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013216250025139-5>
- Индекс цифровой грамотности – 2024: цифровая грамотность россиян не растет третий год подряд / Аналитический центр НАФИ. 2025. 29 янв. URL: <https://nafi.ru/analytics/indexs->

tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretiy-god-podryad-/ (дата обращения: 30.01.2025).

Климентьева Е.Н. Одиночество как социальная проблема современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3. С. 97–101.

Лазарев А.Д., Чирун С.Н. Социология молодежи: монография. Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 2006. 183 с.

Мареева С.В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6(148). С. 365–385. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring>. 2018.6.17

Маскаев А.И., Чикарова Г.И. Современный мегаполис и его влияние на адаптацию профессиональных акторов в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 1(194). С. 108–114.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. 810 с.

Романова А.П. Современный мегаполис как фронтирная гетеротопия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. Т. 2(68), № 3. С. 51–60.

Середина М.И. Современные мегаполисы мира и их социальные проблемы // Сервис plus. 2011. № 1. С. 23–27.

Стрельникова А.В., Веригина Т.Е. Город технологичный или город «удобный»: урбанистические тенденции и их воплощение (на примере Москвы) // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32, № 3. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2023-32-3-6-27>

Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. Ч. 3 / пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. С. 191–204.

Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда / пер. с англ. А.А. Писарева // Логос. 2017. Т. 27, № 3. С. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32>

Численность и состав населения / Федеральная служба государственной статистики. URL:

<https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.01.2025).

Bourdieu P. Condition de classe et position de classe // Archives Européennes de sociologie. 1966. Vol. 7, no. 2. P. 201–223. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003975600001417>

Gottmann J. Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States. Cambridge, MA: The MIT Press, 1964. 810 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/4537.001.0001>

Mayer S.E. What money can't buy: Family income and children's life chances. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 256 p.

Since Megalopolis. The urban writings of Jean Gottmann / ed. by J. Gottmann, R.A. Harper. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1989. 304 p.

The reshaping of America: Social consequences of the changing economy / ed. by D.S. Eitzen, M.B. Zinn. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1989. 445 p.

Waldfoel J. Social mobility, life chances, and the early years / London School of Economics. CASE-paper 088. 2004. 32 p.

Weber M. Social stratification: Class, race, and gender in sociological perspective / ed. by D.B. Grusky. Boulder, CO: Westview Press, 1994. 768 p.

References

Anikin, V.A., Karavay, A.V., Lezhnina, Yu.P., Mareeva, S.V., Slobodenyuk, E.D. and Tikhonova, N.E. (2022). *Obschestvo neravnykh vozmozhnostey: sotsial'naya struktura sovremennoy Rossii* [Society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia]. Moscow: Ves' Mir Publ., 424 p.

Bourdieu, P. (1966). [Class condition and class position]. *Archives Européennes de sociologie* [European Journal of Sociology]. Vol. 7, no. 2, pp. 201–223. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003975600001417>

Chislennost' i sostav naseleniya [Population size and composition]. Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 30.01.2025).

Diyazhev, A.V. (2024). [Life chances of youth under conditions of uncertainty]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration]. Vol. 26, no. 3(149), pp. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2024-26-3-82-92>

Efimochkina, N.B. and Mamedov, A.K. (2021). [The evolution of the digital fields of social transfor-

mations of the megalopolis]. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo* [Economics. Sociology. Law]. No. 4(24), pp. 73–85.

Eitzen, D.S. and Zinn, M.B. (eds.) (1989). *The reshaping of America: Social consequences of the changing economy*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall Publ., 445 p.

Foucault, M. (2006). [Of other spaces: utopias and heterotopias]. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū: v 3 ch. Chast' 3* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews: in 3 parts. Part 3]. Moscow: Praxis Publ., pp. 191–204.

Gottmann, J. (1964). *Megalopolis: the urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. Cambridge, MA: The MIT Press, 810 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/4537.001.0001>

Gottmann, J. and Harper, R.A. (eds.) (1989). *Since megalopolis. The urban writings of Jean Gottmann*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 304 p.

Harman, G. (2017). [Networks and assemblages: the rebirth of things in Latour and Delanda]. *Logos*. Vol. 27, no. 3, pp. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32>

Il'in, V.I. (2023). [«Human resources» as a category of qualitative sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3, pp. 32–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013216250025139-5>

Kliment'eva, E.N. (2009). [Loneliness as a social problem of modern Russia]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology]. No. 3, pp. 99–101.

Kotelovaya, N.Z. (ed.) (1984). *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-kh godov* [New words and meanings: A reference dictionary based on the materials of the press and literature of the 70s]. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 810 p.

Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ., 1536 p.

Lazarev, A.D. and Chirun, S.N. (2006). *Sotsiologiya molodezhi* [Sociology of youth]. Kemerovo: KuzSTU Publ., 183 p.

Mareeva, S.V. (2018). [Life chances of population in capitals and provinces in mass consciousness]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomiches-*

kie i sotsial'nye peremeny. [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6(148), pp. 365–385. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>

Maskaev, A.I. and Chikarova, G.I. (2017). [Modern megalopolis and its influence on adaptation of professional actors in Russia]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology]. No. 1(194), pp. 108–114.

Mayer, S.E. (1997). *What money can't buy: Family income and children's life chances*. Cambridge, MA: Harvard: Harvard University Press, 256 p.

Indeks tsifrovoy gramotnosti – 2024: tsifrovaya gramotnost' rossiyan ne rastet tretiy god podryad [Digital literacy index 2024: Russians' digital literacy has not grown for the third year in a row]. NAFI Research Center. 2025, Jan. 29. Available at: <https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretyy-god-podryad/> (accessed 30.01.2025).

Romanova, A.P. (2016). [Modern megapolis as a frontier heterotopia]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 2(68), no. 3, pp. 51–60.

Seredina, M.I. (2011). [Modern megacities of the world and their social problems]. *Servis plus* [Service Plus]. No. 1, pp. 23–27.

Strel'nikova, A.V. and Verigina, T.E. (2023). [Technological city or livable city: Urban trends and their implementation in Moscow]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 32, no. 3, pp. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2023-32-3-6-27>

Vershinina, I.A. (2019). [Jan Gottman's concept of megalopolis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. Vol. 25, no. 3, pp. 36–48. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-36-48>

Waldfoel, J. (2004). *Social mobility, life chances, and the early years*. London School of Economics, CASEpaper 088. 32 p.

Weber, M. (1994). *Social stratification: Class, race, and gender in sociological perspective*. Boulder, CO: Westview Press, 768 p.

Об авторе

Дияжев Андрей Вячеславович
аспирант Института государственной
службы и управления

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
119571, Москва, пр. Вернадского, 82;
e-mail: dyajev@yandex.ru
ResearcherID: JMQ-4916-2023

About the author

Andrey V. Diyazhev
Postgraduate Student of the Institute of Public
Administration and Civil Service

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia;
e-mail: dyajev@yandex.ru
ResearcherID: JMQ-4916-2023

УДК 316.45

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-286-296>

EDN: YAKEYA

Поступила: 10.02.2025

Принята: 23.05.2025

Опубликована: 03.07.2025

МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ТИПЫ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГОСУДАРСТВОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Яковенко Антон Константинович

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (Санкт-Петербург)

Бесчасная Альбина Ахметовна

*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)*

Статья посвящена обзору исследований эволюции взаимодействия государства и молодежных организаций в России с периода распада Советского Союза по настоящее время. В рамках анализа развития молодежной политики и взаимодействия государства с молодежными движениями выделено несколько подходов к классификации молодежных организаций. Эти классификации отражают цели, формы деятельности, степень вовлеченности организаций в политическую жизнь, а также их отношения с государственными структурами, как с точки зрения государственной идеологии, так и в плане сотрудничества между государством и современными объединениями молодежи. В статье представлены ключевые этапы трансформации молодежной политики на территории современной Российской Федерации: от периода стихийного формирования независимых молодежных объединений в 1990-е гг. до централизованного управления и усиления государственного контроля в 2020-е гг. В статье представлены результаты нескольких социологических исследований по проблеме постоянно изменяющейся системы взаимоотношений государства с участниками современных молодежных организаций на уровне города, региона и страны. Описаны риски и перспективы в области взаимодействия органов государственной власти с молодежными организациями. Проанализированы возможные варианты взаимодействия государства с современными молодежными организациями. Подчеркивается важность эволюционных изменений взаимоотношений государства и молодежных организаций в период современных внутривнутриполитических и внешнеполитических преобразований, как с целью снижения социального напряжения в обществе, так и для формирования продуктивной и долгосрочной государственной молодежной политики. Дана оценка положению и роли молодежных организаций в современном российском обществе.

Ключевые слова: молодежная организация, молодежь, государственная молодежная политика, управление, социология молодежи.

Для цитирования:

Яковенко А.К., Бесчасная А.А. Молодежные организации: типы и этапы формирования взаимодействия с государством (по материалам российских социологических исследований) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 286–296. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-286-296>. EDN: YAKEYA

YOUTH ORGANIZATIONS: THE TYPES AND STAGES OF FORMATION OF THEIR INTERACTION WITH THE STATE (BASED ON RUSSIAN SOCIOLOGICAL STUDIES)

Anton K. Yakovenko

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics (Saint Petersburg)

Albina A. Beschasnaya

*North-West Institute of Management (Branch) of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg)*

The article provides a review of studies devoted to the evolution of interaction between the state and youth organizations in Russia from the period of the collapse of the Soviet Union to the present. Analyzing the development of youth policy and the interaction between the state and youth movements, the authors have identified several approaches to the classification of youth organizations. These classifications reflect the goals, forms of activity, the degree of involvement of organizations in political life, as well as their relations with state structures, both in terms of state ideology and in terms of cooperation between the state and modern youth associations. The article shows the key stages of the transformation of youth policy in the territory of the modern Russian Federation: from the period of spontaneous formation of independent youth associations in the 1990s to centralized management and the strengthening of state control in the 2020s. The article presents the results of several sociological studies on the problem of the constantly changing system of relations between the state and participants in modern youth organizations at the level of the city, region, and country. The authors describe risks and prospects in the field of interaction between state authorities and youth organizations, analyze possible options for the interaction. The paper emphasizes the importance of evolutionary changes in the relationship between the state and youth organizations during the modern period of transformations, these pertaining to both domestic and foreign policy, in order not only to reduce social tension in society but also to form a productive and long-term state youth policy. An assessment of the position and role of youth organizations in modern Russian society is provided.

Keywords: youth organization, youth, state youth policy, management, sociology of youth.

To cite:

Yakovenko A.K., Beschasnaya A.A. [Youth organizations: the types and stages of formation of their interaction with the state (based on Russian sociological studies)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 2, pp. 286–296 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-2-286-296>, EDN: YAKHEYA

Введение

Условия глобальной неопределенности, геополитические изменения выводят молодежные организации на роль ключевого актора, обеспечивающего в долгосрочной перспективе преемственность поколений и устойчивое развитие российского общества.

Именно современным молодежным организациям в данный период развития социума отведена ведущая роль в адаптации российской

молодежи к трансформациям геополитических реалий. Деятельность таких организаций — фундамент для появления осмысленного отношения к изменениям, ответственного, активного гражданского общества, увеличения инновационного потенциала государства, усиления стабильности социума.

Молодежи как социальной группе свойственны такие черты, как открытость к нововведениям, изменчивость мировоззренческих

констант, плюрализм, радикализм, толерантность, парадоксальным образом сочетаемая с повышенной критичностью к окружающему [Бесчасная А.А., Покровская Н.Н., 2018]. Молодежь—«выступает носителем интеллектуального потенциала общества, кадровым резервом, залогом инновационного развития страны» [Алексеенок А.А. и др., 2022, с. 84]. В данной связи неудивительно, что молодежь считается ключевым ресурсом модернизации социума, и одновременно она выступает объектом и субъектом государственных стратегий. Положение молодежи и спектр ее активности являются важнейшими индикаторами динамики развития общества.

Особый интерес представляют формальные и неформальные организации молодых людей. Формальные организации отражают интерес государства, общественных и политических движений, а неформальные организации демонстрируют интересы молодежи, генерируемые ими изнутри. Объединение ресурсов молодежи в этих видах организаций в какое-либо коллективное движение позволяет достигнуть синергетического эффекта, масштаб которого способен оказывать реальное влияние на характер, темпы и векторы социального развития. Молодежные организации, указывает А.В. Вовенда, «являются во многом детерминирующим общественно-политическим ресурсом, определяющим исход многих цивилизационных процессов на национальном и наднациональном уровнях» [Вовенда А.В., 2013, с. 57].

Взаимодействие государства и молодежных организаций: взгляд социологов

В рамках социологических исследований характер взаимодействия молодежных организаций с государством, а также ключевые формы и виды данного взаимодействия выступают в качестве критериев их классификации: (1) типа организации; (2) ее масштаба и влияния в социуме; (3) функций, выполняемых организацией. Разнообразие классификаций отражает развитость и сложность социальных отношений в обществе. Г.А. Абрамов предлагает разделять молодежные организации по критерию характера взаимодействия с властью на две условные группы: (1) участие-поддержка — организации, деятельность которых реализуется в контексте поддержки действующей власти; (2) участие-протест — организации, деятельность которых

имеет оппозиционную направленность и(или) направлена на борьбу с действующей властью [Абрамов Г.А., 2022, с. 14]. Р.Ф. Гарипов и Д.И. Игонин выделяют: (1) организации, которые выступают политическими акторами, т.е. субъектами политического процесса и молодежной политики; (2) организации, которые выступают объектом государственной политики, т.е. занимают пассивную роль реципиента в политических процессах [Гарипов Р.Ф., Игонин Д.И., 2021, с. 43]. Несмотря на то, что подобные подходы позволяют получить обобщенное представление о характере взаимодействия молодежи и государства, данные классификации, по нашему мнению, существенно редуцированы и не в полной мере отражают реалии последних десятилетий.

По мнению А.Ю. Брылева, молодежные организации следует классифицировать в зависимости от их степени воздействия на социум, учитывая интерес участников и направленность деятельности организаций по таким критериям направления вектора социальной активности, как: (1) социальная активность с позитивной направленностью деятельности (экологические группы, исторические реконструкторы); (2) социальная активность (музыкальные и спортивные фанаты); (3) асоциальная активность (хиппи, панки, преступные группировки, наркоманы) [Брылев А.Ю., 2016, с. 41]. Можно дополнить данную классификацию политическим измерением: (4) политическая активность с позитивной направленностью; (5) политическая активность с негативной направленностью; (6) смешанный тип — сочетание социальной и политической деятельности.

А.Р. Бочкаев говорит о том, что «дифференцировать молодежные организации можно по критерию доминирующей функции, выполняемой ими: (1) организации, выполняющие главным образом мобилизационную функцию (вовлечение молодежи в политическую деятельность); (2) организации политической социализации (поддержка политической культуры молодежи); (3) организации кадровой направленности; (4) организации, выполняющие интегративную функцию (главной задачей является объединение единомышленников по каким-либо социальным и политическим вопросам)» [Бочкаев А.Р., 2023, с. 50].

В типологии Т.Е. Зерчаниновой выделяются следующие типы молодежных организаций в

России: (1) подконтрольные государству организации и молодежные парламенты; (2) «пропартийные» организации, используемые политическими партиями различной направленности; (3) формальные и неформальные объединения по интересам; (4) антигражданские структуры (националистические, криминальные и т.п.) [Зерчанинова Т.Е. и др., 2021, с. 120]. Недостатком этой и иных приведенных классификаций выступает отсутствие упоминаний сетевых (виртуальных) сообществ и объединений. Классификации, представленные выше, дают понимание разнообразия интересов и форм самовыражения.

Молодежные организации стали обретать значимый социальный и политический статус ко второй половине XX в. Первые организации в странах Европы и США начали возникать на базе молодежных движений, занимающихся религиозной деятельностью. Созданный в 1894 г. в Париже «Всемирный альянс молодых христиан» принято считать одной из первых молодежных организаций в мире. Как правило, коммуникации подобных организаций строилось по модели триады «государство – молодежь – церковь». В последующем стало возрастать количество организаций политической направленности — как провластных, так и поддерживающих оппозицию («Молодая гвардия», 1886 г., Бельгия; Социалистический интернационал молодежи, 1907 г., Германия; Всемирная федерация демократической молодежи, 1945–1946 гг., Великобритания и др.) [Вовенда А.В., 2013, с. 58].

Политическая повестка доминировала и в деятельности советских молодежных движений. Советские молодежные организации представляли собой значительную часть общественно-политической жизни СССР. Организации играли ключевую роль в социализации молодежи, формировании идеологических убеждений и привлечении молодых людей к активному участию в общественной, культурной и трудовой деятельности. Так, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (комсомол), учрежденный в 1918 г., своей целью ставил воспитание молодежи в духе коммунистической идеологии, вовлечение в строительство социалистического государства. Комсомол, студенческие строительные отряды, детско-юношеские спортивные школы, молодежные клубы и кружки, клубы юных натура-

листов, клубы юных друзей армии и многие другие организации предоставляли возможности для творческого и профессионального развития, включая спортивные, художественные и научные секции. Подобные организации выполняли как воспитательную, так и организационно-мобилизационную функцию. Они служили механизмом интеграции молодых людей в общественную жизнь, развития чувства гражданского долга и реализации государственных программ.

В публикации «Коммуникативные практики взаимодействия власти и молодежи (социологический анализ)» Е.Г. Капустина пишет: «Во взаимодействии власти и молодежи в России выделяются несколько этапов: так, период тотального контроля органов власти над молодежью посредством комсомольской и пионерской организаций (1960–1980 гг.) сменился на восприятие молодежи как активного субъекта общественных отношений (1980–1990 гг.). Это, в свою очередь, привело к активизации политической и культурной деятельности молодежи и молодежных организаций с 1990 по 2000 гг.» На современном этапе, по мнению Е.Г. Капустиной, «реализация взаимодействия государства и молодежных организаций происходит преимущественно в рамках молодежной политики» [Капустина Е.Г., 2014, с. 183].

Этапы и типология взаимодействия государства и молодежных организаций с 1990-х гг. по настоящее время

С распадом Советского Союза деятельность советских молодежных объединений ненадолго прекратилась, но вскоре новая власть возродила эту практику. Взаимодействие институтов власти и молодежных организаций на данном этапе можно охарактеризовать как однонаправленное, вертикально-иерархичное: именно власть выступала организующим и контролирующим началом деятельности молодежи, тогда как молодежь выступала пассивным реципиентом, ресурсом власти, средством достижения требуемых политических целей.

В период с 1990-х гг. в контексте формирования новой посткоммунистической, а позднее — демократической парадигмы потребовалось переосмысление принципов и направлений работы государства с молодежью. На данном этапе стали вырабатываться новые подходы к воспитанию молодежи в соответствии с

ценностями зарождающейся системы. Кроме того, важнейшей функцией молодежных организаций на данном этапе стала легитимизация новой, достаточно нестабильной, власти.

На данном этапе для улучшения взаимодействия между властью и представителями молодого поколения начал разворачиваться новый виток молодежной политики. Молодежная политика предусматривает, что органы власти становятся инициаторами формирования институционально-правовой базы, законодательных актов (Указ Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики», 1992 г.), стратегий («Основные направления государственной молодежной политики в РФ», 1993 г.).

Попытку связать два общественно-политических актора можно проследить на примере создания таких организаций, как Российский союз молодежи и Молодежный союз юристов, которые представляли интересы молодежи как особой социально-демографической группы. Ряд подобных молодежных организаций стремился восстановить нарушенный контакт между молодежью и государством. Справедливо отметить, что благодаря молодежным организациям на данном этапе молодые люди получили возможность, пусть и весьма ограниченную, представлять свои интересы и устанавливать контакт с представителями власти. Среди форматов взаимодействия можно отметить совместные заседания, личные встречи с партийными лидерами. На данном этапе имели место так называемые акции прямого действия — радикальная форма выражения протеста текущей социально-экономической и политической реальности и, возможно, попытка показать значимость голоса молодежи в решении политических вопросов [Бесчасная А.А., 2015]. Несмотря на это, взаимодействие молодежи со властью оставалось преимущественно однонаправленным.

Как отмечает А.В. Давыдов: «Институционализация молодежных организаций позволила лишь законодательно признать их право на существование, но не наделяла молодежь реальными полномочиями в сфере управленческих решений» [Давыдов А.В., Коряковцева О.А., 2014, с. 46]. Молодежные организации беспрепятственно вели свою деятельность, но ее влияние не было существенным ни в политическом развитии, ни в социальном, культурном, эконо-

мическом плане. Во многом отношение к молодежным организациям со стороны государства было обусловлено слабостью, малочисленностью и разрозненностью данных организаций. Период с 1990 по 1994 г. А.В. Давыдов предлагает именовать этапом зарождения молодежного движения в современной России.

Второй этап, по мнению авторов, начался в 1995 г., когда был принят «Федеральный закон о государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», согласно которому был введен реестр молодежных общественных организаций, а также принят ряд мер финансового, административного, консультационного характера. При этом государственная поддержка была оказана лишь тем объединениям, которые имели выраженную политическую направленность и действовали согласно повестке правящего режима [Давыдов А.В., Коряковцева О.А., 2014, с. 48]. Можно интерпретировать данное условие как попытку укрепить контроль над молодежными объединениями в стране, что, в свою очередь, также свидетельствует об однонаправленном векторе взаимодействия между государством и молодым поколением.

Несмотря на очевидный идеологический, мобилизационный, политический характер принятых мер, закон поспособствовал созданию множества молодежных организаций в стране. Примером тому являются сформированные Детские и молодежные социальные инициативы (ДИМСИ), Национальная молодежная лига, Российский союз студентов. Второй период эволюции взаимодействия государства и молодежи характеризовался, помимо прочего, активизацией нормотворчества в данном сегменте общественных отношений. Во множестве регионов РФ были разработаны и приняты законы о молодежной политике, законы о поддержке молодежных организаций.

Третий период (с 2000 по 2009 г.) характеризовался сменой отношения государства к молодежным организациям. На данном этапе происходит трансформация политического режима в сторону усиления вертикали президентской власти, централизации отношений федерации и субъектов, что оказывает влияние и на молодежные политики. Одним из решающих факторов интенсификации работы с молодежью стал зарубежный опыт протестных движений (речь идет о Грузии, Киргизии, Украине и других

странах ближнего и дальнего зарубежья). В это время возникло множество политических организаций молодежи (Союз молодежи «За Родину!», «Молодая гвардия», «Наши», Молодежный СПС, Евразийский союз молодежи, «Оборона» и др.). С 2000-х гг. российское государство стремится не просто оказать влияние на молодое поколение путем формирования одобряемых установок, но и пытается активно вовлечь молодежь в политическую работу — к примеру, посредством механизмов грантов, форумов, молодежного парламентаризма, проектов.

На третьем этапе взаимодействие между государственными институтами и молодежными организациями начинает обретать дуалистический характер: от представителей молодежных организаций не ожидают лишь вступления в организацию или посещения плановых мероприятий, от них ждут инициативности, проявлений гражданских качеств, политических амбиций, активной жизненной позиции. Те молодежные организации, которые оказались не задействованы в процессах принятия реальных управленческих решений и действовали на периферии политической системы, продолжали прибегать к акциям прямого действия — митингам, протестам (Авангард красной молодежи, «Оборона», Национал-большевистская партия, Молодежные «Яблоко» и СПС) [Герасимова Г.И. и др., 2024, с. 49].

В своей работе «Социологическая концепция управления городскими молодежными организациями» О.Е. Трофимова делает вывод о том, что «на данном этапе акцент с федерального уровня управления молодежными организациями постепенно смещается на более мелкие уровни — региональный и муниципальный. По мнению автора, новая социологическая концепция управления молодежными организациями предусматривает то, что взаимодействие с молодежью не должно быть исключительной прерогативой центральной власти — имеет смысл распределить эти полномочия, к примеру, на муниципальную власть. Причиной этого выступает тот факт, что практическая деятельность молодежных организаций проходит “на местах” — именно там формируются специфические условия для социализации молодежи, происходит развитие молодежных инициатив, имплементируются новые технологии работы с молодежью» [Трофимова О.Е., 2010, с. 148].

По мнению О.Е. Трофимовой: «В этот период стали применяться более разнообразные методы взаимодействия с молодежными организациями; произошел отход от чисто директивных подходов. В 2000-х гг. стали применяться такие методы, как традиционно директивные (1) организационно-административные методы (выработка нормативно-правовой базы, издание распоряжений, приказов и регламентирующих актов взаимодействия); а также (2) информационные методы (сбор, распространение и анализ информации, внедрение новых информационных в управление); (3) экономические методы (стимулирование экономической среды, благоприятной для осуществления деятельности молодежных организаций). Важным шагом в эволюции взаимодействия власти и молодежных организаций стала имплементация (4) самоуправления. Повысилось, кроме того, качество оценки принимаемых мер посредством методов (5) мониторинга и экспертизы деятельности молодежных организаций» [Трофимова О.Е., 2010, с. 149].

Вслед за исследователями, выделим четвертый этап в формировании взаимодействия государства и молодежных организаций, произошедший с 2010 по 2022 гг. Данный период характеризуется увеличением «обратной связи» от молодежи, с одной стороны, и повышением рисков неконтролируемости молодежных движений, в том числе, по причине цифровизации — с другой.

Цифровая эпоха существенно усложнила механизмы связи между органами власти и молодежью. Как отмечает Г.А. Абрамов, естественная склонность молодежи к оппозиционному активизму и протестным формам политического участия широко используется в цифровой среде деструктивными организациями. Целью оппозиционных группировок выступает деструкция устоявшихся мировоззренческих констант, свойственных молодым российским гражданам и замена их на альтернативные — предлагающие иные версии развития политического процесса в стране [Абрамов Г.А., 2022, с. 15]. Среди оппозиционных молодежных движений выделяются как системные, так и несистемные, как официально запрещенные, так и не имеющие такого статуса и де-юре разрешенные.

На данном этапе государство впервые столкнулось с проявлениями таких проблем,

как использование социальных сетей и мессенджеров для координации молодежных протестов, алгоритмов и таргетированной рекламы для усиления радикализации взглядов, проблемой анонимности в сети и ее влиянием на мобилизацию участников деструктивных движений, кризисом доверия к традиционным институтам. Можно отметить усложнение традиционных механизмов взаимодействия, что во многом было связано с низкой эффективностью государственной пропаганды молодежных организаций в интернете. На данном этапе, тем не менее, повысился рост неформальных молодежных организаций, увеличился уровень плюрализма в молодежной среде, усилился двуправленный характер связи.

Социологические исследования вопроса взаимоотношений государства и молодежных организаций

И.А. Савченко в публикации «Молодежный экстремизм в г. Москве: опыт социологического исследования» говорит о том, что на данном этапе возросли риски радикального девиантного поведения молодежи, что во многом свидетельствует о недоработке в области организации работы молодежных организаций в стране. И.А. Савченко по результатам эмпирического исследования указывает: молодежный экстремизм как явление обусловлено обострением социально-политической обстановки, а также недостаточной эффективностью государственной молодежной политики. Большинство респондентов, принявших участие в исследовании И.А. Савченко, считают экстремизм достаточно распространенным среди современной молодежи. Среди них 79 % молодых людей разделяют мнение об особой подверженности молодежи экстремизму [Савченко И.А., 2018, с. 24].

Опираясь на результаты опроса, И.А. Савченко говорит о том, что директивные методы воздействия государства на молодежные организации с 2000-х гг. по настоящее время утрачивают свою релевантность. Так, молодые респонденты называют среди эффективных способов взаимодействия с молодежью стимулирование работы спортивных, культурных и иных учреждений, правовое и духовно-нравственное воспитание молодежи, мероприятия в области трудоустройства молодежи. Меры прямого воздействия, принимаемые госу-

дарственными органами, правоохранителями и органами суда, респонденты считают малоэффективными [Савченко И.А., 2018, с. 26].

А.А. Максименко и Л.Н. Шмигирилова в публикации «Сотрудничество субъектов молодежной политики на постсоветском пространстве: организационные формы и технологии» отмечают, что в период конца 2000-х гг. – начала 2010-х гг. во взаимодействии властных структур и молодежных организаций стала более активно проявляться транснациональная форма сотрудничества. Сотрудничество стало происходить в более сложном формате «государства – наднациональная структура – молодежные организации разных стран». Возросла роль Совета по делам молодежи государств-участников СНГ. Под эгидой Совета были реализованы многочисленные молодежные проекты: в 2011 г., к примеру, проведены мероприятия Международная смена «Мы — будущее СНГ!», Гуманитарный форум «Молодежное поколение — мир без границ», Международный спортивно-образовательный лагерь «Дни молодежи СНГ» в Калужской области, Международный молодежный форум «Дружба без границ» в Беларуси, Молодежная историко-культурная сессия – 2011 и проч. Данная форма взаимодействия имеет место до сих пор и регламентирована Стратегиями международного молодежного сотрудничества государств-участников СНГ [Максименко А.А., Шмигирилова Л.Н., 2012, с. 98].

В настоящее время при взаимодействии с молодежью акцент ставится на популярные цифровые платформы и создание положительных информационных кампаний. Основной упор делается на трансляцию официальной повестки через подконтрольные государству медиа и образовательные структуры («Движение первых», «Молодая гвардия Единой России», Юнармия и проч.). Сегодня мы можем наблюдать активизацию деятельности тех молодежных организаций, которые репрезентируют взгляды и интересы, согласованные с государственной идеологией. Попутно наблюдается блокировка деструктивных онлайн-платформ, усиление контроля над социальными сетями и мессенджерами; в недавнем времени произошло принятие нормативных актов, ужесточающих ответственность за участие в протестах или распространение «нежелательной» инфор-

мации (например, введение понятий «иностранный агент» и «экстремистский контент»).

М.В. Комаров и Ю.С. Комарова в рамках статьи «Проблемы и пути их решения в молодежной политике Российской Федерации на современном этапе» указывают, что в эволюции взаимодействия с молодежными организациями особую роль играет продуманная структура государственных, региональных и муниципальных институтов. Институциональная структура в области молодежной политики на сегодняшний день определяет качество взаимодействия власти и молодых людей (к примеру, Федеральное агентство по делам молодежи, Центр содействия молодым специалистам, Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи, Центр поддержки молодежных творческих инициатив, «Ресурсный Молодежный Центр», Национальная лига студенческих клубов и проч.) [Комаров М.В., Комарова Ю.С., 2022, с. 60].

Следует отметить, что параллельно с деятельностью политически ориентированных объединений в стране активно функционируют организации неполитического характера. Их деятельность в ряде случаев инициируют сами граждане, а иногда она происходит по инициативе государства. В качестве примера подобных организаций и движений В.А. Анкудинова приводит проект «Ты — предприниматель» (с 2008 г.), форум «Селигер», конкурс «Молодой предприниматель России», конгресс «Ты — предприниматель», а также «Предпринимательские сезоны» в Абрау-Дюрсо, «Территория смыслов на Клязьме», Всероссийский молодежный Дальневосточный образовательный форум «Восток», форум молодых деятелей культуры и искусств «Таврида» [Анкудинова В.А., 2020, с. 145].

А.А. Федина и Е.Б. Калашникова в публикации «Актуальные вопросы работы с молодежью: теория и практика» говорят о том, что оптимальным путем взаимодействия в современных условиях выступает культурно-просветительская деятельность. Положительными примерами подобного взаимодействия авторы считают «Всероссийский фестиваль молодежи и студентов», «Всероссийский Диктант Победы», всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида на Бакальской косе» и проч. [Федина А.А., Калашникова Е.Б., 2021, с. 179].

Е.Г. Капустина отмечает: «В настоящее время спектр форм участия молодежи и молодежных организаций в политическом процессе существенно расширился. Так, по данным проведенного опроса, можно выделить следующие формы взаимодействия власти и молодежных организаций: 1) представление интересов молодежи в органах власти; 2) участие в нормотворческой деятельности; 3) подготовка молодых кадров; 4) проведение мероприятий; 5) просветительская деятельность. Несмотря на это, только около 10 % представителей молодежи участвуют в деятельности различных общественных и политических институтов» [Капустина Е.Г., 2014, с. 184].

Однако помимо констатации сформировавшихся отношений между государственными структурами и молодежными объединениями, исследователи моделируют будущие формы, которые соответствуют запросам обеих сторон. Среди будущих тенденций взаимодействия власти и молодежных организаций О.А. Коряковцева отмечает следующие: «(1) наличие системы обратной связи — диагностики и оценки эффективности политики государства в отношении молодежных организаций; (2) более широкий учет вариативности потребностей и интересов членов молодежных организаций (интересы, связанные с национальностью, конфессией, специализацией и проч.); (3) повышение эффективности работы в цифровой среде» [Коряковцева О.А., 2022, с. 28].

Тезис о региональной вариативности молодежных политик и смещении акцента с федерального уровня встречается во многих новейших социологических исследованиях. Так, Е.Г. Капустина отмечает: «В разных регионах России на текущий момент сформировались разные модели взаимодействия властных структур и молодежных организаций: (1) патриархальная (однаправленная модель — от власти к молодежи, малая частотность инициатив, исходящих от молодежи — Адыгея, Тыва, Алтай, Башкортостан, Хакасия и др.); (2) социалистическая модель — развитое молодежное общественное движение, большая степень двустороннего взаимодействия — республика Татарстан, Красноярский край, Брянская, Тюменская области); (3) смешанная модель (Карелия, Чувашия и др.); (4) либерально-консервативная (существование патриотических, лояльных

государству организаций и либеральных оппозиционных организаций — Мордовия, Курганская, Мурманская, Свердловская, Ленинградская области); (5) плюралистическая (ограниченное вмешательство государства в регулирование молодежной политики; идеологический плюрализм — Москва, Санкт-Петербург, Московская, Владимирская, Тверская области и др.)» [Капустина Е.Г., 2014, с. 187].

Заключение

В целом говоря о типологии и эволюции форм взаимодействия государства и молодежных организаций, следует отметить, что они обусловлены текущей политической повесткой, коммуникационными технологиями, массовостью участников. Историко-социологический экскурс позволяет утверждать, что молодежные организации являются активными участниками выражения интересов молодежного социума и государственных институтов. В этом видится их потенциал конфликтных отношений. Поэтому современная молодежная политика предусматривает предоставление самостоятельности и инициативности в реализации молодежных интересов с учетом пользы и востребованности обществом. Риски деструктивных действий молодых актуализируют вовлеченность в управление молодежными организациями государственных институтов.

Анализ рисков и перспектив подходов к взаимодействию современных молодежных организаций с государством позволяет выделить ряд ключевых положений.

Во-первых, современная молодежная политика не должна становиться источником угрозы утраты автономии молодежных движений в условиях растущего контроля со стороны государства.

Во-вторых, государство должно быть заинтересовано в процессе вовлечения молодежи в решении ряда социальных вопросов. Для этого молодежным организациям со стороны государства необходимо предоставлять доступ к ограниченному набору государственных ресурсов с целью демонстрации готовности сотрудничать с молодежью как с наиболее активной частью общества.

В-третьих, одним из ключевых условий эволюционного развития процессов взаимоотношения государства и молодежных организаций

является изучение и понимание государством интересов и социальных потребностей современной молодежи. Необходимо вовлечение молодых людей в решение социально-экономических, культурных и иных проблем, продиктованных российскому обществу новейшими геополитическими вызовами современности.

Список литературы

- Абрамов Г.А.* Молодежные политические организации и движения как акторы политического процесса современной России // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7(108). С. 13–16. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2022.7.1>
- Алексеенок А.А., Ворбьева А.В., Алексеенок Е.А.* Молодежь современной России как ключевой ресурс модернизации социума // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 79–89. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-2-79-89>
- Анкудинова В.А.* История становления молодежной политики в Российской Федерации 1990–2000-е гг. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4(44). С. 141–146.
- Бесчасная А.А.* Политические установки рожденных в «пост-СССР»: политика глазами студентов // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 60–66.
- Бесчасная А.А., Покровская Н.Н.* Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 742–763. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763>
- Бочкаев А.Р.* Деятельность молодежных политических организаций // Власть. 2023. Т. 31, № 2. С. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9522>
- Брылев А.Ю.* Роль неформальных молодежных организаций в жизни общества // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5(10), ч. 1. С. 39–45.
- Вовенда А.В.* Молодежные организации: их влияние на мировую политику // Вестник МГИМО–Университета. 2013. № 2(29). С. 57–61. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-2-29-57-61>
- Гарипов Р.Ф., Игонин Д.И.* Молодежные общественно-политические организации как политический актор // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 5. С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-41-45>
- Герасимова Г.И., Крюкова С.А., Швецова О.В.* Организационные структуры самоуправления

как ресурс политической активности молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. Т. 17, № 1. С. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2024-1-39-52>

Давыдов А.В., Коряковцева О.А. Молодежные организации и движения в России: история и современность // PolitBook. 2014. № 3. С. 41–54.

Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П., Никитина А.С. Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1(94). С. 119–127. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-119-127>

Капустина Е.Г. Коммуникативные практики взаимодействия власти и молодежи (социологический анализ) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3. С. 182–190.

Комаров М.В., Комарова Ю.С. Проблемы и пути их решения в молодежной политике Российской Федерации на современном этапе // The Scientific Heritage. 2020. No. 56, vol. 5. P. 58–62. DOI: <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2020-56-5-58-62>

Коряковцева О.А. Государство и молодежь: проблемы гражданского взаимодействия // Социально-политические исследования. 2022. № 3(16). С. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.20323/2658-428x-2022-3-16-20-32>

Максименко А.А., Шмигирилова Л.Н. Сотрудничество субъектов молодежной политики на постсоветском пространстве: организационные формы и технологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 14(133). С. 91–101.

Савченко И.А. Молодежный экстремизм в г. Москве: опыт социологического исследования // Социодинамика. 2018. № 4. С. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.4.25802>

Трофимова О.Е. Социологическая концепция управления городскими молодежными организациями // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 1. С. 148–151.

Федина А.А., Калашникова Е.Б. Актуальные вопросы работы с молодежью: теория и практика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2–3. С. 178–181. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-3-178-181>

of modern Russia]. *Obschestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. No. 7(108), pp. 13–16. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2022.7.1>

Alekseenok, A.A., Vorobyova A.V., Alekseenok E.A. (2022). [Youth of modern Russia as a key resource for the modernization of society]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Film Humanities]. Iss. 2, pp. 79–89. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-2-79-89>

Ankudinova, V.A. (2020). [The history of the formation of youth policy in the Russian Federation 1990–2000s]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki* [Sciff. Questions of Student Science]. No. 4(44), pp. 141–146.

Beschasnaya, A.A. (2015). [Political attitudes born in the «post-Soviet»: politics eyed of students]. *Obschestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development (Terra Humana)]. No. 1, pp. 60–66.

Beschasnaya, A.A. and Pokrovskaya, N.N. (2018). [Prospects for the development of Russian cities in the context of the education-related migration of young people]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies]. Vol. 26, no. 4, pp. 742–763. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763>

Bochkaev, A.R. (2023). [Activities of youth political organizations]. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 31, no. 2, pp. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9522>

Brylev, A.Yu. (2016). [The role of informal youth organizations in the life of society]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'* [Tauride Scientific Observer]. No. 5(10), part 1, pp. 39–45.

Davydov, A.V. and Koryakovtseva, O.A. (2014). [Youth organizations and movements in Russia: history and present]. *PolitBook*. No. 3, pp. 41–54.

Fedina, A.A. and Kalashnikova, E.B. (2021). [Current issues of working with young people: theory and practice]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. No. 2–3, pp. 178–181. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-3-178-181>

Garipov, R.F. and Igonin, D.I. (2021). [Youth public organizations as a political actor]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences]. Vol. 11, no. 5, pp. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-41-45>

Gerasimova, G.I., Kryukova, S.A. and Shvetsova, O.V. (2024). [Organizational structures of self-government as a resource for youth political ac-

References

Abramov, G.A. (2022). [Youth political organizations and movements as actors in the political process

tivism]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics]. Vol. 17, no. 1, pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2024-1-39-52>

Kapustina, E.G. (2014). [Communicative practices of power-to-youth interaction (a sociological survey)]. *ISOM* [Historical and Social Educational Idea]. No. 3, pp. 182–190.

Komarov, M.V. and Komarova, Yu.S. (2020). [Problems and ways of their solution in the youth policy of the Russian Federation at the present stage]. *The Scientific Heritage*. No. 56, vol. 5, pp. 58–62. DOI: <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2020-56-5-58-62>

Koryakovtseva, O.A. (2022). [State and youth: problems of civil interaction]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya* [Social and Political Researches]. No. 3(16), pp. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.20323/2658-428x-2022-3-16-20-32>

Maksimenko, A.A. and Shmigirilova, L.N. (2012). [Cooperation of subjects of youth policy in post-Soviet space: organizational forms and technologies]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya*.

Pravo [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law]. No. 14(133), pp. 91–101.

Savchenko, I.A. (2018). [Youth extremism in Moscow: sociological survey experience]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 4, pp. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.4.25802>

Trofimova, O.E. (2010). [Sociological concept of management of urban youth organizations]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. Vol. 17, no. 1, pp. 148–151.

Vovenda, A.V. (2013). [Youth organizations and their role in the world politics]. *Vestnik MGIMO–Univrsiteta* [MGIMO Review of International Relations]. No. 2(29), pp. 57–61. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-2-29-57-61>

Zerchaninova, T.E., Mudretsova, N.P. and Nikitina, A.S. (2021). [Public organizations as factors of the youth civic participation in the local self-government]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 1(94), pp. 119–127. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-119-127>

Об авторах

Яковенко Антон Константинович

аспирант кафедры управления социально-экономическими системами

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44, лит. А;
e-mail: berserker86@bk.ru
ResearcherID: NQL-3576-2025

Бесчасная Альбина Ахметовна

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр., 57;
e-mail: aabes@inbox.ru
ResearcherID: AAI-3680-2021

About the authors

Anton K. Yakovenko

Postgraduate Student of the Department of Management of Socio-Economic Systems

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44A, Lermontovsky av., Saint Petersburg, 190103, Russia;
e-mail: berserker86@bk.ru
ResearcherID: NQL-3576-2025

Albina A. Beschasnaya

Doctor of Sociology, Docent, Professor of the Department of State and Municipal Management

North-West Institute of Management (Branch) of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 57, Sredniy av., Saint Petersburg, 199178, Russia;
e-mail: aabes@inbox.ru
ResearcherID: AAI-3680-2021

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием странички источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatzi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-13122024.pdf>.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2025 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	10 апреля
в № 2 — до 01 мая	3 июля
в № 3 — до 01 августа	2 октября
в № 4 — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...”).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2025

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 10
No 2 May 1	July 3
No 3 August 1	October 2
No 4 October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2025
Выпуск 2

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.06.2025
Дата выхода в свет 03.07.2025
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 19,75
Тираж 36 экз. Заказ 1190

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Философско-социологический факультет.
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке